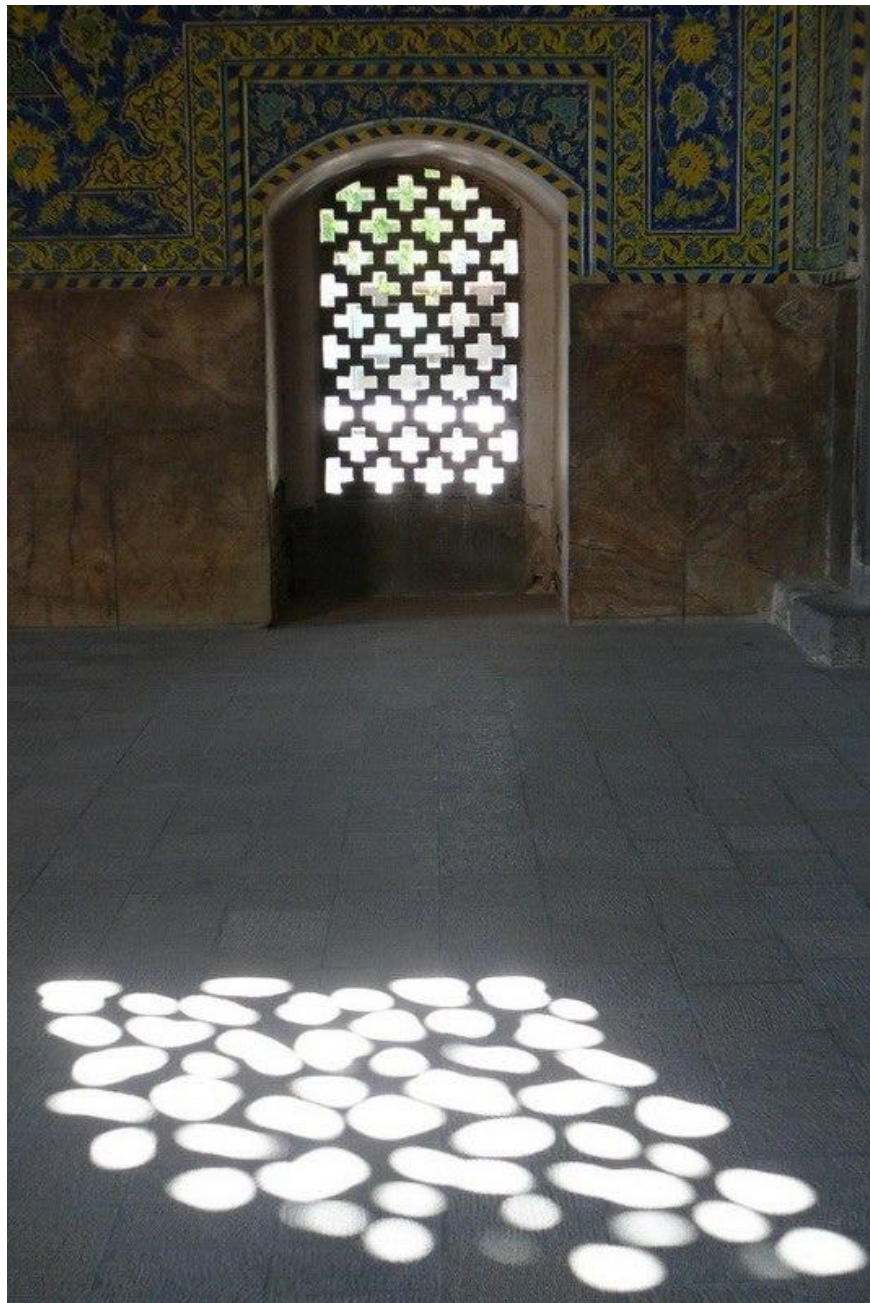

“

Ибн аль-Фарид
Поэма о Пути

**перевел в стихах на английский
с арабского
Дж. А. Дж. Арберри**

Содержание

Предисловие к русскому переводу	3
Введение	4
Перевод	7
Примечания	47
Библиография	

Предисловие к русскому переводу

*Тот, кто соблазняется любовью, узрит,
Как из самой восхитительной жизни его душа
Отдает себя добровольно смерти.*

*Я удалился от любви, как тот, кто полагает, что любовь —
Это всего лишь завеса (ибо страсть ниже
Моего уровня), и я превзошел границы
Любовной страсти; теперь любовь
Стала как ненависть; отныне мой путь
Начинается там, где завершается
Мое восхождение к единству.
(Ибн аль-Фарид)*

‘Поэма о Пути’ Ибн аль-Фарида была переведена с арабского на английский язык известным британским востоковедом Артуром Джоном Арберри и опубликована в Лондоне в 1952 году. Кроме самого текста поэмы, английское издание содержало введение, примечания и библиографический список. Для удобства читателей каждой странице с русским переводом поставлен в соответствие английский. Как у всякого мистического текста, любой перевод здесь неточен – многие места поэмы остаются неясными после первого прочтения, требуя внутреннего проникновения с разных сторон и многоуровневого толкования.

Основное содержание поэмы Ибн аль-Фарида – описание духовного пути, который начинается диалогом с женской ипостасью Бога. На этом пути к высокой цели – надежды, ошибки и разочарования, падения и взлеты. В терминах Востока беседа с Ней есть духовная практика тантры, где Она дает наставления и выступает в роли учителя, иногда сурового. Она является искателю в различных обликах и вновь скрывается, повергая его в отчаяние.

Автор выступает сначала как искатель, затем отождествляется с Ней и обретает просветление, постигая в любви единство мироздания, отбрасывая всякую двойственность. В конечном итоге герой возвращается к себе после ‘двукратного отрезвления’, восстанавливая целостность своего сердца. Во второй части поэмы он уже говорит как пророк, сам становится Учителем и произносит слова учения о Едином, разъясняя высшую духовную практику.

Поэт дает руководство по практике суфизма, раскрывая некие важные моменты Пути. В остальном же он, предлагая лишь намеки на просветление, упоает на мистическое прозрение будущих читателей – ищущих мистиков, которым предстоит пройти собственный путь.

*Мистик понимает меня, когда я говорю
Косвенно (не требуя, чтобы мои слова
Были явными).*

Будучи написана в исламской суфийской традиции, поэма выходит за рамки ортодоксальной религии. В конце поэмы воспевается единство всех религий и вероисповеданий, стремящихся к Истине:

*И если михраб мечети освещён
Кораном, то тяжелые церковные здания
Не пропадут зря, когда там открыто Евангелие,
И ни одна синагога, где свитки Торы,
Переданные Моисеем своему избранному народу,
Не остаются нечитанными ночью, когда равнины
Читают их в своих молитвах.
И если в доме идолов поклонник преклоняется перед камнями,
Не бросайся в ревностной ярости дальше, чем требует отрицание,
Предписанное верой: многие, не запятнанные позором*

*Идолопоклонства многобожников,
В душе поклоняются Маммоне.
Каждый, кто имеет уши слышать, услышал мой предостерегающий голос;
В себе я доказал приемлемость молитвы каждого учения.*

Введение

Шараф ад-Дин Умар ибн Алла ас-Саади, известный как Ибн аль-Фарид или сын нотариуса, родился в Каире в 1181 году нашей эры, десять лет спустя после окончательного свержения правления Фатимидов в Египте и шести лет после официального признания власти Саладина. Его жизнь, продолжавшаяся чуть меньше пятидесяти четырех лет, проходила в период больших военных, политических и интеллектуальных перемен. В ней было очень мало мирских событий; с ранней юности Ибн аль-Фарид был предан мистическому пути, стремясь к уединению от мира, а в более поздние годы был совершенно удовлетворен тем, что мог с восторгом вспоминать о совершенном им паломничестве по священным местам Аравии и размышлял о единении с Духом Мухаммеда, которое он тогда пережил. После смерти 23 января 1235 года он оставил после себя память о святой жизни, преданной Воле Аллаха, и небольшой сборник изысканных стихотворений.

Величайшее и наиболее известное произведение Ибн аль-Фарида — это ‘Назм ас-Сулук’, или ‘Поэма о Пути’, которая здесь переведена. Это произведение было охарактеризовано Р.А. Николсоном как ‘не только уникальный шедевр арабской поэзии, но и свидетельство исключительного интереса для идущего по пути мистицизма’. Оригинал состоит из 760 куплетов, рифмующихся на окончании стиха -ти, что объясняет его альтернативное название ‘ат-Таджлят аль-Кабир’ (‘Великая Ода на Т’). Для арабских поэтов было крайне редким превышать даже 100 куплетов в одном стихотворении; эпическая длина ‘Назм ас-Сулук’ не имеет аналогов, и, рассматривая произведение только как пример рифмованного мастерства, его уже следует считать самым выдающимся. Ритм звучит так:

saqatnl | humaiya l-hub|bi raha|tu muqlati
сакатнл / хумайя ль-хаб|би раха|ту муклати

wa-k-a-'-sl | muhaiya man | 'ani l-hus|ni jallati
ва-к-а-'-сл / мухайя ман / 'ани л-хус|ни жаллати

Великой темой этого стихотворения является мистический поиск и осознание своего единства с Духом Мухаммада, а следовательно, и поглощение его индивидуальной личности в Единстве Бога. Ибн аль-Фарид привнес в исследование этой темы, сосредоточенной на размышлении мусульманского мистика, богатейшее наследие метафизических знаний и поэтических образов. Его стиль, подобно стилю некоторых современных поэтов, предполагает у читателя готовое знание широкого спектра отсылок и ассоциаций. Этот факт, в сочетании с намеренной сложностью и запутанностью синтаксиса, часто приводит к трудности понимания, которое иногда бывает едва уловимым. Более того, он был наследником литературной традиции, которая высоко ценила вычурное украшение риторики. Например, в первой строке его стихотворения, приведенной выше, присутствует осознанный вербальный узор в использовании слов ‘хумайд’ и ‘мухайд’ (эта фигура известна теоретикам как ‘джинс маклюх’), а также в сопоставлении слов ‘рдаату’ (‘рука’) и ‘муклятул’ (‘зрачок моего глаза’). Вряд ли

найдется строка во всем стихотворении, лишенная какого-либо украшения, а в некоторых строках декор настолько тонок и плотно сплетен, как филигрань.

Эстетический эффект, создаваемый резким контрастом между повторением доминирующих тем и их почти бесконечным развитием в мельчайших деталях узорчатых вариаций, в точности напоминает впечатление от монументального здания, украшенного изящной арабесковой резьбой. Это сходство не случайно: стиль Ибн аль-Фарида, не превзойденный ни одним другим арабским поэтом в его жанре, представляет собой воплощение того же художественного импульса, который достиг своей вершины (с использованием строительных материалов вместо слов и образов) в совершенном балансе силы и утонченности Альгамбры. Из этого краткого экскурса очевидно следует, что его поэзия непереводаема, если под переводом подразумевается не только воспроизведение смысла, но и художественного мастерства оригинала на иностранном языке.

Ибн аль-Фарид представляет особенно трудную задачу для тех, кто стремится передать не только то, что он говорит, но и то, как он это выражает, на другом языке. Несмотря на помощь — если это не эвфемизм — нескольких арабских комментариев, которые утверждают, что обладают ключом к частым загадкам его произведений (а даже сами комментаторы в более откровенные моменты признают свое поражение и предлагают лишь предположительные решения), приходится признать, что намерения поэта иногда остаются интеллектуально неразрешимыми. Есть отрывки, в которых он, кажется, пишет в состоянии некоего чувственного транса, очарованный формами и звуками слов, с которыми играет, отчаянно пытаясь организовать их в некое подобие смысла. Однако даже в самые запутанные моменты он всегда спасает читателя от полного замешательства одной-двумя строками почти кристальной простоты, так что нить рассуждения никогда полностью не теряется. Это чередование темноты и ясности создает устойчивое напряжение и возбуждение в сознании читателя, к сожалению, совершенно непередаваемое тем, кто не может следовать оригиналу.

Первым европейским ученым, который попытался перевести это стихотворение, был немецкий ориенталист Йозеф фон Хаммер-Пургшталь. Он издал текст, используя красивый шрифт насталик, принадлежавший старой Императорской типографии Габсбургов, и переложил то, что он понял из поэзии Ибн аль-Фарида, в рифмованные немецкие стихи. Это издание, вышедшее в Вене в 1854 году, было кратко охарактеризовано Р. А. Николсоном, самым великодушным из ученых, как бесполезное - справедливый вердикт для смелой неудачи. Вторую попытку предпринял итальянский любитель С. И. ди Маттео в 1917 году; он проявил скромность, не пытаясь сохранить ритм или рифму, но его ученость оказалась недостаточной для этой задачи, и мягкий К. Наллино разнес её в клочья в очень ученом отзыве. Затем Р. А. Николсон собрал свои зрелые силы и опыт для третьей попытки; его честный дословный перевод трёх четвертей поэмы, искусно и информативно аннотированный, стал заключительной частью блестящей работы ‘Исследования исламского мистицизма’ (Кембридж, 1921). Наконец, Мария Наллино обнаружила среди бумаг своего отца после его смерти неизданный прозаический перевод, схожий по научной строгости с переводом Николсона, охватывающий чуть больше половины всего произведения; этот перевод теперь был опубликован.

Хотя я давно был очарован ‘Назм ас-сулюк’ и хорошо осведомлен о его сложностях, мне никогда не приходило в голову, что я сам рискну заняться его интерпретацией, пока случайно не наткнулся на рукопись стихов Ибн аль-Фарида в библиотеке моего щедрого друга мистера А. Честера Битти — экземпляр, который значительно старше всех других известных кодексов; описание и транскрипцию этой рукописи я дал в другом месте. По одному из тех странных совпадений, которые почти заставляют человека верить в судьбу, мне повезло примерно в то же время найти в малоизвестном книжном магазине экземпляр очень редкого издания (опубликованного на Востоке в 1876 году) самого старого и подробного комментария к поэме, написанного во

второй половине XIII века Сафи ад-Дином аль-Фаргани, которым не располагал Р. А. Николсон. С этими двумя новыми источниками информации в руках я почувствовал немного меньше неуверенности в возможности продвинуть интерпретацию Ибн аль-Фарида на шаг вперед. Изучив имеющиеся передо мной доказательства, я решил сделать пятую попытку.

Моя первая попытка заключалась в том, чтобы передать поэму строчка за строчкой в некоем вольном варианте ‘тавила’, насколько это возможно в нашем английском языке, лишенном количественных ритмов; я опубликовал фрагмент в таком духе в своей книге ‘Суфизм’ (Allen & Unwin, 1951). Но вскоре я осознал, что такие вольности неуместны по отношению к поэзии столь утонченной и неуловимой, как у Ибн аль-Фарида. Прозаические переводы Р. А. Николсона и К. Наллино, несмотря на их выдающуюся научность, предостерегли меня от того, чтобы следовать этому пути, если я хотел, чтобы Ибн аль-Фарид был прочитан кем-то, кроме горстки ученых. Хаммер-Пургшталь оставил памятное предупреждение против рифмы. Оставалось наше великое английское наследие белого стиха – средства, способного передать любую степень темноты или ясности, которую может желать мастер; и именно это стало основой моего нового подхода. Хотя я отказался от техники строчка за строчкой как неуместной, я сознательно стремился сопоставить темное с темным, а светлое со светлым; при этом я пытался передать то устойчивое напряжение, которое, как я отметил, является одной из выдающихся черт оригинала.

Эта версия в её нынешнем виде, будучи строгой и прямолинейной, часто остается непонятной без обращения к примечаниям, приложенным к ней. Если эти примечания не решают каждую намеренную загадку, то это потому, что я поставил перед собой задачу соперничать с собственными загадками Ибн аль-Фарида, решения которых скорее должны быть интуитивно восприняты, чем логически объяснены. Я ощущаю, что постиг решения каждой загадки, неизменно сохраняя в своём сознании чёткое осознание мощно доминирующих тем, которые образуют монументальную основу поэмы.

Перевод

The pupil of mine eye stretched forth its hand
To grasp my bowl (her matchless countenance
Transcending mortal beauty) and therefrom
Poured me the fever and the flame of love,
5 While with my glance I gave my friends to think
Draining their juice it was that filled my soul
(And I intoxicated) with deep joy;
Yet having eyes to drink, I could dispense
With that my goblet, since her qualities
10 And not my wine inebriated me.
So in the tavern of my drunkenness
The hour was ripe that I should render thanks
To those the lads by whose conspiracy
My passion could be perfectly concealed
15 For all my notoriety. But when
My sober mood was ended, boldly I
Requested union with her, being now
No more inhibited by clutching fear
But wholly unrestrained in love's expanse;
20 And privily, as when a bride unveils
Before her bridegroom, I disclosed to her
All my heart's story, having none to share
And spy upon my joy, no lingering trace
Even of self-regard. So, while my state
25 Attested my torn passion, as between
Annihilation in discovery
Of her my love, and re-establishment
Shocked by the loss of her, I pleaded thus:
'Give me, ere love annul in me a last
30 Poor relic of myself, wherewith to look
Upon thee—give me but one fleeting glance
As turning casually upon thy way!
Or if thou wilt not that I should gaze
At thee, grant to mine ear the blessed grace
35 Of that Thou shalt not wherein ere my time
Another once rejoiced; for I have need
Imperious, in my spirit's drunkenness.
Of that twice sobering, by which my heart
Except for passion were not fragmented—
40 And if the mountains, and great Sinai
Itself among them, had been made to bear
The burden of my anguish, even ere
The revelation of God's splendour flashed
They had been shattered—passion tear-betrayed,
45 Ardour augmenting those the inward flames
Whose sick-bed fevers made an end of me.
So was the Flood of Noah as my tears
When I make moan, the blaze of Abram's fire
My passion's scorch. (Only my sighs prevent
50 My overwhelming in that surge of tears,

Зрачок моего глаза будто протянул руку,
Чтобы взять мою чашу (её несравненное лицо,
Превосходящее смертную красоту),
И оттуда излились на меня жар и пламя любви,
5 В то время, как взглядом я заставил друзей
думать,
Что их напиток наполнил мою душу
(И я был опьянён) высшей радостью;
Теперь, имея глаза, чтобы пить, я мог обойтись

И вовсе без своей чаши, поскольку её красота,
10 А не вино, опьяняла меня.
И в той таверне, где я пил,
Настало время, чтобы я поблагодарил
Своих приятелей, чьим заговором
Была полностью сокрыта моя страсть,
15 Несмотря на мою дурную славу. Но когда
Я пьянел окончательно, то смело
Стал просить о союзе с ней, будучи больше
Не сдерживаемый страхом,
Но всецело безудержен в любви.
20 Тайно, словно невеста, которая открывает
себя перед женихом,
Я раскрыл ей всю историю моего сердца,
Не имея рядом никого, с кем можно поделиться,
Кто мог наблюдать за моей радостью без
остатка.
И в этот миг мое состояние
25 Свидетельствовало эту разорванную страсть -
Она тут же была уничтожена после открытия.
Только в тебе теперь моя любовь и воскрешение!
И потрясенный потерей, я стал умолять:
“Дай мне, прежде чем любовь не уничтожила
30 Меня, как жалкое подобие реликвии,
взглянуть
На тебя! Дай мне хотя бы один мимолётный
взгляд,
Словно нечаянно оказаться на твоём пути!
И если ты не хочешь, чтобы я смотрел на тебя,
Даруй моему уху благословенную благодать,
35 И ты не узнаешь об этом раньше времени.
Другой бы радовался на моем месте, но я
нуждаюсь
Во всеильном опьянении моего духа.
О таком дважды отрезвляющим, которым мое
сердце,
За исключением страсти, не было раздроблено –
40 Если даже горы, и сам великий Синай,
Не смогли вынести бремени моих страданий,
Когда вспыхнуло во мне откровение о величии
Бога.
Они бы полностью разбились
О страсть, преданную слезами.
45 Мой пыл все сильнее усиливался внутренним
пламенем,
Чтобы лихорадка покончила со мной.
Мои слезы подобны потоку Ноя:
Когда я издаю стон, пламя огня Авраама -
Жар моей страсти. (Только мои вздохи не дают
50 Мне утонуть в этих волнах слёз,

Only my tears deliver me alive
 From my sighs' holocaust.) And for my grief,
 Jacob expressed but the least part of it.
 And all Job's sufferings a fraction were
55 Of my dire torment; as for those who loved
 Constantly unto death (in legend famed).
 Their final agony might scarce have served
 To be the prelude of my tragedy.
 Or had the guide heard in his ear my sigh
60 When in the throes of throbbing sicknesses
 That tortured this my passion-wasted flesh.
 Haply my grief might have recalled to mind
 The critical distress of travellers
 Stranded untimely, when the caravan
65 Is reined, the racing dromedaries strain
 Unto the track. Affliction unrelieved
 Hath harassed and destroyed me utterly;
 Emaciation hath revealed the last
 Deep-hidden mystery of my truest self.
70 For, drunken of my wasting, I regaled
 My new-found intimate, the attentive spy.
 With all my secrets, and the detailed score
 Of my most private life. An abstract thought.
 No more, was all that I appeared to him,
75 My essence being brought to such a pass
 As he might not descry it, so the woes
 Of burning love obliterated it;
 And though my tongue spake not, the fluttering
 thoughts
 Within my soul whispered into his ear
80 The secret of those things my soul had sought
 The most especially to hide from him.
 Thus to my thought his ear became a mind
 Wherein my thought revolved, and thus his ear
 Sufficed him for the lack of visual sight;
85 Thus he bore news to all within the tribe
 Openly of my innermost affairs.
 Being right intimate with my estate,
 As if the angels who record all deeds
 Had come down out of heaven to inspire
90 His heart with knowledge of whatever tale
 Is written on my scroll. Nor had he known
 What I was veiling, what dark mystery
 Well-guarded in my bosom lay concealed.
 Save that my body's curtain being drawn
95 Disclosed that secret of my inmost soul
 It had till then most strictly screened from him.
 And in my secret too I had remained
 Invisible to him, but that the sigh
 Gasp'd by emaciation's feeble lips
100 Divulged it: so it was the malady
 Whereby I had been hidden from his eyes
 Itself displayed me—truly passion brings

Только мои слёзы делают меня живым
 В гибельном огне моих вздохов). И к моему
 горю,
 Сам Иаков не смог выразить даже малую часть
 этих страданий.
 И были малы страдания Иова в сравнении с
 моими

55 Невыносимыми мучениями, и это касается
 всех тех, кто любил вечно –
 До самой смерти, прославленных в легендах.
 Их последняя мука едва ли могла
 Приблизиться к моей трагедии.
 О если бы проводник услышал мой стон –
60 О моей пульсирующей в агонии боли,
 Которая мучает мою истощенную страстями
 плоть.
 Быть может, мое горе напомнило бы ему
 О бедствии путешественников,
 Застрявших безвременно в пустыне, когда
 караван
65 Не смог отыскать дорогу.
 Безмерное страдание извело
 И уничтожило меня окончательно;
 Изнурение раскрыло последнюю,
 Глубоко скрытую тайну моего самого истинного
 я.
70 Опыренный своей аскезой, я потчевал
 Себя - обретенного, который был сокрыт во мне,
 Ибо он знал все секреты
 Моей сокровенной жизни.
 Нет больше того, чем я казался ему,
75 Мое существо доведено до такого состояния,
 Что его невозможно описать - муки пылающей
 любви
 Стерли его. И хотя мой язык не говорил,
 Трепещущие мысли в моей душе
 Шептали ему на ухо секрет тех вещей,
80 Которые искала моя душа более всего, чтобы
 скрыть от него.
 Теперь его слух обернулся разумом,
 В котором вращались мои мысли.
 Из-за отсутствия зрения этого было достаточно.
 Он нес вести всему племени
85 Откровенно о моих сокрытых делах,
 Находясь в непосредственной близости.
 Как будто ангелы, которые записывают все наши
 деяния
 Спустились с небес, чтобы вдохновить
 Его сердце знанием, какая бы история
90 Ни была записана в моем свитке. И не знал
 он,
 Что я скрываю, какая темная тайна,
 Хранимая в моей груди, сокрыта.
 Настолько завеса моего тела был задернута.
 Но раскрылась сокровенная тайна моей души,
95 Которая настрого скрыта тайной от него.
 В своей тайне я также оставался
 Невидимым для него, но вздох,
 Который исходил из моих слабых губ,
 Раскрыл ее: так это болезнь,
100 Благодаря которой я был скрыт от твоих
 глаз,
 Сама раскрыла мне – истинная страсть
 Может привести к самому неожиданному.

All things most paradoxical to pass.
But then my agony surpassed all bounds:
105 The whispered thoughts within my soul, like
tears

That had betrayed me, smitten by that pain
Dissolved to nothingness. Had loathsome death
Purposed to seize me, it would not have known
To find me, being made invisible

110 By my resolve to hide my love for thee.
Torn between longing and intense desire
As now thou turnedst thy back repelling me
And now revealedst thyself before my gaze,
I wholly passed away; and were my heart

115 Restored me from thy court, as being now
Annihilated, never had it yearned
For such a lodge of exile. This I tell
To thee in part is but the frontispiece
Of my long story, and below it lies

120 A sequel far beyond me to declare.
So in my impotence I hold my tongue
On many things, that never by my speech
Shall be enumerated; and did I
Open my lips, I could but tell of few.

125 My cure itself was nigh to perishing.
Nay, passion doomed its death: the cooling draught
That would assuage my thirst found raging yet
The fever of my drought unquenchable.

My heart was grown more ragged than the robes
130 Of my long-suffering, nay more, my self
Itself was linked in naughting with my joy;
So, had I been revealed in verity
Unto my visitors, and had they learned

135 Scanning the Tablet what was left of me
By ardent passion, nothing more their eyes
Would have beheld of me except a ghost
Pervading yet a dead man's cerements.
And since the hour my tracks were blotted out
And I became a wanderer distraught,

140 My mind was filled with vain imaginings
About my being, and my thought yet failed
To light on my existence. Afterwards
My spirit's state, as loving only thee.
Subsisted of itself, my proof whereof

145 Is that my vital spirit did exist
Long ere my frame corporeal was knit.
And so I told the story of my love
For thee, not grown impatient of my woes
Or restless in the turmoil of my mood,

150 But to dispel my spirit's agony:
For comely is it to show fortitude
Before one's foes, unseemly to display
Aught but incompetence to the beloved.
(And yet the excellence of my fortitude

Но затем моя мука превзошла все границы:

105 Мысли, что шептали в моей душе, как слезы,
Которые предали меня, сраженные этой болью,
Растворились в ничто. И если бы презренная
смерть

Намеревалась схватить меня, она не смогла бы
узнать,

Как найти меня, ставшего невидимым

110 Из-за решимости скрыть мою любовь к тебе.
Разрываясь между тоской и сильным желанием,
Поскольку ты повернулась спиной, оттолкнув
меня,

А теперь раскрылась перед моим взором,
Я умер; и если бы мое сердце

115 Воскресило меня перед твоим судом, будучи
Уничтоженным, оно никогда бы не тосковало
По этому месту в изгнании. Я говорю
Тебе лишь немногое –

Всего лишь набросок моей долгой истории, за
ней же лежит

120 Продолжение – далеко за пределами того,
что можно сказать.

Поэтому в своем бессилии я держу язык за
зубами

О тех вещах, которых никогда не коснусь речью.
И если бы я открыл уста,

То смог бы сказать лишь о немногом.

125 Само мое исцеление было на грани.

Увы, страсть обрекла его на гибель: холодный
глоток,

Который облегчил бы мою страсть, обнаружил –
Она все еще бушует, эта лихорадка моей
неутолимой жажды.

Мое сердце стало более изорванным, чем
одежды

130 Моего страдания, моя самость
Была связана в игре с моей радостью;

И если бы я воистину открылся
Моим гостям, и они изучили бы

Мою скрижаль, что осталась от меня

135 Из-за пламенеющей страсти.

Их глаза бы не увидели ничего во мне, кроме
призрака,

Едва еще живущего в саване мертвеца.

И с тех пор, как я полностью исчез

И стал обезумевшим странником;

140 Мой разум был наполнен тщетными
представлениями

О моем бытии, а моя мысль никак не могла
Пролить свет на мое существование.

Впоследствии

Состояние моего духа, любящего только тебя,
Существовало само по себе. Это доказывает:

145 Мой живой дух существовал

Задолго до того, как моя телесная оболочка
появилась на свет.

Так я рассказал историю своей любви к тебе,
Не принявшись переживать из-за своих бед

Или тревожиться по поводу душевного
настроения,

150 Но стремясь развеять пожар моего духа:
Уместно ли проявлять стойкость

Перед своими врагами, ибо негоже выставлять
напоказ

Ничего, кроме своего бессилия перед
возлюбленной.

(И все же сила моей стойкости

155 Prevents me from complaining, though indeed
 Had I protested to mine enemies
 They would have satisfied my deep complaint.)
 That I endure with patience, loving thee.
 The burden of that love, shall issue fair
160 Hereafter win; but that I should endure
 To lose thee, that were little praiseworthy.
 Now every pain in love, if it appear
 From thee, to it I offer all my thanks
 And no complaining; whatsoever woe
165 Befalls me is a grace, let my resolve
 Be but secure, my knotted vows yet tied;
 Yea, though the torments of too ardent love
 Assail me, they shall be for dear love's sake
 Reckoned as blessings. All my misery
170 And tribulation, being wrought by thee,
 I count a benefaction, and to wear
 The garment of affliction for thy sake
 Is grace abounding. That eternal bond
 Of loyalty to thee hath made me view
175 As best of treasures what is given me
 As from the worst of fellows: railing one,
 The other slandering—the former seeks
 To guide me into negligence astray,
 The latter babbles still his jealous lies
180 About me and about. I stand opposed
 Against the first's reproach for awe of God,
 As equally by caution moved I stand
 Beside the second's pettiness and spite.
 And never terror of encountered woe
185 Deflected me from following thy path.
 Nor all the malice there afflicting me.
 Nor was it self-restraint that made me bear
 All that beset me on thy dear behalf
 To qualify me for applause, or prove
190 My love deserving praise: thy loveliness.
 That summoneth all hearts to worship thee.
 Decead that I should suffer and with joy
 What I have told, and all the furthest reach
 That stretches sequel to my history.
195 And this was all: that thou didst show thyself
 To me in thy most perfect attributes
 Exceeding mortal beauty, and didst make
 Affliction my adornment, free entire
 For me to wear, the which, as come from thee,
200 Proved my most fair and glorious ornament.
 He who is lured by loveliness, behold
 How from the most delightful life his soul
 Is yielded up to death most willingly:
 But any soul that thinketh not to meet
205 Suffering in love, and offereth itself
 To passion thus, findeth itself rebuffed.

155 Не дает мне роптать, хотя в самом деле:
 Если бы я оказал сопротивление моим врагам,
 Они удовлетворили бы мое глубочайшее
 страдание.)
 То, что я терпеливо переношу, любя Тебя -
 Эти тяготы моей любви должны быть позднее
 оправданы;
160 Но то, что я бы пережил, теряя Тебя, -
 Это было бы достойно меньшей похвалы.

Теперь всякую боль в любви, если она исходит
 от Тебя,
 Я принимаю с благодарностью, без жалоб;
 Любое страдание, которое на меня
 обрушивается, — это благодать,
165 Позволь моей решимости всегда оставаться
 начеку:
 Узлы моих обетов до сих пор не развязаны;
 Да, хотя муки слишком страстной любви
 Преследуют меня, ради любви они будут
 приняты
 Как благословение. Все мои невзгоды
170 И бедствия, причиненные Тобой,
 Я считаю милостью. Носить
 Траурные одежды ради Тебя, —
 Изобилие благодати. Эта вечная связь
 Преданности Тебе заставила меня
175 Увидеть, как лучшее из сокровищ, то
 Худшее, что дано мне от товарищей:
 предательство одного,
 клевету другого. Первый - стремится
 Сбить меня с пути,
 Второй - снова ревниво бормочет свою ложь
180 Обо мне и моем окружении.
 Я выступаю против упреков первого в страхе
 Господнем.
 Также, движимый осторожностью, я
 отстраняюсь
 От мелочности и злобы второго.
 И никогда ужас перед предстоящим горем
185 Не сбивали меня с Твоего пути,
 Ни вся та злоба, что терзала меня.
 И не самообладание заставило меня вынести
 Все то, что окружало меня по Твоему
 повелению,
 Чтобы заслужить одобрение или доказать,
190 Что моя любовь заслуживает похвалы:
 Твоя любовь — вот что призывает все сердца
 поклоняться Тебе.
 Мне велено страдать и принять с радостью.
 О чем я рассказал, и то, что будет дальше,
 В продолжение моей истории.
195 И это было всем: то, что ты показала мне
 Себя
 В своих самых совершенных качествах,
 Превосходящих смертную красоту, и сделала
 Скорь моим украшением, которое я свободно
 ношу,
 Поскольку, исходя от Тебя,
200 Оно оказалось моим самым лучшим и
 славным облачением.
 Тот, кто соблазняется любовью, узрит,
 Как из самой восхитительной жизни его душа
 Отдает себя добровольно смерти.
 Но любая душа, которая думает избежать
205 Страдания в любви и так предастся страсти,
 Увидит себя отвергнутой.

No spirit given over to repose
 Ever won true affection; loyalty
 Escapes the spirit loving ease of days.
210 Ease—how remote it lieth from the life
 Of constant lover! Eden's heavenly bowers
 Are set about with dreads most horrible.
 Mine is a noble spirit—offer it
 Rewards beyond the boundaries of desire
215 But to forget thee, yet it could not dare
 To let thy memory go; be it removed
 Far from thy side, by exile, hatred, scorn,
 Abscission of all hope, it would not yield
 The precious prize of love I call my own.
220 I have no other way that I may go
 Going from love away, and if I swerve
 One day therefrom, I shall forswear my faith;
 Or had a stray desire for other love
 Than thine chanced in my mind though unawares
225 Then were I proved apostate, self-condemned.
 Thine be the arbitration in my case:
 Do what thou wilt, for never have I yearned
 To turn away, but only unto thee.
 Now by that firm-knit love between us twain
230 Wherein no fancy ever intervened
 Of abrogation (O most solemn oath);
 And by the covenant of holy troth
 Which thou didst take, what time I had not yet
 Appeared in manifest and outward guise
235 As of a spirit clad in my clay's shade;
 By that primeval pledge, unaltering
 Since first I took it, and the latter bond
 Too sacred to be loosed by ardour dimmed;
 By the uprising of those lights that shine
240 Upon thy countenance, before whose gleam
 Resplendent every moon is lost to sight;
 By that thine attribute of absolute
 Perfection, whence the loveliest, shapeliest form
 In all creation manifest derives;
245 As by thy quality of majesty
 That doth my torment unto pleasure turn
 And make my very slaying seem most sweet;
 As by the secret of a loveliness
 Thy emanation, the sole origin
250 And perfecting of every elegance
 In all the world for ever visible;
 As by a beauty every intellect
 Leadeth into captivity, my guide
 Unto a passion wherein grace most fair
255 My humbling was, for thy exalting's sake:
 As last by an idea in thee (the which
 Transcendeth beauty) through itself I viewed.
 Too subtle to be seen by vision's eye—

Ни один дух, преданный покою,
 Не обретет истинной любви. Верность
 Ускользает от беззаботного духа.
210 Беспечность – как же она далека от жизни
 Преданного любящего. Небесные сады Эдема
 Наполнены ужасами.
 Мой дух благороден: предложи ему награды
 За гранью любого желания,

215 Но с условием забыть Тебя – он не рискнет
 отпустить
 Память о Тебе. Если он будет отстранен
 От Тебя изгнанием, ненавистью, презрением,
 Потерей всякой надежды, он не уступит
 Драгоценный дар любви, который я называю
 своим.
220 У меня нет другого пути, по которому я бы
 мог следовать,
 Уходя от любви. И если я однажды сверну с
 этого пути, -
 Я отрекусь от своей веры.
 И если у меня вдруг появится случайное
 желание,
 Пусть неосознанное, другой любви, кроме твоей,
225 То я окажусь отступником, причем
 самоосужденным.
 Пусть суд в моем деле принадлежит Тебе:
 Делай со мной что хочешь, потому что я никогда
 Не стремился от Тебя, но только к Тебе.
 Теперь благодаря той крепкой любви между
 нами двумя
230 В которую никогда не вмешивалась мысль
 Об измене (О, это суровая клятва).
 И по обету святой верности,
 Который Ты с меня взяла, когда мой дух еще
 Не вошел в проявление,
235 В оболочку из глины,
 Благодаря тому изначальному обету,
 нерушимому
 С тех пор, как я впервые принял его.
 А эта связь слишком священна, чтобы быть
 потерянной, когда угасает пыл,
 Благодаря восходу тех огней,
240 Что сияют на Твоем лице, перед отблесками
 которого
 Теряется из виду полная луна,
 Благодаря присущему Тебе абсолютному
 совершенству,
 Из которого проистекает всякая прекраснейшая
 и тончайшая форма
 Во всех проявлениях творения.
245 Благодаря Твоему величию
 Мои муки превращаются в наслаждения,
 И даже мое уничтожение кажется сладостным,
 Тайной очарования
 Твоего сияния – единственного источника.
250 И совершенства,
 Всего видимого во всем мире, -
 Благодаря красоте, которая пленит
 Всякий разум, моим проводником
 В страсти, в которой самым прекрасным даром
255 Было мое смирение ради хвалы Тебе,
 Наконец, благодаря Твоему замыслу, (который
 Превосходит красоту), - так созерцал Я.
 Слишком неуловимый, чтобы быть увиденным
 обычным зрением,

Thou truly art my heart's desire, the goal
260 Of my long quest, the far and final end
 Of my soul's search, my choice and chosen one.
 It is my bounden duty to cast off
 All modesty, for thy sake (though my kin
 Scorn to draw nigh me), yea, immodesty
265 Is now my sacred law; and no true folk
 Of mine they are, while they will disapprove
 My recklessness, and manifest their hate.
 And see fit to abuse me, for thy sake.
 Nay, those my kindred are (within the fold
270 Of love's religion) who do truly love
 And, loving, are content with my disgrace
 And my dishonour deem most excellent.
 Then let who will be wroth, save only thee:
 It cannot hurt, so be it they approve
275 Of me who are the nobles of my tribe.
 If but some part of thy fair attributes
 Be thought as apt ascetics to enchant.
 The whole of thee my fascination is.
 I never was bewildered, till I chose
280 Thy love to be my faith; and ah, if thou
 Wert not the cause of my bewilderment,
 How great would my bewilderment have been!
 'Nay, thou hast sought another's love, not mine'.
 She answered. 'Thither blindly purposing
285 Thou didst forsake my straight and narrow way:
 Dupe of a soul puffed up with vain desires.
 Prey to imposture, in whate'er thou saidst
 Thou puttest on the infamy of a lie.
 Daring to covet the most precious boon
290 And thine a wayward soul that passed its
 bounds
 In arrogant aggression. How indeed
 Shouldst thou attain affection's best, my love.
 By mean pretence, the worst of qualities ?
 Shall dim Suha be seen of eyes born blind,
295 Confused into oblivion of their goal?
 'Twas thy vain hopes deceived thee, until thou
 Hast taken up thy stand upon a point
 Transcending thy true rank, what time thy foot
 Exceeded not its small environment;
300 Thou wast ambitious to attain a height
 How many folk have stretched their necks towards
 And been struck off! Thou earnest unto tents
 Not to be entered upon netherwards
 Whose doors are barred against the like of thee
305 Come knocking. Thou wouldst whisper privily
 Into mine ear, for which high privilege
 (A glory scant indeed to realize)
 Thou broughtest for thine offering empty gauds.
 Aye, and with shining face, not letting slip
310 The least part of the honour thou wouldst hug

Ты воистину желание моего сердца,
260 Цель моих долгих поисков, далекий и
 последний финал
 Странствий моей души - мой выбор и избрание.
 Мой прямой долг - отбросить
 Всякую скромность ради Тебя (пусть мои
 родичи

Презирают меня). Да, забыть стыд – теперь мой
 священный закон.

265 Они не будут моим народом,
 Пока будут осуждать мое безрассудство
 И проявлять ненависть.
 Они считают нужным оскорблять меня ради
 Твоего имени.
 Но нет, мои родственники те, кто исповедует
270 Религию любви, кто действительно любит,
 И любя разделяют мое бесславие,
 Считая мой позор превосходным.
 Так пусть кто-то гневается, но не на Тебя –
 Это не повредит, так пусть меня поддержат
275 Лишь лучшие из моего рода.
 Нет ничего из Твоих прекрасных качеств
 Что не могло бы вдохновить на подвижничество.
 Я восхищаюсь всей полнотой Тебя.
 Я никогда не испытывал смущения, пока не
 избрал
280 Твою любовь своею верой. И если бы Ты
 Не была причиной моего замешательства,
 Как бы я был тогда смущен!
 ‘Нет, ты искал другой любви,
 А не моей!’ - ответила Она. ‘‘Слепо стремясь
 туда,
285 Ты отрекся от моего прямого и узкого пути,
 Заблудшая душа, полная тщеславных желаний!
 Став жертвой самообмана,
 Ты сладострастно погрузился в бесчестье лжи.
 Осмелившись домогаться самого драгоценного
 блага,
290 Твоя своенравная душа перешла свои
 границы
 В самонадеянной дерзости. Как, в самом деле,
 Ты можешь добиться лучшего из чувств, моей
 любви
 Низким притворством, худшим из качеств?
 Разве тусклый Алькор можно увидеть глазами
295 Слепорожденных, заблудших, забывших
 свои цели?
 Это твои тщетные надежды обманули тебя, когда
 Ты занял место, превосходящее
 Твой истинный уровень, хотя твои ноги
 Не вышли за пределы твоего малого окружения.
300 Ты был слишком честолюбив, чтобы достичь
 высоты.
 Сколько людей тянули так свои шеи
 И были уничтожены! Ты всерьез пытаешься
 войти в шатры,
 Куда не входят нищие,
 Двери, которых заперты для таких, как ты,
305 Приходящих стучаться! Ты хотел бы тайно
 Шептать Мне на ухо, и ради этой высочайшей
 чести
 (Триумфа, который действительно трудно
 осознать).
 Ты принес вместо жертвы пустые безделушки.
 С сияющим лицом, не упуская ни единой
 мелочи,
310 Которую бы ты ни схватил

In earth and heaven, seeking my pure love
 Thou earnest to me thus. If thou hadst been
 A thin-drawn line marking the vowel i
 Beneath the dot of b, be it through me,
315 Thou shouldst have been exalted higher far
 Than thy unaided strength might struggle to,
 There to perceive not worth a single thought
 What formerly thou thoughtest of account,
 And all thy preparation scarce enough
320 To count provision. Clear the roadway runs.
 For all who are right-guided, unto me:
 'Tis men's desires for ever blind men's eyes.
 Now it is time that I disclose to thee
 The nature of thy passion, and for whom
325 Thou languishest, as so thy false pretence
 To love me is disproved. True, thou art sworn
 To ardour; but thy ardour is thyself.
 Whereof in demonstration I would cite
 Thy sparing of thyself an attribute
330 Yet to survive. Till thou hast passed away
 Wholly in me, thou hast not loved me true.
 And till my form is manifest in thee
 Thou hast not passed away. Then have thou done
 With false pretending love; summon thy heart
335 To other occupation; drive away
 Thy error with that state more excellent.
 Avoid the courts of union: far indeed
 True union is, and never was as yet
 Thou livest: if thou art sincere, then die!
340 For such is love: thou gainest never goal
 In love, except thou die. So choose thou that:
 Die, or let go my love, and leave me be.
 Whereat I said to her: 'Behold, my soul
 Waiteth upon thee; it is thine to take;
345 What matters it to me, that it should hap
 Within my hands? I am not one to hate
 Death for dear love; faithful unto the end
 Is still my wont; all else my nature scorns.
 And what might now be said of me, except
350 "Such a one died of love"} Or who is there
 Can guarantee me this, my soul's desire?
 Yes, it would please me well to have my term
 Determined, yearning yet and union yet
 Not mine, if so my lien on thy love
355 Be shown well-founded; or if I should fail
 In fact to prove some claim on thee (too high
 Such honour being), it sufficeth me
 For boast to be suspected of thy love.
 And if I die, unsuspect, of my grief
360 Yet shalt thou not have wronged me, since my soul
 Delights in martyrdom; enough for me.
 If thou shalt shed my blood and I not count

На земле и на небе. В поисках Моей чистой
 любви, -
 Так ты добиваешься Меня. Если бы ты был
 Тонкой линией, означающей гласный "и"
 Ниже точки буквы "ба" (↵), то через Меня
315 Ты смог бы подняться намного выше,
 Чем позволяет вся твоя сила, лишённая помощи.
 Чтобы воспринять, не нужно ни одной из тех
 мыслей,
 Что ты прежде считал важными,
 И вся твоя подготовка оказалась
320 Слишком скудной, чтобы обеспечить тебе
 опору.
 Путь открыт и ясен для тех, кто верно ведом – ко
 Мне,

Желания человека – они для навсегда слепых
 глаз.
 Теперь пришло время открыть тебе
 Природу твоей страсти, о ком
325 Ты в самом деле томишься, так что твоя
 ложная
 Претензия любить Меня разоблачена.
 Да, ты поклялся в страсти; но страсть твоя — это
 ты сам.
 И в подтверждение этого Я могла бы сослаться
 На твое бережное отношение к себе, знак
 желания уцелеть.
330 Пока ты целиком не растворился во Мне, -
 Ты не любил Меня по-настоящему.
 И до тех пор, пока Мой облик не проявится в
 тебе –
 Ты не исчез. Так покончи
 С ложной притворной любовью, призови свое
 сердце
335 К другому занятию, прогони свое
 заблуждение
 Тем, что более превосходно.
 Избегай судить о единстве: на самом деле
 Истинное единство далеко, и еще дальше –
 Пока ты жив: если ты искренен, то умри!
340 Ибо такова любовь: в любви ты никогда не
 достигнешь цели,
 Если только не умрешь. Так выбирай:
 Умереть или отпустить мою любовь и оставить
 меня'.
 Тогда я ответил ей: "Вот, моя душа,
 Она ждет тебя, она твоя – возьми ее.
345 Какое мне дело, что она оказалась
 В моих руках. Я не из тех, кто отвращается
 От смерти ради драгоценной любви. Быть
 верным до конца, -
 Вот мой удел. Все остальное мое естество
 презирает.
 И что теперь можно сказать обо мне, кроме того,
350 Что он умер от любви. И кто может
 Подтвердить это желание моей души?
 Да, меня бы удовлетворило, если бы мои условия
 определились,
 Пока желание и единение еще не достигнуты, -
 Тогда мой залог Твоей любви
355 Был бы прочен; или, если бы я не смог
 На деле подтвердить притязания на Тебя
 (слишком высока честь), -
 Этого было мне бы достаточно, чтобы гордиться
 Сомнительной надеждой Твоей любви.
 И если я умру, ничего не ведая, от своей скорби,
360 Ты все же не причинишь мне зла, ибо моя
 душа
 Находит радость в мученичестве; для меня будет
 достаточно,
 Если Ты прольешь мою кровь, а я не буду
 считаться

As martyr, that the motive of my doom
 Be known to thee. My spirit, as I think,
365 Scarce merits to be spent as price to win
 Union with thee, for any difference
 Betwixt reserve and prodigality
 With so slight asset. I am well at ease
 Before the threats of death, whose terrors else
370 Shake down the fragile pillars of man's joy.
 Thou didst not wrong my soul in slaying it;
 Rather thou gav'st it succour, if thereby
 Thou didst destroy my life-blood, and if true
 This omen is, thou hast exalted me,
375 Enhanced my worth, marked up my market-price.
 Lo, I invite thy doom, and bid thee work
 Thy pleasure: I seek not my span of days
 To be prorogued. Whate'er thou threatenest
 I take as fairest promise, which fulfilled
380 Fulfils the aspirations of a friend
 Who standeth firm before whatever blow
 Save to be sundered far from his beloved.
 So I have come to hope what other men
 Shrink from in fear: succour therewith the soul
385 Of a dead man prepared for endless life! '
 Now let me be her ransom, by whose grace
 I did aspire to love, treading the path
 Of them who went before me, and refused
 All laws of life but mine. In every tribe
390 How many fell her victims, slain by grief.
 Who never won upon a single day
 Even one glance at her! How many men
 Like me she slew of passion, and had she
 Gazed in compassion on them, every one
395 Had stood revived! Now if she make my blood
 Lawful to shed, and that I loved her well.
 Upon the heights of exaltation, yea
 The pinnacles of honour she hath set
 My rank secure for ever. By my life,
400 If I do lose my life in loving her
 I win the bargain; if she waste my heart
 Yet shall she after heal it whole again.
 I was humiliated in the tribe
 Through her, until I found myself, in their
405 Esteem, too mean-aspiring to attain
 The least worth striving; my subservience
 To them debased me to obscurity
 Matching my feebleness, so that they deemed
 Me too contemptible to serve their will.
410 So I have fallen, after all my pride,
 Down from the heights of glory to the deeps
 Of degradation; lost my self-respect.
 Men no more press my gate, nor put their hopes
 In my authority; no neighbour comes

Мучеником, если причина моей смерти
 Станет известна Тебе. Думаю, моя душа
365 Едва ли заслуживает того, чтобы быть
 проданной,
 Чтобы завоевать союз с Тобой. Как нет никакой
 разницы
 Между стяжательством и расточительностью
 При столь ничтожном богатстве.
 Я вполне спокоен перед угрозой смерти, чьи
 ужасы
370 Еще сотрясают хрупкие столпы
 человеческой радости.
 Ты не причинила зла моей душе, убив ее;

Напротив, Ты оказала ей помощь, если,
 уничтожив
 Мою жизнь, Ты действительно
 Возвысила меня, если это верное
 предзнаменование,
375 Ты повысила мою ценность, подняла мою
 цену на рынке.
 Смотри, я призываю Твою кару и прошу тебя
 действовать
 В свое удовольствие: я не стремлюсь к
 продлению своих дней.
 Чем бы Ты ни угрожала,
 Я приму это как самую справедливую просьбу,
380 Которая исполнит чаяния друга,
 Что твердо стоит перед любым ударом
 Кроме разлуки с возлюбленной.
 Итак, я пришел к надежде на то, от чего другие
 люди
 Уклоняются в страхе: помоги
385 Душе уже умершего человека, готового для
 вечной жизни! '
 Пусть теперь я буду её выкупом, благодаря чьей
 милости
 Я осмелился любить, идя по пути
 Тех, кто шёл до меня, отвергая
 Все законы жизни, кроме своих. В каждом
 племени
390 Сколько пало ее жертвами, убитыми горем,
 Они за всю свою жизнь
 Не получили от неё ни единого взгляда!
 Сколько подобных мне
 Она погубила своей страстью, и, если бы
 Она взглянула на них с состраданием, то каждый
395 Из них воскрес бы! Теперь, если она
 признает мою кровь
 Пригодной для пролития и то, что я любил её
 истинно,
 То на вершине величия на пике славы
 Она навеки утвердит моё высокое положение.
 Клянусь своей жизнью,
400 Если я потеряю её, любя её,
 Я выиграю эту сделку; если она разобьёт моё
 сердце,
 Она исцелит его снова.
 Я был унижен в роде
 Из-за нее, пока не обнаружил, что в их
405 Глазах слишком ничтожен, стремясь достичь
 Хотя бы малейшего стоящего усилия. Моя
 покорность
 Им унизила меня до такой незаметности,
 Под стать моей слабости, что они сочли
 Меня слишком презренным, чтобы служить их
 воле.
410 Так я, после всей своей гордыни, пал
 Вниз с высот славы в глубины унижения;
 Я утратил самоуважение.
 Больше никто не стучится в мои ворота, не
 возлагает надежд
 На мою власть; ни один сосед не приходит

415 To me for shelter from the world's despite.
 It is as if I had been never held
 In honour by my fellows, but was still
 Despised, alike in hardship and in ease.
 Had any asked, 'Whom lovest thou?' and I
420 Boldly declared her name, they would have
 said,
 'He means another, surely', or 'Poor man,
 A demon madness hath assailed his brain!'

But had it not been possible to be
 For her abased, passion would not have been
425 So sweet to me, and had I never loved,
 Abasement would have never been my joy
 And glory. Now my state, because of her.
 Is thus adorned: the reason of one crazed,
 The health of one oppressed by malady,
430 Humiliation's pride. In secrecy
 My spirit whispered to my secret heart
 How it desired to love her, where my mind
 Could not be spy; for I did fear the tale
 Might so transport my rest, that my shed tears
435 Would babble in their fashion and declare
 My precious secret. Thus one part of me
 Sought to deceive another, guarding close
 This thing within me, though in truth my lie
 In hiding it proved my veracity.
440 And then, as my first thought refused to show
 This secret to the ribs within my breast,
 I kept it from my meditating heart;
 I strove my all for its concealment, and
 So well that I forgot it, and was moved
445 Quite to forget concealing this same thing
 My spirit whispered to me. Now if I
 In planting these desires shall pluck the fruit
 Of suffering, O wonderful the soul
 That in desiring suffers! Of all hopes
450 Moving the loving soul, that is most sweet
 Whereby the one who caused it to recall
 And to forget doometh its suffering.
 She took a part of me and set it guard
 For her against me, watching my heart's thoughts
455 If they drew near with love; and if they steal
 From my imagination secretly
 Into my mind, naught hindering, in awe
 And reverently I cast down my head.
 Mine eye is closed, if I essay one glance,
460 And be my hand stretched out familiarly
 To touch her, 'tis restrained; in every limb
 Of me is a like eager reaching out,
 And a like fearful drawing back by force
 Of veneration. So my mouth and ear
465 Exhibit in me all the jostling signs
 Of rivalry, that manifest as in

415 Ко мне, чтобы укрыться от зла этого мира.
 Это - как если бы я никогда не был в почете
 У своих товарищей, но все еще презираем ими,
 Как в лишениях, так и в радости.
 Если бы кто-нибудь спросил: "Кого ты
 любишь?"

420 И я смело назвал бы ее имя, они бы
 ответили:
 "Он, конечно, имеет в виду другую", или
 "Бедняга, демоническое безумие охватило его
 разум!"
 Но если бы не возможность быть униженным
 ради неё,
 Страсть не была бы для меня
425 Так сладка, и если бы я никогда не любил,
 Унижение не стало бы моей радостью
 И славой. Теперь мое состояние, из-за нее
 Таково: разум безумца,
 Здоровье угнетенного болезнью,
430 Гордость унижения. В тайне
 Моя душа шептала моему сокровенному сердцу,
 Как она желала любить её, где мой разум
 Не мог бы разыскивать, ведь я боялся, что этот
 рассказ
 Мог бы так взволновать мой покой, что мои
 пролитые слёзы
435 Раскрыли бы мою драгоценную тайну.
 Так одна часть меня пыталась обмануть другую,
 Тщательно оберегая эту вещь внутри меня,
 Хотя, по правде говоря, моя ложь
 В её сокрытии доказывала мою правдивость.
440 И затем, когда моя первая мысль отказалась
 открыть
 Эту тайну ребрам в моей груди,
 Я скрыл ее от своего созерцающего сердца;
 Я прилагал все усилия, чтобы скрыть это,
 И так старался, что забыл о своём намерении,
445 И был почти готов забыть само сокрытие
 того,
 Что дух мне шептал об этом. Теперь, если,
 Взращивая эти желания, я пожну плод
 Страдания, о дивная душа,
 Что в своих желаниях страдает! Из всех надежд,
450 Возвышающих любящую душу, самая
 сладкая та,
 Благодаря которой тот, кто заставил её
 вспомнить
 И забыть, обрекает на страдание.
 Она взяла часть меня и поставила её стражем,
 Чтоб следить за мной ради неё, наблюдая за
 мыслями моего сердца,
455 Если они приближаются с любовью; и если
 они крадутся
 Из моего воображения тайно
 В мой разум, без приятственно, я в трепете
 И благоговении склоняю голову.
 Мое око закрывается, лишь только я пытаюсь
 взглянуть,
460 И если моя рука протянута, чтобы коснуться
 её
 Непринужденно, она сдерживается; во всем
 моем
 Теле есть такое же жаждущее стремление,
 И такое же страшное отступление под силой
 Благоговения. Так и мои уста, и ухо
465 Выказывают во мне все признаки
 Соперничества, проявляющиеся в

Self-sacrificing mercy on my soul:
 As when my tongue recites her name, if then
 Mine ear displays its quality thereto
470 And is not deaf, my tongue straightway is
 stilled.
 Or if my tongue bestows upon my heart
 The mention of her, being not the slave
 Of silence, then mine ear becometh stopped.
 Jealous am I for her, being distraught
475 With love of her, yet knowing my poor worth
 I do disown my jealousy. My soul
 Is rapt thereafter in an ecstasy
 Of perfect joy in her, though even yet
 I cannot hold my spirit innocent
480 Of inwardly conceiving a desire.
 Mine ear beholds her, far indeed though she
 Be from mine eye, in the pale visitant
 Of phantom blame, the while I lie awake;
 Or let her name be mentioned, then mine eye
485 Deemeth mine ear too lucky, and my rest
 Envieth that she did efface in me.
 I led my leader, in reality.
 And all mankind behind me stood arrayed:
 Whither I faced, there my true facing was.
490 My sight saw her before me as I prayed.
 My heart meanwhile beholding me *imam*
 Of my *imams*; and this scarce wonder was
 That he who led the prayer led towards me,
 Since she, the *qibla* of my *qibla*, lodged
495 Within my heart; and all directions six
 To me had been directed, and therewith
 All acts of piety and pilgrimage
 Greater alike and lesser. (Un to her
 At Abram's station I perform my prayers
500 And therein witness that to me she prayed:
 We twain are one at prayer, prostrating one.
 United, to his own reality
 In each prostration.) None had prayed to me
 Except myself, neither were my prayers said
505 In every genuflexion save to me.
 Then how long shall I hug to me my veil?
 Lo, I have rent it, as 'twas in the bond
 Of my primeval compact I should loose
 The curtain's locks. This gift of loyalty
510 To her was given me upon that day
 When no day was, ere she appeared to me
 At the high covenant, in my primalcy:
 This loyalty I gained neither by sight.
 Nor hearing, nor acquiring, nor the pull
515 Of nature, but I was distraught with her
 In the supernal world of the Command
 Where naught is manifest: I drained the cup
 Of high intoxication, ere by birth

Милости самопожертвования к моей душе:
 Как мой язык произносит её имя, если моё ухо
 Проявляет себя.
470 А если не глухо, язык сразу же умолкает.
 Или если мой язык дарит сердцу
 Упоминание о ней, не будучи рабом
 Молчания, тогда ухо мое становится глухим.
 Я ревную её, обезумев

475 От любви к ней, но, зная, чего я стою...
 Я отрекаюсь от своей ревности. Моя душа
 Затем уносится в экстаз
 Испытывая совершенную радость от неё, хотя и
 по сей день
 Я не могу считать свой дух невинным
480 Во внутреннем зарождении желания.
 Моё ухо созерцает её, хотя она
 Далека от моего взора, в бледном видении
 Призрачного упрёка, пока я лежу без сна;
 Или, если упомянуто её имя, мой взор
485 Считает слух слишком удачливым, и мой
 покой
 Завидует тому, что она затмила во мне.
 В действительности я вел своего вождя.
 И все человечество стояло позади меня,
 выстроившись в ряд:
 Куда бы я ни повернулся, там было мое
 истинное лицо.
490 Мой взор видел ее перед собой, когда я
 молился.
 Мое сердце тем временем созерцало меня
 имамом,
 Одним из моих имамов; и это едва ли было
 чудом.
 Тот, кто руководил молитвой, направлял ее ко
 мне,
 Поскольку она, кибла моей киблы, пребывала
495 В моем сердце; и все шесть направлений
 Были направлены ко мне, и там совершались
 Все акты благочестия и паломничества,
 Как великие, так и малые.
 (Ей на стоянке Авраама я совершаю свои
 молитвы
500 И в этом свидетельствую, что она молилась
 мне:
 Мы двое - единое целое в молитве,
 простирающееся ниц.
 Соединенное со своей собственной реальностью
 В каждом поклоне.) Никто не молился мне
 Кроме меня самого, и мои молитвы не были
 обращены
505 В каждом поклоне ни к кому, кроме как ко
 мне самому.
 Тогда как долго я буду прижимать к себе свой
 покров?
 Вот, я разорвал ее, как это было предусмотрено
 В первоначальном договоре, что я должен
 развязать
 Узлы завесы. Этот дар верности
510 Был дан мне в тот день,
 Когда не было дней, прежде чем она явилась
 мне
 На высшем завете, в моем первобытии:
 Эту верность я не приобрел ни через зрение,
 Ни через слух, ни через обучение, ни через
 природное
515 Стремление, но я был без ума от нее
 В божественном мире Повеления,
 Где ничто не проявлено: я выпил чашу
 Высшего опьянения еще до того, как
 родился

In this created world. The attributes
520 Dividing us, whereof none there survived.
 Love here annulled and naughted utterly.
 And I discovered with my inward eye
 That which I had rejected from myself
 Issuing unto me, and out of me
525 Proceeding forth; and I did contemplate
 Myself by those same attributes whereby
 I from myself was veiled, alike when I
 Was present, and in occultation too;
 And I was whom I loved without a doubt,
530 That same for whom my soul had to myself
 Referred me; while my self myself had loved
 Distractedly and unawares, although
 In contemplation not in ignorance
 Of where the truth resides in this affair.
535 And now the time is come that I should tell
 In more particular what I have said
 Succinctly, and more briefly summarize
 What I have detailed, that I may spread forth
 My wider scope. My taking her to love.
540 Thanks to our unity, bestowed on me
 Rare subtleties and most exceptional
 To lovers' habitude. The slanderer
 Slanders me to her, but for my own sake.
 While he who blames me on account of her
545 Manifests in her presence and through her
 The goodly counsel he intends for me.
 I give her thanks abounding (and before
 She never hated me), while she accords
 Me bounteous kindness because my love
550 Was proved sincere. I offered up myself
 To win her favour, counting it for her
 Alone, and hoping for no recompense
 From her; but she did draw me nigh to her.
 Forthwith I proffered all that should be mine
555 In my hereafter, with whatever she
 Might think to give me; in sincerity
 I left behind me all regard for that.
 Being unwilling my self-interest
 Should be the beast to bear me unto her.
560 In poverty I sought her, yet was rich
 In having poverty my attribute.
 Wherefore I cast away impoverishment
 Alike and riches. When to jettison
 My poverty and wealth assured to me
565 The merit of my quest, I thrust aside
 My merit also, and therein appeared
 Evident my good fortune: she who would
 Reward me (and naught else) became my prize.
 And now through her, but never through myself,
570 Continued I to guide to her all those

В этом сотворённом мире. Атрибуты,
520 Что разделяли нас, там не выжили.
 Любовь здесь была отменена и полностью
 уничтожена.
 И я обнаружил своим внутренним взором
 То, что я отверг от себя,
 Проникающее в меня и исходящее из меня;
525 И я действительно созерцал

Себя с помощью тех же атрибутов, посредством
 которых
 Я был скрыт от самого себя,
 Как в присутствии, так и в сокрытии;
 И я был тем, кого любил без сомнения,
530 Тем самым, к кому тянулась моя душа;
 В то время как моё 'я' любило себя
 Рассеяно и неосознанно, хотя
 В созерцании, а не в неведении
 Где кроется истина в этом деле.
535 И теперь пришло время рассказать
 Более подробно о том, что я сказал
 Сжато, и более кратко подытожить
 То, что я подробно описал, чтобы я мог
 распространить дальше
 Мой более широкий взгляд. Моя любовь к ней,
540 Благодаря нашему единству, даровала мне
 Тонкие и исключительные
 Черты, редкие для влюбленных.
 Клеветник клеветает на меня ей, но ради моего
 блага.
 В то время как тот, кто обвиняет меня из-за нее,
545 Проявляет в ее присутствии и через нее
 Благой совет, который он намеревается дать мне.
 Я преисполнен благодарности к ней (и прежде
 Она никогда не ненавидела меня), и она дарует
 Мне щедрую доброту, потому что моя любовь
550 Оказалась искренней. Я пожертвовал собой
 Чтобы завоевать ее благосклонность, относя это
 только к ней
 И не надеясь на вознаграждение
 От нее; но она действительно приблизила меня к
 себе.
 Я тотчас предложил все, что должно было
 принадлежать мне
555 В моей будущей жизни, чтобы она
 Ни пожелала мне дать; искренне
 Я забыл обо всем этом.
 Не желая, чтобы мой личный интерес
 Стал зверем, который понесет меня к ней.
560 В бедности я искал её, но был богат
 Тем, что бедность была моим качеством.
 Поэтому я отверг как нищету, так и богатство.
 Когда избавление от бедности и богатства
 Принесло мне заслугу в моем поиске,
565 Я отринул и свою заслугу,
 И в этом проявилась моя удача:
 Она, которая должна была
 Наградить меня (и не кто иной), стала моей
 наградой.
 И теперь через неё, но никогда через меня
 самого
570 Я продолжал вести к ней всех тех,

Who of their own sweet will had gone astray
 From passion's path; and she the true guide was.
 Leave then to her, my friend, thy heart's desire;
 Give her thy leading-rope, a soul at peace
575 In her. Be empty of all selfish whims;
 Rise from thy slough; thereafter stablish thee
 Firm-fixed, and thou shalt flourish mightily.
 Keep on the way of righteousness; draw nigh.
 Hold firm to her; direct thee unto her
580 Obedient, with the goodly penitence
 Of a true, contrite heart. Return right soon;
 Answer her (for she calleth), and refrain
 To say, 'Tomorrow I will gird my loins
 In earnest resolution to arise'.
585 Be sharp of edge as trenchant Time itself.
 For hatred lies in 'haply'; and beware.
 Say not 'Perchance', that is a malady
 Most perilous. Rise up to please her well;
 Labour, nor seek for respite or relief;
590 Yield not to weaknesses that let the hour
 Of duty pass. Though thou art palsied, walk.
 And rise, though thou be broken; for thy lot
 Is worthlessness, if thou defer resolve
 Unto the day of health. Go boldly forth;
595 Put forward all for sake of which thou sat st
 Among the laggards; issue from the chains
 Of idle heeding of the idle show.
 Cut with the sword of resolution strong
 'I shall'; if thou run swiftly in the race
600 Thou shalt win respite; giving of thy all
 Thy soul shall win to fortune infinite.
 Turn thyself unto her: to her direct
 Thy steps, in utter bankruptcy: herein
 I have comprised (if thou wilt but accept
605 My testament) all counsel that I know.
 No rich man ere drew nigh to her, for all
 His striving, nor remote from her thereby
 Any remained who poverty preferred:
 Such is the law of love, which all obey
610 Who have to do with love—a band of men
 Fulfilled their compact, and were paid in full.
 When blows the gale of self-sufficiency
 It strips the man of substance; had it fanned
 His poverty, the tender plant would thrive.
615 The right hand richest in prosperity
 Reaps the reward of cutting knives, if it
 Be outstretched eagerly in love, to clutch
 At union. Whatsoever works are pure
 And pious, let them all be unto her
620 Wrought, and escape thereby from self-regard
 In that thy poverty. Do thou oppose
 The promptings of vain talk, and free thyself

Кто по своей доброй воле сбился с пути страсти;
 А она была истинным проводником.
 Предоставь же ей, мой друг, исполнить желание
 твоего сердца;
 Дай ей свою путеводную нить, чтобы душа
 обрела покой в ней.
575 Будь свободен от всех эгоистичных
 капризов;

Поднимись из своей трясины; затем прочно
 утверди себя,
 И ты будешь процветать вечно.
 Ступай по пути праведности; приблизься.
 Держись за неё крепко; направляйся к ней,
580 Послушный, с благочестивым покаянием
 Истинного, сокрушенного сердца. Возвратись
 как можно скорее;
 Ответь ей (ибо она зовёт), и воздержись
 От слов: 'Завтра я соберу силы
 В самой серьёзной решимости подняться'.
585 Будь пронизателен, как само Время.
 Ибо ненависть заключается в слове 'может
 быть'; и берегись, -
 Не говори 'возможно', эта болезнь
 Самая опасная. Поднимись, чтобы угодить ей;
 Трудись, не ищи ни отдыха, ни облегчения;
590 Не уступай слабостям, которые позволяют
 Часу долга пройти мимо. Хотя ты немощен —
 иди.
 И встань, даже если ты сломлен; ибо твоя участь
 —
 Ничего не стоит, если ты откладываешь
 решимость
 До дня выздоровления. Иди смело вперед;
595 Принеси всё то, ради чего ты сидел
 Среди медлящих; освободи себя от цепей
 Праздного внимания к бесполезному зрелищу.
 Руби мечом твердой решимости, сказав: 'Я
 буду';
 Если ты быстро побежишь в гонке,
600 Ты получишь передышку; отдав всё,
 Твоя душа достигнет бесконечной удачи.
 Обратись к ней: к ней направь
 Свои шаги в полной нищете: в этом
 Я заключил (если ты примешь
605 Мой завет) все наставления, что мне
 известны.
 Ни один богатый не приблизился к ней,
 Несмотря на все свои усилия,
 И никто не остался вдали от неё, предпочитая
 бедность:
 Таков закон любви, которому подчиняются все,
610 Кто имеет дело с любовью — группа людей,
 Что исполнили свой завет и были вознаграждены
 сполна.
 Когда настигает шторм самодостаточности,
 Он лишает человека сущности; если бы он
 раздул
 Его бедность, нежное растение расцвело бы.
615 Правая рука, обладающая богатством,
 Пожинает награду в виде острых ножей, если
 она
 Будет протянута с жаром любви, чтобы
 ухватиться за них
 В единении. Какими бы чистыми и
 благочестивыми
 Ни были дела, пусть все они будут для нее,
620 Тем самым избавься от самомнения, -
 В этом и заключается бедность. Сопrotивляйся
 Побуждениям пустой болтовни и освободи себя

From the impediments of empty claims
 Whose purpose is in truth the quest of fame:
625 The tongues of those men call most eloquent
 Of gnostics, having given voice to all
 Expressible in words, are fallen dumb.
 What things thou hast not uttered, thou thereof
 Art apt possessor, but so long as thou
630 Speakest, a stranger: wherefore hold thy peace!
 In silence lies a way wherein resides
 The dignity of a remainder; yet
 Whoever deems that dignity the best
 Object of silence, doth become its slave.
635 Then be thou sight, and see; ear, and retain;
 Be thou a tongue, and speak; since union is
 The most direct of paths. Follow thou not
 Him who is led into a vain conceit
 By his base soul, that thereby takes control
640 Of all his actions, waxing powerful.
 Leave all but her, and set aside thy soul
 Which is among her foemen; refuge take
 Against it with the doughtiest of shields.
 My soul ere now reproachful was; when I
645 Obeyed it it rebelled, let me rebel
 And it obeyed me. So I brought it down
 To drink of what the easier draught were death.
 And wearied it, till it might give me ease.
 And it became disposed to bear what loads
650 Soe'er I charged it with, and was sore grieved
 If I should lighten them; I tasked it well.
 Nay, I took care my soul should task itself
 And found strange fondness for my suffering.
 Forsook all pleasures in amending it
655 And strove to set it far from its old wonts.
 Until it was at rest. No more remained
 Of terror yet before it, but I rode
 Boldly upon it, for so long as I
 Witnessed my soul was still unpurified.
660 Each station I traversed upon that way
 Was an ascetic exercise, the which
 I fully realized in servanthood.
 Till now I had been passionate for her;
 But when I yielded up what I desired
665 She did desire, and love me, for herself.
 So I became a loved one, nay, in love
 With my own self, yet not upon the mode
 I said before my soul is my beloved;
 Through her I issued from myself to her
670 Nor to myself came back; and one like me
 Holds not to any doctrine of return.
 Generously I set my soul apart
 From my forthgoing, and consented not
 That it should ever more consort with me;
 От препятствий пустых заявлений,

Целью которых на самом деле является
 стремление к славе:

625 Уста тех людей, которых называют самыми
 красноречивыми,
 Гностиков, давших голос всему,
 Выразимому словами, немеют.
 То, о чем ты не сказал вслух, — это твое.
 Ты можешь владеть этим, но пока ты

630 Говоришь – чужестранец: поэтому молчи!
 В молчании сокрыт путь, где покоится
 Достоинство остающихся;
 Но всякий, кто полагает, что достоинство —
 Главный объект молчания, становится его рабом.
635 Тогда стань зрением и смотри; стань слухом
 и внимай;
 Стань языком и говори, ибо единение —
 Самый прямой из всех путей. Не следуй за тем,
 Кто введён в тщетное самомнение
 Своей низменной душой, которая берёт под
 контроль
640 Все его поступки, становясь всё сильнее.
 Оставь всё, кроме неё, и отложи свою душу,
 Которая среди её врагов; укройся
 От души самым крепким из щитов.
 Душа моя некогда была исполнена упрёков;
 когда я
645 Ей повиновался, она восставала, но стоило
 мне восстать
 Против неё, и она мне покорилась. И так я
 сокрушил её,
 Заставив испытать такое, что проще было бы
 принять смерть.
 Я изнурил её, чтобы она могла дать мне покой.
 И она была готова нести любые тяготы,
650 Какую бы ношу я ни возлагал на неё, я был
 глубоко огорчен,
 Если облегчал её бремя; я подвергал ей
 серьёзным испытаниям.
 Более того, я заботился о том, чтобы моя душа
 Сама себя нагружала, и нашел странную
 привязанность
 К своему страданию. Я отверг все удовольствия,
 исправляя её,
655 И старался отдалить её от прежних
 привычек,
 Пока она не обрела покой.
 Не осталось больше страха перед нею,
 И я смело оседлал её,
 Ибо видел: душа моя ещё не очистилась.
660 Каждая ступень, которую я прошёл на этом
 пути,
 Была аскетическим упражнением,
 Которое я полностью осознал в служении.
 До этого я был страстно влюблён в неё;
 Но когда я отдал то, чего желал,
665 Она возжелала и полюбила меня ради себя
 самой.
 Так я стал любимым, более того, я влюбился
 В самого себя, но не так, как говорил раньше:
 Моя душа — это моя возлюбленная;
 Через неё я вышел из себя к ней,
670 И не вернулся обратно к себе; и такой, как я,
 Не придерживается учения о возвращении.
 Я великодушно отделил свою душу
 От моего намерения и не согласился
 Чтобы она когда-либо больше со мной
 сочеталась;

675 For all, while I was made unconscious of
 My soul's detachment, in such fashion that
 No manifesting of an attribute
 Jostled me in my presence; and when she
 Appeared, 'twas given me to contemplate
680 My occultation, and I found myself
 There to be she in the unveiling of
 My privacy; my being was effaced
 In my beholding, and I was detached
 From my beholding's being, blotting out
685 And not establishing. And I embraced
 (In the sobriety that subsequent
 To my intoxication came on me)
 That I had contemplated, even in
 The blotting-out of what was to behold,
690 What time it was to be beheld anew.
 In the sobriety that followed on
 The blotting-out, I was not else but she;
 When she unveiled herself, my essence took
 My very essence for investiture.
695 And now I will display my origin
 In that my unity, and bring to end
 My final ending in the bending low
 Of my high exaltation. In the time
 When she unveiled herself, she did unveil
700 All being to my gaze, and I did see.
 Self-seeing, her in all things visible.
 My attribute, since we are not called two.
 Is likewise hers, my aspect, seeing we
 Are one, her aspect. When her name is called
705 I answer, and if I am summoned she
 Replies to him who calls me, crying *Lo*
Lahhaika! If she speaketh, it is I
 Who do converse, as likewise when I tell
 A history 'tis she that doth narrate.
710 Removed between us twain has been the *ta*
 That marks the second person, and in its
 Removal stands my raising up above
 The sect who separate the one from one.
 But if (it being to deliberate
715 A matter so remote) thy mind refuse
 To take as feasible and to affirm
 The possibility to see two one,
 I will unveil and demonstrate to thee
 Hints to this view erst hidden, that shall prove
720 Plain as expressions unequivocal.
 Now to this matter. Since it is no time
 For ambiguity, I will expound
 In words sufficient strange the truth thereof
 With twofold explanations, drawn the one
725 From hearing, and the other one from sight.
 I will confirm my speech with evidence

675 Ибо всё время, когда был мне неведом
 Разрыв с нею, ни одно из ее качеств
 Не смущало меня в моем присутствии.
 Когда же она явилась,
 Мне позволено было созерцать своё сокровище,
680 И я обнаружил, что там я был ею
 В раскрытии моей уединенности;
 Мое бытие было стерто в моем созерцании,

И я был отделён
 От самого бытия моего созерцания,
685 В угасании, а не в утверждении. И я объял
 (В трезвости, что наступила
 После моего опьянения)
 То, что я созерцал, даже в
 Стирании того, что должно было созерцаться,
690 Когда пришло время быть созерцаемым
 заново.
 В трезвости, что последовала
 За исчезновением, я был не чем иным, как она;
 Когда она открылась, моя сущность
 Приняла самую мою сущность как одеяние.
695 Теперь я проявлю своё начало
 В этом единстве и завершу
 Свой окончательный конец в низком поклоне
 Из моего высокого экстаза. В тот миг,
 Когда она открылась, всё бытие
700 Явилось мне, и я увидел её,
 Видя ее саму во всём видимом.
 Мое свойство, поскольку нас не зовут двумя,
 Есть также её свойство; и мой облик,
 Поскольку мы едины, — это её облик.
705 Когда зовут её по имени, откликаюсь я,
 И если меня призывают, то отвечает она,
 Восклицая: “Вот я!” Если говорит она,
 То это я, кто ведёт беседу, — и когда
 Я рассказываю, историю повествует она.
710 Между нами, двумя удалена буква “та”,
 Что означает второе лицо, и в этом
 Удалении стоит моё возвышение над
 Теми, кто разделяет единое от единого.
 Но если (поскольку это столь далёкий предмет
715 Для размышлений) ум твой откажется
 Принять как возможное и утвердить
 Единение двух в одном,
 Я раскрою и продемонстрирую тебе
 Подсказки к этому видению, скрытые прежде,
720 Которые окажутся явными, как ясные слова.
 Теперь к сути. Так как сейчас не время
 Для двусмысленности, я изложу
 Эту истину в достаточно необычных словах,
 Дав два объяснения: одно,
725 Извлечённое из слуха, другое — из зрения.
 Я подтверждаю свою речь свидетельством,

Citing the parable of one who speaks
 The truth (and my sole stay is verity)—
 A cataleptic woman, by whose mouth
730 Another (she by madness being touched
 And of a devil seized) informeth thee:
 In language that upon another's tongue
 Proceedeth, evidences of the proofs
 Of what we say stand proven clear and true.
735 Since it is known for certain that the one
 Who uttereth the strange things thou dost hear
 Is other than herself, though in the sense
 Of sense, true, she herself did utter them.
 Hadst thou been one, thou wouldst have come to
 feel
740 By mystic intuition this I said
 As true; but (didst thou know it) thou art prone
 On secret polytheism, with a soul
 Far-strayed from truth's right-guidance, and in love
 Whoso to union with the one he loves
745 Impediment discovers, falls to burn
 A polytheist in the consuming flames
 Of separation from his heart's beloved.
 'Twas only otherness did mar in thee
 This high estate; if its pretension were
750 Truly effaced from thee, thou shalt stand firm.
 So was I for a while, before the veil
 Of that confusion was removed, not yet
 Released from dualism: now by loss
 In contemplation reuniting me,
755 Now scattering me in discovery
 Of being. Whilst my intellect, attached
 To my self-presence, separated me.
 My deprivation (being rooted out
 In my self-absence) joined me up anew.
760 I thought sobriety my lowest point.
 And drunkenness my ladder up to her.
 And my annulment the remotest reach
 Of my approach to the lote-boundary;
 But when I cleared the cloud from me, I saw
765 Myself recovered, and the eye in me
 Refreshed by the essence; and no more
 Stood I in need of drunkenness, since I
 Was now recovered (being separate
 A second time); henceforth my union is
770 One with my unity. (Then labour thou
 Within thee, and thou shalt behold of thee
 Beyond what I have pictured a great peace
 Born of a calm secure.) So, after I
 Had laboured, I beheld that I beheld
775 Contemplatively, and that guided me
 To me, was I, nay, I myself was proved
 Mine own ensample: when I stood, I stood
 Before myself, nay, when I turned I turned

Приведа притчу о той, что говорит
 Правду (а единственная моя опора — истина):
 Женщина в оцепенении, через уста которой
730 Другой (когда ее коснулось безумие
 И ей овладел дьявол) сообщает тебе:
 На языке, исходящем из чужих уст,
 Являются доказательства того, что мы говорим,

И они ясны и правдивы.
735 Ведь известно доподлинно, что та,
 Кто произносит странные вещи, которые ты
 слышишь,
 Не она сама, хотя в смысле
 Чувства истинны, ведь она сама их произнесла.
 Если бы ты был единым, ты бы постиг
740 Через мистическое озарение то, что я сказал
 Как истину; но (если бы ты знал) ты склонен
 К тайному многобожию с душой,
 Далёкой от верного пути истины, и в любви
 Тот, кто находит препятствие на пути к
 единению
745 С возлюбленной, начинает сгорать
 Как многобожник в огне разлуки
 С возлюбленной своего сердца.
 Только инаковость омрачала в тебе
 Это высокое состояние; если бы ее притязания
 были
750 По-настоящему устранены из тебя, ты бы
 устоял.
 Таким был и я одно время, пока завеса
 Того замешательства не была снята; ещё
 Не освобождённый от двойственности, через
 потерю
 В созерцании я воссоединился,
755 Распространяясь в открытии
 Бытия. Мой разум, привязанный
 К моему самоприсутствию, разделял меня.
 Моя утрата (будучи искоренённой
 В моём отсутствии) снова объединила меня.
760 Я считал отрезвление своим низшим
 состоянием,
 А опьянение — своей лестницей к ней.
 И своё исчезновение — самой дальней границей
 Моего приближения к черте.
 Но когда я развеял облако в себе, я увидел,
765 Что вновь обрёл себя, и мой внутренний взор
 Был освежён самой сущностью; и больше
 Мне не было нужно опьянение, поскольку
 Я был восстановлен (будучи отделён
 Во второй раз); отныне моё единство —
770 Едино с моей сущностью. (Трудись же
 внутри себя,
 И узришь в себе то, что превосходит всё,
 Что я изобразил, — великий мир,
 Рождённый из уверенного покоя.) Так, после
 того
 Как я трудился, я узрел что я узрел
775 В созерцании, и это привело меня
 К самому себе; более того, я сам стал
 Своим примером: когда я стоял, я стоял
 Перед собой; и даже когда я оборачивался,

To me, as likewise to myself I prayed
780 And I was my own Kaaba. Be thou not
Entranced by thy sensation or beguiled
By thy self-admiration, dedicate
To the confusion sprung of heedlessness.
Forsake thou separation's error, since
785 Union produceth guidance, as that sect's
Who after oneness strained in rivalry.
Boldly proclaim. Beauty is absolute.
Nor deem it finite as awhile bemused
By tinsel ornament. Whatever youth
790 Is comely, or whatever maid is fair.
Their beauty of her loveliness is lent
For them to wear; of her was Lubna's Qais
Distraught, nay, every lover—as Majnun
Laila's poor madman, or as Azza's fond
795 Kuthaiyir—each and every one of them
Yearned after her ambiguous quality
Clothed in a form of beauty, radiant
In beauteous form. Nor was there other cause
Save that she showed her in phenomena
800 They thought were other, yet she did reveal
Herself herself in them. She showed herself
By veiling, and herself concealed from view
Through manifest phenomena, by way
Of variable tints in every time
805 Of issuing upon the stage of life.
Thus at the first creation she appeared
To Adam in the outward guise of Eve
Before the rule of motherhood began,
And he desired her ardently, that he
810 Through her might be a father, and the rule
Of sonship (through the husband and the spouse)
Might be established: thus the origin
Of mutual love between the outward forms
While yet was there no opposite, with hate
815 To stand between them. Ceased she never since
To manifest (and hide) for various cause
According to the times, in every age:
In every form of ambiguity
She showed herself to lovers, wondrous fair
820 Her shapes of beauty. Now as Lubna she
Appeared, now as Buthaina, and again
She was called Azza, Azza well-beloved.
Other than she these were not, nor became
Other: in her transcendent loveliness
825 She hath no partner. So by virtue of
Oneness (as she displayed herself to me
In all her beauty, clad in others' forms)
I too appeared to her in every swain
Swayed by sweet love for beauty of a youth
830 Or maiden fair, bewitching; nor were they

Я обращался к себе, и так же к себе же я
молился,

780 И я стал своей собственной Каабой. Не будь
Ослеплён своими чувствами и не позволяй
Себе увлечься самовосхищением,
Рождённым из беспечности.

Откажись от ошибки разделения, ибо
785 Единство порождает руководство, как у тех,
Кто стремился к единству, но в

соперничестве.

Смело провозглашай: красота абсолютна.
Не считай её конечной, будучи очарован
Мишурой украшений. Любая юность,

790 Что прекрасна, или любая девушка,
Что очаровательна, — их красота

заимствована

У её великолепия. Ей был очарован
Кайс Лубны, да и всякий влюблённый —
Как бедный безумец Маджнун Лейлой

795 Или страстный Кусайр Аззы. Каждый из них
Жаждал её загадочной сути,
Одетой в форму красоты, сияющей
В обличье прекрасного. И не было иной
причины,

Кроме как её проявление в феноменах,

800 Которые они считали чем-то другим,
Хотя она открывала себя саму в них.

Она проявляла себя через сокрытие,
И скрывалась от глаз через явные феномены,
Постоянно меняя оттенки

805 На сцене жизни в каждом мгновении.

Так в начале творения она явилась
Адаму в облике Евы,

Прежде чем начался закон материнства,
И он возжелал её страстно, чтобы через неё

810 Он мог стать отцом, и господство сыновства
(Через мужа и супругу)

Могло установиться. Так возникла
Взаимная любовь между внешними формами,
Когда ещё не было противоположностей

815 И ненависть не встала между ними.

С тех пор она никогда не прекращала
проявляться (и скрываться)

По различным причинам, согласно временам, в
каждую эпоху.

Во всякой форме произвола

Она являлась влюблённым, чудесно прекрасной

820 В своих обличьях красоты. То как Лубна она

являлась,

То как Бусайна, а затем она была названа

Аззой, Аззой возлюбленной.

Кроме неё не они не были ничем иным,

И не стали иным: в её превосходной

825 Красоте она не имеет равных. Так, благодаря
Единству (как она явила себя мне
Во всей своей красоте, облечённой в облики
других),

Я тоже являлся ей в каждом юноше,

Охваченным сладкой любовью к красоте

830 Юноши или прелести девы; и они не были

Else than myself (though they preceded me
 In passion), since through all the ancient nights
 I went before them. In my love of her
 The folk are no way other than myself;
835 But I appeared through them in every shape
 Ambiguously—this time I was Qais,
 Anon Kuthaiyir, and again Jamil
 Buthaina's lover; I to outward eye
 Revealed myself in them, yet inwardly
840 I veiled myself in them. Then if thou wilt
 Marvel at this unveiling by a man!
 No idle fancy this: those the beloved
 And these the lovers—men and maidens all
 Were our appearances, wherein we showed
845 Ourselves in all our love and beauty bright.
 Each youth who ever loved, that youth was I,
 And she was his beloved, who'er he be.
 All being names of vestures, nothing more—
 All names, whereby myself in truth was named,
850 And I myself unto myself appeared
 Through a self-hidden spirit. Evermore
 I ceased not to be she, and she was I
 Without distinction; nay, my essence loved
 My essence. There was naught in all the world
855 Beside me, save myself; besidesness
 Never occurred to my sagacious mind.
 Now by this hand I swear: it was not that
 My soul had fear of other than myself
 Or hoped for any other's charity,
860 Nor that it did anticipate the shame
 Of some obscuring of my high renown
 Or sought the glory of men's faces turned
 In gratitude to me, but solely this
 I purposed—by my valour to repel
865 The adversary come to make assault
 On the high stations of my succouring friends;
 And for this cause alone I turned again
 To the accustomed acts of piety
 And took for my accoutrement the states
870 Meet for discipleship. I had recourse
 To my old godliness again (and I
 Had flung aside all modesty long since);
 Abandoning the gay abandon of
 My wild dilation, I betook myself
875 To the contraction of a chaste reserve.
 I fasted all my day as one who hopes
 For a reward in heaven; all my night
 I watched in prayer, as fearing chastisement;
 I occupied my hours with litanies
880 (Waiting on inspiration), silently
 (As meet and proper), in devout retreat
 (So reverence required). I went apart

Иными, кроме как мною (хотя они
 предшествовали мне
 В своей страсти), ибо через все древние ночи
 Я предшествовал им. В своей любви к ней
 Люди ничем не отличались от меня;
835 Но я являлся через них во всех
 произвольных обличьях
 — то я был Кайсом,

То Кусайром, а затем Джамилем,
 Возлюбленным Бусайны; я являлся
 Внешнему взору через них, но внутренне
840 Я скрывал себя в них. Тогда, если ты хочешь
 Поразись такому раскрытию, спроси!
 Это не пустая фантазия: те, кого я люблю, — это
 я.
 И все эти влюбленные — мужчины и женщины
 Были нашими явлениями, в которых мы явили
845 Себя во всей нашей любви и сияющей
 красоте.
 Всякий юноша, кто когда-либо любил, — это
 был я,
 А она была его возлюбленной, кем бы он ни был.
 Все существа — лишь имена, одеяния, не более
 того, —
 Все имена, которыми в истине я был назван,
850 И я сам являлся себе
 Через сокрытый дух. Никогда не прекращалось,
 Что я был ею, и она была мной
 Без различия; нет, моя сущность любила
 Мою сущность. Не было в целом мире
855 Ничего, кроме меня самого; отстраненность
 Никогда не возникала в моем пронизательном
 разуме.
 Теперь этой рукой клянусь: не потому,
 Что моя душа боялась кого-то, кроме меня,
 Или надеялась на милость кого-то другого,
860 И не из страха, что моё высокое имя будет
 покрыто позором,
 И не ради славы, чтобы лица людей
 Обратились ко мне с благодарностью, — но
 лишь
 С единственной целью я стремился:
 Своей доблестью отбить противника,
865 Напавшего на возвышенные состояния моих
 верных друзей.
 И ради этого только я вновь обратился
 К привычным делам благочестия
 И принял состояния,
 Соответствующие ученичеству.
870 Я снова обратился к прежнему благочестию
 (хотя давным-давно отбросил всякую
 скромность);
 Отказавшись от буйной вольности
 Своей необузданности,
 Я обратился к сдержанности
875 Целомудренного уединения.
 Я постился весь день, как тот, кто надеется
 На награду на небесах; всю ночь
 Я бодрствовал в молитве, боясь наказания;
 Я проводил часы в литаниях
880 (Ожидая вдохновения), молча
 (Как подобает), в благочестивом уединении
 (Так и требуется почтением). Я отошёл

From my familiar haunts, as one who breaks
Migrating links of old companionship.
885 And chose my own society, alone.
I meditated scrupulously on
What lawful was to strictest abstinence.
Guarding my strength, no more, in setting right
My provender; I spent abundantly
890 The riches of contentment, satisfied
With a mere minimal sufficiency
Of worldly pleasure. Thus I trained my soul
With discipline, proceeding to unveil
What sensual habitudes had overlaid:
895 Thus I fulfilled my high resolve, to live
Detached in utter abstinence, preferred
In my devotion to attain the rank
Of answered prayer. Yet when did I recant
My statement 'T am she' ? Or when should I
900 Profess—far be it from the like of me!—
She came to dwell in me ? I do not seek
To pass thee over to some occult thing.
To some absurdity that would imply
Negation of all perspicacity:
905 How should such tales of error me affright.
Seeing my certitude remaineth based
Squarely upon the Holy Name of Truth?
Behold, the faithful archangel, when first
Our Prophet's inspiration came on him,
910 Came to our Prophet in the fleshly form
Of Dihya: tell me then, was Gabriel
This Dihya, when he manifested thus
To our true Guide to guidance ? That he knew
Beyond contention the identity
915 Of him he saw, proveth superior
His consciousness to theirs who stood him by.
He saw an angel that revealed to him;
The others saw a man, full reverend
As one who kept the Prophet's company.
920 In the more perfect of these visions twain
I have an indication, which acquits
Of all pretences incarnationist
My simple creed. 'Tis not to be denied
The Scripture speaks of *covering*, and I
925 Go not beyond the twain authority
Of Holy Book and Apostolic Word.
This much of knowledge I have given thee:
If thou desirest its unveiling, come
Seek thou my path, and make beginning now
930 Of following my Law; for Sadda's fount
Springs from a water whose abounding well
Is found in me; tell not to me the tale
Of some mirage a-shimmer in some waste!
Behold the ocean, wherein I have plunged

От своих привычных мест, как тот, кто
разрывает
Переселением старые узы дружбы,
885 И выбрал свое собственное общество, в
одиночестве.
Я тщательно размышлял о том,
Что дозволено, придерживаясь строжайшего
воздержания.

Сохраняя лишь силу, необходимую для
поддержания
Моего пропитания; я щедро тратил
890 Богатства достатка,
Довольствуясь лишь минимальной долей
Мирских удовольствий. Так я приучал свою
душу
К дисциплине, стремясь открыть
То, что было заслонено чувственными
привычками.
895 Так я исполнил своё высокое стремление:
Жить отстранённо в полном воздержании,
Предпочитая в своём благочестии достичь
Степени услышанной молитвы. Но когда я
Когда-либо отказывался от своего
утверждения: 'Я — это она' ?
900 Или, когда я мог бы заявить (Далеко мне до
подобного!)
Что она поселилась во мне? Я не стремлюсь
Увести тебя к чему-то сокрытому
Или к абсурду, который мог бы
подразумевать
Отрицание всякой ясности.
905 Как могли бы такие ошибочные рассказы
Устрашить меня, если моя уверенность
Прочно основана
На Святом Имени Истины?
Вот, верный архангел, когда впервые
910 Пришло вдохновение к нашему Пророку,
Явился ему в телесной форме Дихьи.
Скажи мне, был ли тогда Гавриил
Тем самым Дихьей, когда он предстал так
Перед нашим Истинным Путеводителем? То,
что он знал
915 Без сомнения личность того, кого видел,
доказывает превосходство
Его осознания над теми, кто стоял рядом.
Он видел ангела, который открылся ему;
Остальные видели человека – почтенного,
Как тот, кто сопровождал Пророка.
920 В более совершенном из этих двух видений
Я нахожу указание, которое оправдывает
От всех претензий верящих в воплощение
Мою простую веру. Ее нельзя отрицать.
Писание говорит о сокрытии, и я
925 Не выхожу за рамки двух авторитетов:
Священной Книги и Апостольского Слова.
Вот то знание, которое я дал тебе:
Если ты желаешь раскрыть его, приходи
Ищи мой путь и начинай прямо сейчас
930 Следовать моему Закону, ибо источник
Садды
Берет начало из воды, чей обильный колодец
Находится во мне; не рассказывай мне эту
историю
О каком-то мираже, мерцающем в какой-то
пустыне!
Взгляни на океан, в который я погрузился,

935 While those aforetime halted on its shore
 Guarding the locus of my sanctity:
Draw ye not nigh the orphan's property—
 That is a reference to a hand held back
 When it was stretched to take it; and none else
940 Beside me ere attained to aught of it
 Except a youth, who never ceased to tread
 Upon my steps in hardship or in ease.
 Then stray not from the traces of my path.
 And fear the cloud that shadows o'er the heart
945 Who chooses other than myself; strive on
 Upon my very road; her friendship's vale,
 O friend of heart serene, runs in the march
 Of my command, and enters 'neath my sway.
 For lo, the kingdom of love's high degrees
950 Is my possession; the realities
 My army are, and lovers every one
 My subjects. Youth impassioned! I have gone
 Apart from love, as one who deemeth love
 To be a veil (for passion is beneath
955 My grade), and I have overpassed the bounds
 Of amorousness; love is now become
 Even as hate; henceforth my journey takes
 For starting-point the terminus of my
 Ascension unto oneness. Then be glad
960 In passion: thou hast seized supremacy
 Over the best of creatures, who serve God
 In every nation. Gain these heights; be proud
 Surpassing the ascetic, whose ascent
 Was won by outward works, and by a soul
965 Self-purified. O'ertake the heart oppressed
 By its great load of ancient precedents
 And intellectual wisdom, which cast off
 'Twould make but little weight. Take unto thee
 The heritage love's kinship hath secured
970 Of the sublimest gnostic, whose chief care
 Was to prefer his aspiration leave
 Its mark upon mankind. Be haughty; sweep
 The clouds beneath thee with thy lover's skirts
 Trailed o'er the topmost of heaven's Milky Way
975 In pride of union; wheel thou round about
 The grades of oneness, neither turn aside
 Unto a squadron that have spent their lives
 To other end. The solitary sword
 Of oneness is himself a mighty host.
980 The rest a rabble vanquished by a proof
 Most eloquent; seek its significance
 To win thee nigh, then live therein, or die
 Worn out upon the quest, still following
 A folk who strove before thee to that goal.
985 For thou art worthier of this glory high
 Than he who labours zealously in hope

935 Пока те, что были прежде, остановились на
 его берегу,
 Охраняя место моей святости.
 ‘Не приближайтесь к имуществу сироты’ —
 Так говорится о руке, сдержанной,
 Когда она была протянута, чтобы взять его.
940 Никто кроме меня не достигал чего-либо из
 этого,
 Кроме юноши, который неустанно шёл

По моим стопам, в тяготах или в облегчении.
 Так не отклоняйся от следов моего пути,
 И бойся тучи, что омрачает сердце,
945 Того, кто выбирает иное, чем я; продолжай
 Следовать именно по моей дороге. Юдоль
 дружбы с ней,
 О друг с безмятежным сердцем, течет в
 пределах
 Моего повеления и входит под мое
 владычество.
 Ибо, вот, царство высшей степени любви
950 Принадлежит мне; реальность -
 Это моя армия, и каждый влюблённый —
 Мой подданный. О юность, полная страсти! Я
 удалился
 От любви, как тот, кто полагает, что любовь —
 Это всего лишь завеса (ибо страсть ниже
955 Моего уровня), и я превзошел границы
 Любовной страсти; теперь любовь
 Стала как ненависть; отныне мой путь
 Начинается там, где завершается
 Мое восхождение к единству. Тогда будь
 счастлив
960 В страсти: ты захватил верховенство
 Над лучшими из созданий, которые служат Богу
 В каждом народе. Достигни этих высот; будь
 горд,
 Превосходя аскета, чьё восхождение
 Было достигнуто внешними делами и душой
965 Самоочищенной. Превзойди сердце,
 угнетённое
 Огромным грузом древних прецедентов
 И интеллектуальной мудрости, которая, если бы
 её отбросить,
 Вряд ли что-то весила бы. Прими для себя
 Наследие, которое обеспечило родство с
 любовью
970 От самого возвышенного гностика, чья
 главная забота
 Заключалась в том, чтобы его стремление
 оставило
 Знак на человечестве. Будь высокомерен;
 касайся облаков
 Краями одежды твоего возлюбленного,
 Который гордо пронесёт её по самому верхнему
 краю Млечного Пути.
975 Крутись вокруг ступеней единства,
 Не отворачивайся к тому отряду,
 Что потратил свои жизни
 На другие цели. Единственный меч
 Единства сам по себе — это великая армия.
980 Остальные — лишь толпа, побеждённая
 самым убедительным
 Доказательством; ищи его смысл,
 Чтобы приблизиться, затем живи в этом, или
 умри,
 Изнурённый поисками, всё ещё следуя
 За народом, который сражался до тебя, чтобы
 достичь этой цели.
985 Ибо ты достоин этой высокой славы
 Больше, чем тот, кто трудится ревностно в
 надежде

And fear; no wonder, if thou shake thy sides
 Swaggering past him in supreme delight
 And sweetest joy, seeing the qualities
990 Thereto attributed, and the names thereof—
 How many men that were obscure before
 Those have elected, and these lifted up!
 Yet thou, there where thou art, art still afar
 From me: the Pleiades do scarce consort
995 With lowly Earth. Thou hast been step by step
 Led to thy Sinai, and hast attained
 Beyond thy sphere, whither thy soul ne'er dreamed
 To adventure: here thy limit is: here stay.
 Or if thou do advance beyond this term
1000 Soever little, thou shalt be consumed
 With flaming brands. Exalted is my rank
 Beyond e'en envy's emulating grasp:
 High o'er thy range soars my beatitude.
 All men are Adam's sons, but I alone
1005 Among my brethren have attained supreme
 Sobriety of union; for mine ear
 Is Moses' ear, my heart intelligenced
 By the most glorious vision of an eye
 Ahmadian. Of every spirit mine
1010 The Spirit is; whate'er of beauty thou
 Beholdest in the universe doth flow
 Out of the bounty of my natural clay.
 Leave then to me the knowledge that was mine
 Especially ere I was manifest
1015 (And my companion-prophets knew me not
 Yet in the seed); assign me not the name
 Desirer in that company, for he
 Yclept Desired-of-her (as being rapt)
 Hath need of my protection. Banish all
1020 Such names of honour from me; mouth them
 not
 Babblingly; they are signs all fashioned forth
 By one I formed. Withdraw my soubriquet
 Of Gnostic; for the Holy Book declares
 If thou approvest *bandying of names*
1025 Thou shalt be hated. My least follower
 Received in his heart's eye in nuptial joy
 The virgin-brides of gnosis; he hath plucked
 The fruit of mystic knowledge from a branch
 Of understanding that by following me
1030 Flourished (and springeth of my nature's root).
 So, being asked of any concept, he
 Answereth wondrous sayings which transcend
 All comprehension, yea, too subtle are
 To be imagined. Neither call thou me
1035 The One Brought Nigh (out of that company),
 Which epithet I hold (in virtue of
 Union achieved) most sinful severance:
 My joining is my separating, my

И страхе; неудивительно, если ты, тряся боками,
 Будешь проходить мимо него с высочайшим
 восторгом
 И величайшей радостью, видя качества,
990 Которые приписаны этому, и имена тех —
 Скольких людей, прежде незначительных,
 Они избрали и вознесли!
 Но там, где находишься, ты всё ещё далёк

От меня: Плеяды едва общаются
995 С ничтожной Землей. Ты был шаг за шагом
 Проведен к своему Синаю, и достиг
 За пределами своей сферы, где твоя душа
 никогда не мечтала
 Отважиться: здесь твой предел, здесь
 остановись.
 Или же, если ты продвнешься хоть немного
1000 Дальше этого рубежа, будешь сожжён
 Пылающими огнями. Возвышен мой ранг
 Даже за пределами соперничающей зависти:
 Высоко над твоим пределом парит моё
 блаженство.
 Все люди — сыновья Адама, но только я одна
1005 Среди моих братьев достигла высшей
 Трезвости единения; ибо моё ухо —
 Это ухо Моисея, моё сердце просветлено
 Самым славным видением Ахмадийского ока.
 Каждый дух — это мой Дух;
1010 Всякая красота, которую
 Ты видишь во вселенной, проистекает
 Из щедрот моей естественной глины.
 Оставь же мне знание, которое было моим
 Особенно до того, как я проявилась
1015 (И мои спутники-пророки не знали меня
 Ещё в семени); не называй меня
 Желаяющим среди этого собрания, ибо тот,
 Кого называют Желанным-ее (как увлеченного),
 Нуждается в моей защите. Изгони
1020 Все такие почетные имена от меня; не
 произноси их
 Пустословно; это всего лишь знаки, созданные
 Тем, кого я сотворил. Отзови мой титул
 Гностика; ибо Священная Книга утверждает:
 Если одобряешь игру с именами,
1025 Будешь ненавидим. Мой самый малый
 последователь
 Принял в глазах своего сердца в супружеской
 радости
 Девственниц-невест гнозиса; он сорвал
 Плод мистического знания с ветви
 Понимания, которая, следуя за мной,
1030 Расцвела (и произрастает из корня моей
 природы).
 Итак, когда его спрашивают о каком-либо
 понятии,
 Он отвечает чудесными словами, которые
 превосходят
 Всякое понимание и слишком тонки,
 Чтобы их можно было вообразить. И не называй
 меня
1035 Приблизённой (из того собрания),
 Это прозвище я считаю (в силу
 Достигнутого единения) самым грешным
 разделением:
 Моё соединение — это моё разделение, моё

Approximation is my distancing,
1040 My love is my aversion, and my end
 Is my beginning. For her sake indeed
 (By whom I have equivocated on
 Myself, yet I intended none but me)
 I have stripped off my name, my epithet,
1045 My style of honour, and advanced beyond
 Where those aforesaid halted, and such minds
 As by material gains were led astray
 Perished. There is no attribute in me
 (For mere description is all attribute
1050 As name is but a sign); if therefore thou
 Desirest to allude to me, make use
 Of styles of honour, or of epithets.
 And then I mounted up from T am she'
 To where is no unto: all being I
1055 Perfumed with my returning. I came back
 From T am I' for inward wisdom's sake
 As for those outward ordinances I
 Established for my calling. The far goal
 Of those enraptured neophytes of her
1060 Passion, and the extremest reach of these
 Passion desired, is where I stood before
 Before I turned: the apogee of them
 Who (as they thought) outstripped me is in truth
 The lowest depth of earth that bears the trace
1065 Of my tread's fall: the topmost pinnacle
 Beyond allusion, whence in higher climb
 None may ascend, is where my foot first fell.
 None knoweth, save he knoweth of my grace,
 Nor any speaketh in existence all
1070 Except upon my praise. No wonder then
 If I am master over all who went
 Before me, having grasped the firmest stay
 To Taha. My saluting her is thus
 But metaphorical; my greeting is
1075 From me unto me, in reality.
 Now the most excellent I found in all
 My loving her, when passion first began
 (And that my passion every marvel showed)
 Was my appearing (and I first concealed
1080 My state) reciting in exultant joy
 For her, my state no longer being hid:
 'She stood revealed before me, and I saw
 True resolution in the breaking of
 My erstwhile penitence; the agonies
1085 I suffered for her sake were fair excuse
 As judged my reason; my security
 Against my body's wasting of her love
 Was the desires of hope, the which at first
 She freely gave, but after miserly.
1090 The body's restoration (sickness-won

Приближение — это моё удаление,
1040 Моя любовь — это моя ненависть, а мой
 конец —
 Моё начало. Ради неё на самом деле
 (Через которую я говорила уклончиво о
 Себе, но подразумевала лишь себя)
 Я сняла с себя своё имя, своё прозвище,
1045 Свой почётный титул и продвинулась
 дальше

Там, где остановились те, кто раньше был введён
 В заблуждение материальными достижениями
 И погибли. Нет во мне атрибутов
 (Ибо всякое описание — это атрибут,
1050 Как имя — лишь знак); если же ты
 Хочешь намекнуть на меня, используй
 Почетные обращения или эпитеты.
 И тогда я вознесся от "Я есть Она"
 Туда, где нет "до": всё сущее я
1055 Наполнил ароматом своего возвращения. Я
 вернулся
 От "Я — это я" ради внутренней мудрости,
 Как и ради тех внешних предписаний,
 Которые я установил для своего призвания.
 Далёкая цель
 Тех, кто увлечён страстью к ней, и предельная
 граница тех,
1060 Кто желал страсти, — это то место, где я
 стоял до того,
 Прежде чем повернулся: апогей тех,
 Кто (как они думали) обогнал меня, на самом
 деле
 Есть самая небольшая глубина земли, которая
 несёт след
 Моего шага: самая высокая вершина,
1065 За пределами всяких намёков, откуда
 Никто не может подняться выше, —
 Это то место, где моя нога впервые ступила.
 Никто не знает, кроме тех, кто познал мою
 милость,
 И никто не говорит о существовании всего,
1070 Разве что после моей похвалы.
 Неудивительно тогда,
 Если я господин над всеми, кто шел
 Передо мной, ухватившись за самую прочную
 опору
 К Тахе. Моё приветствие ей лишь метафора;
1075 На деле моё приветствие — от меня ко мне.
 Самое превосходное, что я нашел в том,
 Что я полюбил ее, когда впервые зародилась
 страсть
 (И эта страсть раскрыла мне каждое чудо),
 Было мое появление (хотя я сначала скрывал
1080 Свое состояние), воспевающее в радостном
 ликовании
 Ее, больше не скрывая моей сути:
 Она предстала передо мной, и я увидел
 Истинную решимость в разрушении
 Моего прежнего раскаяния; страдания,
1085 Что я перенес ради нее, были справедливым
 Оправданием, как судил мой разум. Моя защита
 От увядания тела из-за любви к ней
 Заключалась в надеждах, которые вначале
 Она дарила вначале щедро, а потом скупю.
1090 Восстановление тела (болезнью,
 обретенной

In loving her) is health indeed thereto:
 The soul's destruction is true chivalry.
 My death in passion's ecstasy for her
 Is sweetest life, and if I do not die
1095 In love, I live for ever in death's throes.
 Then O my heart, in amorous transport melt.
 And O my ardent pains, dissolve me so;
 O fire within my vitals, straighten by
 Thy flames the curvatures of my bent ribs;
1100 O my fair fortitude, unfaltering
 Accord thee with her pleasure whom I love,
 Nor succour Fate to triumph over me.
 O my long-suffering, as obedience
 Unto her love requireth, still endure
1105 (May faintness overpass thee!) every woe;
 O wasted body, seek oblivion
 Of any cure; O liver, who will be
 My warrant thou shalt not be wholly crushed?
 My sickness, let no single gasp survive
1110 In me, for I have scorned the indignity
 Of living on, that so I may be spared
 To live with her in glory. O my health.
 Our old companionship hath come to end.
 And thy association with one dead
1115 Among the living is as banishment.
 O all that languor yet hath spared of me.
 Depart: no refuge in my crumbling bones
 Remains for thee. O any part of me
 I haply might imagine to address
1120 With O the vocative in my heart's heart,
 I am become familiar now to be
 Estranged from thee. Whate'er thy pleasure is
 (And death itself be lighter to endure)
 I am content therewith, since love aflame
1125 Hath made me so contented. For my soul
 Was vexed not love destroyed it all in pain.
 Since such impatience had been following
 Ensample not mine own. In every tribe
 Whatever living man because of her
1130 Is as one dead, believeth to be slain
 Of passion is most gloriously to die.
 In her are all desires united; none
 Thou seest but is ardent for her, naught
 But ardour knowing. If upon a day
1135 Of festival she casteth off her veil.
 The eyes of every tribe crowd eagerly
 To view her beauty; for their spirits yearn
 To glimpse the meaning of her loveliness.
 What time their pupils in a garden dwell
1140 Filled with her beauty. I count every day
 My festival, whereon I contemplate
 With jocund eye the loveliness of her

В любви к ней) — есть истинное здоровье:
 Гибель души — есть настоящая доблесть.
 Смерть в экстазе страсти к ней — сладчайшая
 жизнь,
 И если в любви я не умру,
1095 То навеки живу в муках смертных.
 О моё сердце, расплавься в восторге любви!
 О мои пылкие страдания, растворите меня;
 О пламя в недрах моих, выпрямите

Своим огнём изгибы моих рёбер;
1100 О, моя благородная стойкость,
 Непоколебимо следуй её желанию,
 И не дай судьбе одержать победу надо мной.
 О моё терпение, как того требует послушание
 Её любви, продолжай выносить
1105 (Пусть слабость минует тебя!) каждую
 беду;
 О истощённое тело, ищи забвения
 От любого исцеления; о печень, кто поручится,
 Что ты не будешь совсем сокрушена?
 О, моя болезнь, не оставь ни одного вздоха
1110 В моём теле, ибо я презрел унижение
 Жизни дальше, чтобы меня уберегли
 Жить с ней в славе. О моё здоровье,
 Наша старая дружба подошла к концу,
 И твое пребывание с тем, кто мертв
1115 Среди живых, стало изгнанием.
 О всё, что ещё осталось от меня, несмотря на
 истощение,
 Уходи: нет убежища для тебя в моих
 крошащихся костях.
 О любая часть меня,
 Которую я мог бы мысленно назвать
1120 С этим воззванием в глубинах моего
 сердца,
 Я стал привычным к тому, чтобы быть
 Чуждым тебе. Что бы ни было твоей волей
 (И даже сама смерть легче переносима),
 Я доволен этим, ибо пламя любви
1125 Сделало меня столь удовлетворенным.
 Ибо моя душа не была встревожена тем,
 Что любовь разрушила всю ее в боли.
 Ибо такое нетерпение было бы не моим
 примером.
 В каждом племени, любой живой человек
 ради нее,
1130 Как мертвый, он верит, что быть убитым
 Страстью — это умереть самым славным
 образом.
 В ней все желания соединяются; нет никого,
 Кого ты видишь, кто не пылал бы страстью к
 ней, нет ничего,
 Кроме как жажды познания ее. Если в день
1135 Праздника она снимает свой покров,
 Глаза каждого рода спешат увидеть
 Ее красоту; ибо их души жаждут
 Ощутить смысл ее прелести.
 В то время, как их взоры обитают в саду,
1140 Наполненном ее красотой, я считаю
 каждый день
 Своим праздником, когда я с радостным взором
 Любуюсь красотой ее сладчайшего лица;

Sweet countenance; and every night, if she
Draw nigh, is that miraculous Night of Power,

1145 And holy Friday every day we meet.

In her are all desires united; none
Thou seest but is ardent for her, naught
But ardour knowing. If upon a day
Whatever of God's lands is her abode

1150 I count it not (so fair 'tis to mine eye)

But Mecca. Whatso place embraceth her
Is Sacred Precinct; every house she dwells
Within I deem a House of Holy Flight,
Where she inhabits a Jerusalem

1155 Whose joyous vision cools the fever of
My burning heart. Where'er she trails her robe
There is my Furthest Mosque, my fragrant scent
Whatever sod her feet have trodden on.

Haunts of my joys, watch-tower of my desires,

1160 Boundaries of my longings, safe retreat
From all my fear—such are the loved abodes
Where Fate came not between us, neither Time's
Vicissitudes us parted treacherously.

Nor did the days endeavour to disperse

1165 Our union, nor the nights doom cruelly

Our sundering. No sudden overthrow

Calamitous assailed us at the dawns.

No accidents of Fortune spake with us

Upon disaster. Not with blasphemy

1170 Discourged the slanderer anent repulse

And banishment, nor the reviler spread

His slimy whisperings of severance

And consolation. Waked not watcher's eye.

Nor ceased mine own to watch me for her sake

1175 And love's account. No time was singled out

For joy above another: all my times

Were seasons of rejoicing and delight.

My day was all a vesper, if its first

Soft hours exhaled a sweet response from her

1180 Unto my greeting; and my night therein

Was dawn entirely, when the redolence

Of a sweet breeze was wafted unto me

From her within those hours. If e'er at night

She came to me, my month was all through her

1185 Converted to a wondrous Night of Power

Exultant in her visitation: if

She ventured nigh my dwellings, all my year

Was temperate Spring in meads luxuriant.

If she be pleased with me, my life is all

1190 A season of sweet fancy, and the age

Of amorous youth. Truly, if she unites

The sum of beauties in a single form

All subtle meanings I behold therein:

Truly, my heart has gathered all desire

И каждая ночь, если она приблизится,

Становится той чудесной Ночью Могущества,

1145 А каждый день, когда мы встречаемся, —
святой Пятницей.

Моё стремление к ней — это паломничество,

И каждый, кто стоит в мольбе у её двери,

Равен тому, кто стоит на горе Арафат.

Любую из Божьих земель, где она обитает,

1150 Я не считаю ничем иным (настолько она
прекрасна в моих глазах),

Как Меккой. Любое место, которое её обнимает,
Я считаю Священной Границей; каждый дом, в
котором она живёт,

Я считаю Обителью Священного Полета,
Где она обитает, — это Иерусалим,

1155 Видение которого приносит радость и
охлаждает жар

Моего пылающего сердца. Где бы она ни шла,
оставляя след,

Там моя Дальняя Мечеть, мой аромат —

Любая земля, на которую ступили её ноги.

Обители моих радостей, сторожевая башня моих
желаний,

1160 Границы моих стремлений, безопасное
убежище

От всех моих страхов — таковы любимые места,

Где Судьба не встала между нами, ни Время
Своими переменами предательски не разлучило
нас.

И дни не пытались разрушить

1165 Наш союз, и ночи не предрешили жестоко

Наше расставание. Никакое внезапное

Бедствие не постигло нас на рассветах.

Никакие случайности Судьбы не говорили с
нами

О катастрофе. Никакой клеветник

1170 Не произносил богохульных слов о разлуке

И изгнании, и никакой насмешник не

распространял

Своих лживых шептаний о разлуке

И утешении. Глаз стража не бодрствовал,

И мои собственные глаза не переставали следить
за мной ради неё

1175 И ради любви. Никакое время не было
лучше

Для радости больше другого: все мое время

Было временем ликования и восторга.

Мой день был словно вечерня, если его первые

Нежные часы источали сладкий отклик от неё

1180 На моё приветствие; и моя ночь в нём

Была сплошным рассветом, когда аромат

Сладкого ветерка доносился ко мне

От неё в те часы. Если когда-либо ночью

Она приходила ко мне, мой месяц через неё

1185 Превращался весь в чудесную Ночь

Могущества,

Ликуя от её посещения: если

Она приближалась к моему жилищу, весь мой
год

Становился весной с пышными лугами.

Если она будет довольна мной, вся моя жизнь
станет

1190 Временем сладостных фантазий и

периодом

Влюбленной юности. Воистину, если она

Объединит всю красоту в единой форме,

Я увижу в ней все тончайшие смыслы:

Истинно, мое сердце вместило все желания

1195 For them, a passionate glow informing thee
Of every youthful ardour. Why should I
Not vaunt myself (on her account) above
All who pretend to passion ? Why should I
Not overleap all limits in my boast

1200 Of such high honour and felicity ?
For lo, I have obtained from her above
What ever I expected, or could hope
Such near propinquity, and sundering's self
Humiliated by her grace o'erwhelming me

1205 With benefits surpassing all desire.
At morning as at evening I was seized
With love for her, and in what beauty she
Went forth at dawn, so came she back at night:
Had she bestowed on all humanity

1210 Save Joseph of her beauty but a part
In no prerogative excelled he them.

I brought and laid upon her beauty's hand
The whole of me, and her benevolence
Accepting the exchange doubled to me

1215 My every union; every particle
Of me beheld her beauty, and therewith
In every glance rotated every eye;
My every subtlety applauded her

On every tongue prolonged in every word;
1220 I drew her perfume in with every nerve
Comprising every nostril breathing in
All wafts of air for ever; every part
Of me (wherein was every ear contained

Of every listener attentive) heard
1225 Her words; my every portion kissed her veil
With every mouth whose touch held every kiss.
Had she dissolved my body, she would see
In every separate atom every heart
Inhabited by every human love.'

1230 And now the thing most strangely excellent
I found in her, and the munificence
Of revelation lavished upon me
(And that unveiling drove away all doubt)
Is that with union's vision I behold

1235 My every adversary is in truth
My true confederate, and his repulse
Even as affection: he that did revile
Loved (and reproached) me (all of jealousy).

And he who slandered was distraught for her
1240 And therefore wronged me, spying upon me.
'Tis seemly then I thank the slanderer.

While the reproacher well her goodness knows.
And all are marks of my beneficence.

Others than I praise others; others turn
1245 (Not I) from self to others gratefully;
I thank myself; the goodness springs from me

1195 К ним, пылая страстью, которая говорит
В каждом юном порыве. Почему бы мне
Не превознести себя (ради нее) выше
Всех, кто притворяется, что пылает страстью?
Почему бы мне

Не переступить все границы в хвастовстве
1200 О столь великой чести и счастье?

Ибо вот, я получил от нее больше,
Чем ожидал или надеялся, —

Такую близость, и даже сама разлука
Принижена ее милостью, осыпавшей меня

1205 Благами, превосходящими все желания.
На рассвете, как и вечером, меня охватывала
Любовь к ней, и в какой красоте она
Появлялась на заре, в такой же возвращалась
ночью:

Если бы она даровала всем людям, кроме
Юсуфа,

1210 Хоть малую часть своей красоты,
Он бы не превзошел их ни в каком достоинстве.
Я принёс и положил в её руки красоты
Всего себя, и её благосклонность,
Приняв этот обмен, удвоила для меня

1215 Каждое наше единение; каждая частица
Меня видела её красоту, и при этом
В каждом взгляде вращался каждый глаз;
Каждая тонкость моего естества восхваляла ее,
Продолжаясь на каждом языке в каждом слове;

1220 Я вдыхал её аромат каждым нервом,
Составляющим каждую ноздрю, вбирающую
Каждое дуновение воздуха навсегда; каждая
часть

Меня (в которой было всякое ухо,
Внимающее каждому слушателю) слышала

1225 Её слова; каждая моя частица целовала её
вуаль

Каждым ртом, в котором ощущался каждый
поцелуй.

Если бы она растворила мое тело, она увидела
бы,

Что в каждом отдельном атоме живет
Каждое сердце, наполненное всей человеческой
любовью.

1230 И удивительнейшее прекрасное,
Что я нашел в ней, это щедрость
Ее откровения, излившегося на меня
(И то откровение развеяло все сомнения),
Это то, что я вижу в видении единения:

1235 Что каждый мой противник на самом деле
Мой истинный союзник, и его отторжение
Является проявлением привязанности: тот, кто
порицал,

Любил (и упрекал) меня (из ревности).

И тот, кто клеветал, был смущен ради нее

1240 И потому причинял мне боль, следя за
мной.

Так подобает мне благодарить клеветника,
Ибо упрекающий хорошо знает ее доброту.
И все это знаки моей благосклонности.

Иные восхваляют других; другие обращаются
1245 (Не я) от себя к другим с благодарностью;
Я благодарю себя; доброта исходит от меня

Unto myself; my self alone concerns
 Itself with this my being one with her.
 And there be matters veiled, the veil whereof
1250 Through a recovering sobriety
 Was wholly raised for me, yet they remained
 Concealed from all beside me: none may noise
 These things abroad save forfeiting his blood,
 What though allusion a significance
1255 Possesses that expression ne'er defined.
 The mystic comprehends me when I speak
 Obliquely (not requiring what I say
 Should be explicit) lest one trip me up.
 Now the beginning of my expose
1260 Is those same twain who sought to be the
 means
 Of parting me (though union doth defy
 My separation): they are one with us
 In union's inner truth, albeit we
 In outw'ard segregation count as four.
1265 For truly she and I are essence one;
 The twain who slandered her, and turned away
 From her, are attributes self-manifest.
 The one the theatre of spirit is
 Guiding contemplatively to the rim
1270 Of its uprising, manifest in mould
 Spiritual; the other succoureth
 The soul, the which he urgeth with a song
 To her companions existentially
 In form material; and he who knows
1275 Like me the figures as they truly are.
 No infidelity confuses him
 Upon his guidance, when he would remove
 Doubt's grave perplexities. My essence then
 Embraces with delights particular
1280 And general the sum of all my worlds
 In broad replenishment of unity.
 Bounteously it poured its overflow
 While yet was no capacity to gain.
 And ere the world was ready to receive
1285 It was prepared to give. So in the Soul
 The forms of existentiality
 Rejoiced, while in the Spirit were refreshed
 The spirits of the world contemplative.
 My state of contemplation (as between
1290 The slanderer who to his rising runs
 And the reproacher succouring his friends
 With goodly counsel) witnesseth my state
 In mystic ecstasy, the twofold draw
 Of the decree of my eternal home
1295 And of that place wherein my judgement is
 Enacted; and the correspondence of
 The twofold images the senses five
 Impart confirmeth by proof positive

Ко мне самому; лишь мое я заботится
 О том, чтобы быть единым с ней.
 И есть вещи, скрытые завесой, завеса которых
1250 Была полностью поднята для меня через
 возвращение к трезвости,
 Однако они остались скрытыми от всех, кроме
 меня:
 Никто не может разглашать эти вещи,

Не пожертвовав своей кровью,
 Хотя намёк и обладает значением, которое
1255 Никогда не было определено словами.
 Мистик понимает меня, когда я говорю
 Косвенно (не требуя, чтобы мои слова
 Были явными), дабы никто не смог поймать меня
 на слове.
 Теперь начало моего раскрытия -
1260 Это те двое, которые пытались стать
 причиной
 Моего разлучения (хотя единение отвергает
 Моё разделение): они едины с нами
 Внутренней истиной единства, хотя мы
 Во внешнем разделении считаемся как четверо.
1265 Воистину она и я — единая сущность;
 Двое – те, кто оклеветал ее и отвернулся от нее,
 Являются её самопроявленными атрибутами.
 Один — обитель духа, ведущий
 Созерцающий взор к пределу восхода,
1270 Являясь в форме духовного лика;
 Другой же — опора для души,
 Которую он подвигает песней
 К её спутникам, существующим
 В вещественных формах; и тот, кто знает,
1275 Подобно мне, истинные образы вещей,
 Не сбивается с пути неверием,
 Когда ищет избавления
 От тягостных сомнений.
 И сущность моя объемлет восторги –
1280 И особые, и общие, - всех моих миров
 В обширной полноте единства.
 Щедро она изливалась своим изобилием,
 Когда еще не было способности к восприятию.
 И прежде, чем мир был готов принять,
1285 Она уже была готова отдавать.
 Так и в Душе формы бытия ликовали,
 А в Духе оживлялись
 Духи созерцательного мира.
 Мое состояние созерцания (между
1290 Клеветником, бегущим к своему
 возвышению,
 И порицающим, помогающим своим друзьям
 Добрым советом) свидетельствует о моем
 состоянии
 В мистическом экстазе, о двойном притяжении
 Повеления моего вечного дома
1295 И того места, где вершится мой суд;
 И соответствие двух образов,
 Переданных пятью чувствами,
 Подтверждает неопровержимым
 доказательством

The negative of ambiguity.

1300 Before my purpose, listen while I tell
The mystery my spirit secretly
Received from them, and did communicate.
Whenever the idea of beauty in
Whatever form appeareth, or the voice
1305 Of one bowed down by grief is lifted up
In loud lament to text of Holy Writ,
My thought beholdeth her with fancy's eye
And with the ear of my intelligence
My memory heareth her; my faculty
1310 Imaginative as in pictured thought
Presents her to my spirit, sensibly
My understanding deems her at my side.
Then I do marvel at my drunkenness
Withouten wine, and very inwardly
1315 I maken joy, rejoicing of my self;
Danceth my heart; the tremble of my limbs
Clappeth as one who chaunteth, and my soul
Melody maketh. Still my spirit was fed
With manifold desires, my faculties
1320 For all their weakness striving to their goal
Till they were fortified. Herein I found
What things soe'er had being did conspire
To aid me (though the aid was of myself),
So that my every organ might unite
1325 Me with her, and the root of every hair
Comprise my union; that the robe of our
Estrangement might be stripped (yet found I it
Naught other than familiarity).
Now note (and turn away from formal lore)
1330 How sense transmits to soul what she reveals
By inspiration unpremeditate:
Whene'er a breeze borne through the night from her
Wafteth at dawn sweet-scented, to my soul
It bringeth her remembrance, and mine ear
1335 Respondeth joyfully when doves do sing
And warble through the forenoon on green boughs
The selfsame message; if at eventide
The lightning-flashes recollect her tale
And do convey it to my heedful sight
1340 Mine eye is gladdened; that sweet memory
The wine-cups lavish on my lips and throat
Touching and tasting when the bowl comes round
To me at night; and so my heart conveys
Her recollection (as an inward thing)
1345 Unto my ribs through this external means
Delivered by my members' messengers.
And he who in the assembly chants her name
Brings me before her, and the while I hear
With all my being I do gaze on her:
1350 My soul soars to the heaven whence my soul

Отрицание двусмысленности.

1300 Прежде, чем обратиться к цели, выслушай,
Что за тайну дух мой сокровенно
Принял от них и передал далее.
Когда идея красоты в любом
Обличье проявляется, или же голос
1305 Того, кто сломлен скорбью, возносится
В громком плаче к текстам Писания Святого,
Моя мысль узрит её оком воображения,

И слух разума моего услышит её;
Память моя хранит её образ,
1310 Воображение, словно на картине,
Представляет её явственно духу моему,
А разум чувствует её присутствие рядом.
Тогда я дивлюсь своему опьянению
Без вина, и глубоко внутри
1315 Радуюсь, ликую из самого себя;
Танцует мое сердце; трепет моих членов
Слышен, будто кто поет, а душа моя
Слагает мелодию. И все же мой дух питался
Многообразными желаниями, мои способности,
1320 Несмотря на свою слабость, стремились к
цели,
Пока не окрепли. Здесь я нашел,
Что все существующее словно сговорилось
Помогать мне (хотя помощь исходила из меня
самого),
Так, чтобы каждый мой орган мог соединить
1325 Меня с ней, а корень каждого волоска
Охватил бы наше единение; чтобы покров
Нашего отчуждения был снят (хотя я нашел,
Что это ничто иное, как близость).
Теперь заметь (и отвергни формальное знание),
1330 Как чувство передает душе то, что она
раскрывает
Через вдохновение, не обдуманное заранее:
Когда бы ни дунул ночной ветерок от нее,
Принося на рассвете сладкий аромат, моей душе
Он приносит воспоминание ее, и мое ухо
1335 Откликается радостью, когда голуби поют
И щебечут утром на зеленых ветвях
Ту же самую весть; если вечером
Молнии вспоминают ее историю
И передают ее моему внимательному взору,
1340 Мои глаза радуются; то сладкое
воспоминание
Даруют чаши вина моим губам и горлу,
Касаясь и оставляя вкус, когда чаша
Обходит круг ночью; и так мое сердце передает
Ее воспоминание (как внутреннее чувство)
1345 Моим ребрам через это внешнее средство,
Доставленное посланцами моих членов.
И тот, кто на собрании произносит её имя,
Приводит меня к ней, и пока я слышу
Всем своим существом, я взираю на неё:
1350 Моя душа воспаряет к небесам, откуда

Was breathed in me, what time my theatre
 Soul-fashioned stoops unto its earthly kind.
 So part of me is drawn to her, and part
 Draws to itself, and in each draw a tug
1355 Of mortal agony: the cause whereof
 Is but my spirit calling back to mind
 Its essence true as from her spirit breathed
 When she inspired it. So my spirit yearned
 To hear the allocution all alone
1360 While in the barrier of this dust confined
 And each was tugging, tugging at my reins.
 An infant will inform thee of my state,
 Though he grow up a stupid, by some sort
 Or revelation inspirational
1365 And native insight; in his swaddling-clothes
 Tight-wrapt he whimpers, longing fretfully
 To be delivered from excessive pain;
 Soothed by soft lullabies, he lays aside
 All weariness that had afflicted him
1370 And listens to his soother silently
 Harking; the sweet speech sways him to forget
 His bitter grief, recalling to his mind
 That secret utterance ages long ago.
 So by his state he illustrates the state
1375 Of mystic ecstasy, proof positive
 Confirming to the dance the negative
 Of imperfection; when the lullaby
 Stirs him to yearning, till he fain would fly
 Unto his primal home, rocked to and fro
1380 He is appeased, the while his nurse's hands
 Swing him a-cradle. I myself have felt
 In ecstasy that agonizing tug
 (As when the chanter's modulated tones
 Bring her to mind, or the shrill singer's notes)
1385 He knows, who in life's final agony
 Is cruelly wracked, the messengers of death
 Dragging unto themselves his soul a-gasp.
 So he who being driven to depart
 Suffereth anguish, comparable pain
1390 Knoweth to his distressful ecstasy
 Who yearneth for his comrades; as the soul
 Of that one leaneth after that whereby
 It manifested, so my spirit soared
 To its high origins. My spirit passed
1395 The gate that barred my trespassing beyond
 Union, and soared whither no union's veil
 Remaineth. Whoso chooseth in my train
 That gate to be his quest, let him like me
 Ride resolute in purpose masterful.
1400 How many an unfathomable deep
 I plunged into (ere I did penetrate
 That gate), whereof the meanly suppliant

Ее вдохнули в меня, в то время как мое
 представление,
 Сотворённое душой, склоняется к своей земной
 природе.

И часть меня тянется к ней, а другая часть
 Тянет к себе, и в каждом стремлении —
1355 Мучительная боль смертной агонии:
 Причина тому — лишь дух мой, вспоминающий

Свою истинную сущность, что вдохнул её
 духом,
 Когда она вдохновила его. И мой дух возжелал
 Услышать все это в полном одиночестве,
1360 Находясь в плену этой пыли,
 И каждый тянул, тянул мои узы.
 Младенец расскажет тебе о моем состоянии,
 Хотя он вырастет глупым, но благодаря некоему
 Вдохновенному откровению
1365 И врожденному прозрению; в пеленах,
 Туго спеленатый, он плачет, томясь в тревоге,
 Желая освободиться от чрезмерной боли;
 Успокоенный нежными колыбельными, он
 отставляет
 Всю усталость, что угнетала его,
1370 И молча слушает своего утешителя,
 Внимая: сладкая речь убаюкивает его, заставляя
 забыть
 Его горькую печаль, напоминая ему
 Тот тайный глас давным-давно.
 Так его состояние разъясняет состояние
1375 Мистического экстаза, являя
 доказательство
 Совершенства через танец, отрицая
 Несовершенство; когда колыбельная
 Пробуждает в нем тоску, пока он не пожелает
 Улететь в свой изначальный дом, покачиваясь
 взад-вперед,
1380 Он успокаивается, пока руки кормилицы
 Качают его в колыбели. Я сам чувствовал
 В экстазе этот мучительный порыв
 (Как когда мелодичные тоны певца
 Напоминают её, или пронзительные ноты
 певицы).
1385 Это знает тот, кто в последней агонии
 жизни
 Мучительно страдает, когда посланцы смерти
 Вытягивают к себе его издыхающую душу.
 Так тот, кто принужден уйти,
 Страдает от мук, знает подобную боль,
1390 Сравнимую с его мучительным экстазом,
 Кто тоскует по своим товарищам; как душа
 Того тянется к тому, через что
 Она проявилась, так и мой дух воспарил
 К своим высоким истокам. Мой дух миновал
1395 Врата, преграждающие путь за пределы
 союза,
 И взмыл туда, где больше нет завесы единства.
 Кто избирает эти врата своей целью, следуя за
 мной,
 Пусть, как и я, движется с твердым намерением
 И властной решимостью.
1400 Сколь во многие непостижимые глубины
 Я погружался (до того, как проник
 Через те врата), где жалкий проситель

For wealth was never sprinkled by so much
 As one short gulp! Now I will show thee it
1405 Within the mirror of my words, if thou
 Art resolute: give heed to what I say:
 Unstop the hearing of the inward eye.
 And I spat out all boastful utterance
 (For jealous scruple), all self-interest
1410 In whatsoever action, all regard
 In any deed for goodly recompense.
 All preservation of my ghostly states
 From stain of self-adornment, all my fine
 Sententious eloquence—I banished all
1415 With true resolve disinterestedly.
 As likewise my rejecting all regard
 For my rejecting in whatever part.
 Therefore my heart a temple is, wherein
 I dwell; before it, as from out of it,
1420 The manifesting of my attributes
 (As of my occultation), and of these
 My right hand is a pillar, kissed within
 Myself and, for wise purpose, in my mouth
 The kiss proceeding from my *qibla* falls.
1425 About myself in spirit and in truth
 My circumambulation is; I run
 From my Safa unto my Marwa, all
 My face's sake; within a sanctuary
 (That is my inward) all my outward part
1430 Is safe, what though my neighbours round
 about
 Are in dire danger to be snatched away.
 By solitary fasting from all else
 But me my soul was purified, and gave
 As alms my grace's superfluity.
1435 The doubling of my being in my state
 Contemplative became, when I awoke
 Out of my slumber, in my unity
 Single; as in the duties general
 Of Holy Law my travel is, so too
1440 Is the night-journey of my inmost soul
 Unto myself from truth's particular.
 For all my godhead I do not neglect
 The ordinances of my theatre.
 Neither forget I in my manhood him
1445 Who made my wisdom manifest. From me
 The bonds were firmly knotted on the soul.
 By me the boundaries of sense set up.
 There came to me a messenger from me
 Sore troubled by my wilfulness, concerned
1450 Compassionately for my well-being;
 Therefore I executed the command
 Given me by my soul upon my soul
 Which, taking over charge of its affairs.
 Turned not its back. Since that primeval time

Богатства не был окроплен даже
 Одной маленькой каплей! Теперь я покажу
1405 Тебе это в зеркале моих слов, если ты
 Решителен: внимай тому, что я скажу:
 Открой слух для внутреннего зрения.
 И я отверг всякое хвастливое слово
 (Из ревностной осторожности), всякий эгоизм
1410 В любом действии, всякое стремление

К вознаграждению за благие дела.
 Всю заботу о сохранении моих духовных
 состояний
 От пятен самовосхваления, всю мою изящную
 Красноречивую напыщенность — я изгнал всё
 это
1415 С истинной решимостью, лишённой
 корысти.
 Как отверг и всякое внимание
 К своему отвержению в любой части.
 Потому моё сердце — храм, в коем я обитаю;
 Пред ним и в нём явлены мои атрибуты,
1420 Как и их сокрытие, в том числе.
 Моя правая рука — столп, который целую я
 Внутри себя; и, по мудрому замыслу,
 Поцелуй, что из моей киблы исходит,
 Падает мне в уста.
1425 Вокруг себя, в духе и истине,
 Я совершаю обход; бегу
 От моего Сафа к моему Марве, всё
 Ради моего лица; в святыне
 (Которая внутри меня) моя внешняя часть
1430 Обретает безопасность, хотя мои соседи
 вокруг
 Находятся в опасности быть похищенными.
 Воздержанием от всего, кроме меня,
 Моя душа очистилась, даря как милостыню
 Излишки моей благодати
1435 В моём состоянии созерцания
 Двойственность моего бытия обратилась
 В единство, как только я пробудился
 От сна; как в общих обязанностях
 Священного закона мой путь, так и
1440 Ночное путешествие души моей
 Ко мне — от частной истины к общей.
 И хотя во мне — божественное начало,
 Я не пренебрегаю предписаниями моей земной
 обители.
 Не забываю в своём человеческом облике,
1445 Того, кто явил мою мудрость.
 От меня были завязаны узлы души,
 Мною были установлены границы чувств.
 Мне был послан вестник от меня же,
 Склонённый к жалости моей упорной волей,
1450 Заботясь нежно о моём благе;
 И потому я выполнил приказ,
 Данный душе моей же на саму себя,
 И та, приняв дела свои в ведение,
 Не отвернулась. С тех древних времён

1455 Of the High Covenant, before the age
 Of my created elements, before
 The warning was delivered men should be
 Ready for resurrection, to myself
 I was a messenger myself dispatched
1460 Unto myself, my essence being led
 By my own signs to me. When I transferred
 The soul from the possession of its earth
 (By right of purchase from her) to the realm
 Of Paradise—and well the soul had fought
1465 And died a martyr's death for the beloved
 And, having paid in full, had won the joy
 Of covenanted contract—then my soul
 Soared with me (since my union was complete)
 Beyond its heavenly immortality
1470 (Neither was I content to lean towards
 The earth of my vicegerent); how indeed
 Should I consent to enter underneath
 My own possession, like my kingdom's friends,
 My followers, my party, my true train?
1475 For neither is there heaven, but therein
 An angel from the light within my heart
 Bestoweth guidance by my sovereign will.
 Nor any territory, but thereon
 Out of my outward's superfluity
1480 Falleth a drop, from whence the clouds
 outpour.
 Beside my dawn the far-diffusing light
 Is but a flash; great Ocean like a drop
 Beside my fountain-head. All me all me
 Each seeks the other and is turned toward;
1485 Part me part me is drawing as with reins.
 He who is over under, over all
 Under him being, to his guiding face
 Is all direction turned submissively;
 Earth's under is the ether's over since
1490 That I did *cleave is closed*, and cleavage of
 The closed is but the outward of my way.
 Confusion is not, since that union is
 Certainty's essence; nor direction is.
 For space is separation's difference;
1495 Nor number is, since numeration cuts
 Like a sword's edge; nor time, for limiting
 Is polytheism of determinant;
 Nor any rival, this world or the next.
 Dooming destruction unto that I built
1500 And whose commandment ruleth my
 command
 In exercise of judgement; opposite
 None in both spheres of life, for *thou shalt see*
Among created beings not a sign
Of incongruity in equal shape
1505 And form of being. From myself appeared
 As to myself what I unto myself
1455 Высокого Завета, ещё до начала эры
 Сотворенных мною элементов, до того, как
 Прозвучал призыв к воскресению,
 К себе посланным я был вестником
 Себе, и сущность моя вела
1460 Меня к себе по знамениям своим.
 Когда же я переселил душу

Из земного её владения (право
 Владения ей было мной отнято)
 В обитель райскую — душа достойно
1465 Сражалась и, как мученик за
 возлюбленную,
 Отдала жизнь, исполнив договор
 И обретя радость, то с нею я
 Взошёл, ведь завершён союз наш,
 За грань небесного бессмертия;
1470 (И не желал я к земле склоняться, -
 К тому, что мне подвластно). Как могу
 Я согласиться войти под власть
 Собственную, подобно прочим друзьям,
 Моим последователям, моим верным?
1475 Ведь даже не небеса,
 Но ангел света в моем сердце
 Ведёт, даруя свет по суверенной воле.
 И ни из какого-то места, а из моего избытка
 Падает капля,
1480 Дождём пролились тучи.
 Рядом с моей зарей далеко разливающийся свет
 Всего лишь вспышка; великий Океан как капля
 Возле моего источника. Все я, все я,
 Каждый ищет другого и обращен к нему;
1485 Часть меня, часть меня тянет, как вожжами.
 Тот, кто над, под, над всем,
 Под его существом, к его направляющему лицу
 Все направления обращены покорно;
 Низ Земли — это верх эфира, так как
1490 То, что я расколол, сомкнуто, и
 расщепление
 Сомкнутого — лишь внешняя сторона моего
 пути.
 Нет смущения, ибо единство —
 Суть достоверности; нет и направлений,
 Ведь пространство есть лишь разделение;
1495 Нет числа, ведь исчисление
 Разделяет, словно острие меча; нет времени,
 Ведь ограничение — это многобожие
 определенности.
 Нет соперника ни в этом мире, ни в грядущем.
 Я обрёл на разрушение то, что созидал,
1500 Чьё повеление управляет моим велением,
 Воплощая суд. Нет противоположностей
 В обеих сферах жизни, ибо ты не узришь
 Средь созданий ни единого знака
 Несоответствия в равных формах бытия.
1505 Из меня явилось мне то,
 Что я сделал себе двусмысленным, и всё,

Rendered ambiguous, and whatsoe'er
 Appeared through me from me to me was made
 To come reverting; in myself I saw
1510 Those *bowed in worship* to my theatre,
 And so I realized myself to be
 The very Adam unto whom I bowed;
 Among High Heaven's angels I discerned
 The spiritual rulers of the earth
1515 Equal alike in rank. My comrades craved
 From my *horizon nigh* their guidance true.
 Yet from my second separation was
 The union of my unity shown forth;
 And in the swoon whereby my sense was crushed
1520 My soul fell down before me, to revive
 Ere Moses' penitence. There is no there
 After reality is realized.
 Since I recovered out of drunkenness
 And since the cloud that veiled reality
1525 By new sobriety was cleared away:
 The end of self-effacement after which
 Was my conclusion being as the first
 Of a sobriety, both circumscribed
 By a like finitude. In one same scale
1530 I measured one obliterated (rapt).
 Erased, annihilated, against one
 Cut off and severed in sobriety
 (Of sense): the dot upon the *ghain of ghain*
 (The cloud) was wiped from my sobriety,
1535 The vigilance of *'ain* (the eye) of *'ain*
 (The essence) cancelled out my blotting-out.
 Whoever in sobriety doth miss.
 In blotting-out discover, is not apt
 (Due to his alternation) to be fixed
1540 In true propinquity. Equal alike
 The drunk and sober are, as qualified
 Respectively by mark of presence or
 By brand of hemming; not my folk are they
 On whom successive fall the attributes
1545 Of ambiguity, the vestiges
 Of any remnant; who inherits not
 From me perfection, he imperfect is,
 A turner-back, and bound for chastisement.
 Naught is in me conducive to disguise
1550 Of any remnant, shadow none is mine
 To doom me to returning: and yet what
 May heart deliver in the form of thought
 Or tongue give mouth to in the mould of speech?
 Extremes all reconciled were met in me,
1555 The carpet of all other evenly
 Rolled up by rule of all-equality;
 Annihilated the duality
 Of being existential, so became

Что проявилось через меня, во мне
 Было создано, чтобы ко мне вернуться.
 В самом себе я видел тех, кто преклонялся
1510 В поклонении пред моим величием,
 И осознал, что я — тот самый Адам,
 Кому я и поклонился.
 Среди небесных ангелов я узрел
 Духовных владык земли,

1515 Равных между собой по чину.
 Мои спутники взывали о верном наставлении
 С моего горизонта, близкого к ним.
 Но во втором моём разделении явилось единство
 моей целостности;
 И в том забвении, что уничтожило чувства,
1520 Душа моя упала передо мной,
 Чтоб ожить раньше раскаяния Мусы.
 Нет "там", когда реальность постигнута.
 Когда я восстал из опьянения,
 И облако, что скрывало истину,
1525 Вновь было рассеяно трезвостью:
 Конец самоуничтожения стал
 Началом моего бытия, как в начале
 Трезвости, обе границы очерчены
 Одной мерой конечности. В той же чаше
1530 Я измерил того, кто был, вымаран,
 Стерт, уничтожен, и того,
 Кто в трезвости был отсечён и отделён
 От смысла: точка над "гайн" в слове "гайн"
 (Облако) исчезла из моей трезвости,
1535 Бдительность "айн" (глаза) в "айн"
 (сущности)
 Отменила моё самоуничтожение.
 Тот, кто в трезвости упустил истину,
 В исчезновении её найдет, но не готов
 (Вследствие своего колебания) утвердиться
1540 В истинной близости. Равны друг другу
 И пьяный, и трезвый, отличаясь лишь
 Знаком присутствия или печатью предела.
 Не принадлежат они к моему народу, те,
 На которых последовательно ложатся
1545 Атрибуты двойственности, пережитки
 Любых пережитков. Кто не наследует
 От меня совершенства, тот несовершенен,
 Отступник, и обречён на наказание.
 Ничто во мне не способствует сокрытию
1550 Пережитков; никакая тень не принадлежит
 мне,
 Чтоб обречь меня на возвращение. Но что
 Может выразить в мыслях сердце,
 Или изречь в словах язык?
 Всё примирилось во мне — крайности слились;
1555 Ковёр различий был праведно свёрнут,
 По правилу всеобщего равенства.
 Уничтожено раздвоение бытия,
 И моё существование стало

My existentiality (in the
1560 Continuance of my unicity)
 Being contemplative. What is above
 (The Primal Emanation) reason's range
 Is like to what remaineth underneath
 (The final fistful) dogma's Sinai:
1565 It was for this the Best of all mankind
 Forbade us to prefer him (worthy though
 He was) to Jonah. I have signified
 By all the means expression yields; and what
 Was covered up, I have made wholly clear
1570 By the last subtlety. The *Am I not*
 Of yesterday not other is to him
 Who cometh on tomorrow, since my dark
 Became my dawning and my day my night:
 The mystery of *Yea*—to God belongs
1575 The glass of its unveiling, as to affirm
 Union's reality is to deny
 All witness. Now no darkness covers me,
 No wrong have I to fear: the bounty of
 My light hath quenched the fire of my revenge.
1580 And time is not, except where time is not
 (As time is reckoning by crescent moons).
 Ready to reckon up the being of
 My being; one imprisoned in the bounds
 Of Time beholdeth not what lies beyond
1585 His Hellish dungeon in the Paradise
 Of immortality. The heavens turn
 On me: stand thou, and marvel at their Pole
 Encompassing them, not a central point
 (No more) as poles materially are!
1590 No Pole was there before me unto whom
 I should succeed (transcending three degrees).
 What though the Poleship of the Pegs derives
 From Rank of Substitution. Trespass not
 Beyond my straight-drawn line, for mysteries
1595 Lurk in the angles: seize this fairest chance.
 From me in me love's loyalty appeared
 Within the seed; for me of me the milk
 Of union's breasts was poured abundantly.
 And the most wonderful of all I saw
1600 In the beloved's presence (and it sore
 Amazed me) (and my heart's amazement sprang
 From the inbreathing of the Holy Ghost)
 (And she had shown her beauty to my gaze
 So that I was confounded of my mind
1605 Nor did maintain through my bewilderment
 My outward ornaments) most wonderful
 I say of all I saw was this: that I
 Through her became oblivious of myself.
 To such a point that I presumed myself
1610 Other than me, nor sought the path direct

(В непрерывности единства
1560 Моего) созерцательным.
 То, что выше (первой эманации)
 Пределов разума, подобно тому, что ниже
 (Последней горсти) догмы Синай:
 Ради этого Лучший из людей
1565 Запретил нам превозносить его
 (Хоть и достоин был) над Ионой.

Я высказал всё возможными средствами;
 И что было скрыто, я обнажил
 Последней утончённостью.
1570 Вчерашнее ‘‘Разве не Я’’ ничем не
 отличается
 От того, кто придет завтра, ибо моя тьма
 Стала моим рассветом, а мой день —
 ночью.
 Тайна ‘‘Да’’ принадлежит Богу,
 Как и отражение её раскрытия,
1575 Ибо утверждать реальность единства —
 Значит отрицать любую двойственность.
 Теперь меня не покрывает тьма,
 И страха нет:
 Свет мой погасил огонь моего удовлетворения.
1580 И времени нет, кроме как там, где времени
 нет
 (Ведь время — это лишь отсчёт лунных фаз).
 Готовый измерить существо моего бытия,
 Тот, кто заточён в границах Времени,
 Не узрит, что лежит за пределами
1585 Его адской темницы, бессмертия в Раю.
 Небеса вращаются вокруг меня:
 Остановись и дивись их Оси,
 Охватывающей их, но не центральную точку,
 Не так, как полюса материального мира!
1590 Не было полюса до меня, которому
 Я бы наследовал (превосходя три степени).
 Хотя Полярность Кольшков происходят
 От Ранга Замещения. Не переступай
 Мою строго очерченную черту, ибо тайны
1595 Таятся в углах: лови этот наилучший шанс.
 Во мне через меня явилась любовь,
 Верная в семени; для меня от меня
 Излилось изобильно молоко груди единства.
 И самым чудесным из всего, что я узрел,
1600 В присутствии Возлюбленной (и это меня
 Удивило до глубины души) (и трепет сердца
 Моего произошёл от выдыхания Святого Духа)
 (И открыла она красоту свою моему взору,
 Так что я потерял рассудок)
1605 (И, ошеломлённый, я не удержал
 Своих внешних украшений),
 Самым чудесным, скажу я, было это:
 Через неё я забыл самого себя.
 До такой степени, что предполагал
1610 Себя иным, чем я, и не искал пути,

Leading to my presumption of myself.
 And my (in her) oblivion baffled me,
 And I recovered not my consciousness
 Nor followed my desire, because of my
1615 Presumption; I became distraught for her.
 Engrossed with her; and whomso'er she makes
 Distraught in occupation with herself
 She renders too unmindful of himself.
 So occupied was I, that I forgot -
1620 My first preoccupation to forget
 Myself: if I had perished for her sake
 I would not have so much as been aware
 Of my transition. Of the marvels of
 That ecstasy distracting in desire
1625 Bewildering my reason this is one:
 Enslaving robbery oblivion-like.
 I asked her of myself, whenever I
 Encountered her, and inasmuch as she
 Bestowed on me my guidance, she misled
1630 My questing steps; I sought her from myself.
 Though she was all the while beside me; I
 Marvelled how she was hid from me by me.
 And I ceased not from going to and fro
 With her within me; for my senses were
1635 Intoxicated, and the wine they drank
 Her beauties; still I travelled on and on
 Through certainty's degrees—its knowledge first.
 Second its essence, third the truth thereof—
 Reality my trail and travail's end.
1640 I quested me from me, that I might guide
 Myself upon my tongue to that which sought
 Guidance of me, in my unceasing quest;
 I begged myself to shift the barrier
 By lifting up the veil, for I myself
1645 Found in myself my only means to come
 Unto myself; I looked into the glass
 Of my own beauty, that I might behold
 The loveliness of my own being in
 My contemplation of my countenance.
1650 And if I mouthed my name, I leaned towards
 Myself attentive, silent, all desire
 For who might make me hear my name pronounced
 By my own utterance; I clapt my hands
 Upon my bowels, that perchance I might
1655 Embrace her in my laying on of hands
 Self-clasping; I ran eagerly towards
 My very breaths, that haply I might find
 Myself (and I desirous they should pass
 Me by) within them, since they passed my way.
1660 Until at last there flashed upon my sight
 From me a lightning-gleam; my dawn shone forth
 In splendour; all my darkness fled away.

Ведущего к основанию самого себя.
 И моё (в ней) забвение поразило меня,
 Я не восстановил сознание,
 И не следовал своему желанию,
1615 Из-за своего основания; я стал безумцем
 ради неё,
 Поглощённым ею; и тех, кого она
 Делает безумцами, занятыми лишь ею,
 Она заставляет забыть самих себя.

Так занят был я ею, что забыл —
1620 Свою первую обязанность — забыть
 Себя: если бы я погиб ради неё,
 Я бы даже не осознал
 Своего ухода. Из чудес
 Того экстаза, отвлекающего в желании
1625 И смущающего мой разум, это одно:
 Пленительная кража, подобная забвению.
 Я спрашивал её о себе, когда бы ни
 Встречался с ней; и в той мере, как она
 Дарила мне своё наставление, она вводила
1630 В заблуждение мои стремящиеся шаги; я
 искал её в себе,
 Хотя она всё время была рядом со мной; я
 Удивлялся, как она могла быть скрыта от меня
 мной же.
 И не прекращал блуждать туда-сюда
 С ней внутри себя; ибо мои чувства были
1635 Опыянены, а вино, что они пили, — её
 красота;
 И всё же я продолжал путешествовать,
 Проходя через степени уверенности — сперва её
 знание,
 Затем её сущность, и, наконец, её истину,
 Реальность стала моим путём и конечной целью
 страданий.
1640 Я искал себя в себе, чтобы мог
 Направить себя словами к тому, что искало
 Руководство для меня, в моём неустанном
 поиске;
 Я просил себя убрать преграду,
 Подняв завесу, ибо я сам
1645 Обнаружил в себе единственное средство
 Достичь самого себя; я взглянул в зеркало
 Собственной красоты, чтобы увидеть
 Очарование своей сущности в
 Созерцании своего лика.
1650 И если я произносил своё имя, я склонялся
 К себе – внимательный, безмолвный, весь в
 желании
 Услышать, как звучит моё имя
 В моём собственном произношении; я хлопал
 Руками по своему телу, надеясь
1655 Обнять её через прикосновение,
 Сжимая самого себя; я бросался
 Навстречу своим дыханиям, надеясь
 Найти себя (и, жаждая, чтобы они
 Пронеслись мимо) в них самих, раз они
 проходили рядом.
1660 И, наконец, перед моим взором блеснул
 Из меня луч молнии; мой рассвет
 В величии засиял; вся моя тьма исчезла.

Here I attained a height the intellect
 Recoils before, and here my junction was,
1665 And my uniting, to myself from me.
 I beamed with joy (for I had reached myself)
 Full of a certainty protecting me
 From the necessity to bind my pack
 And saddle to a journey. I myself
1670 Guided me to myself (as of myself
 Had been my quest) and unto me my soul
 Showed me the way by means of my own self.
 The curtains of the shroud of sense when I
 Uncovered (and it was the mysteries
1675 Of my fore-ordinance had rung them down)
 I shifted the soul's barrier from her
 By lifting up the veil, and she it was
 Answered my quest. The cleansing of the glass
 Of my own essence (polishing away
1680 Of my own attributes the rust) was I
 Myself, the rays encompassing that glass
 Likewise from me proceeding. I myself
 Made me behold myself, since there was naught
 Beside me in my being, to decree
1685 Intrusion of my being's unity.
 And when I named my name, my namer made
 Me hear it; and my soul (with banished sense)
 Listened attentive, and pronounced my name.
 And I embraced myself, yet not by way
1690 Of limbs attached to ribs; nay, I embraced
 My own identity. I made myself
 Perceive my spirit, and the fragrance of
 My exhalation did perfume the breaths
 Of the bruised ambergris. The whole of me
1695 Transcended all association in
 The quality of sense, yet in myself
 Stood my transcendence, since I unified
 My essence: to applaud my attributes
 Because of me assists my praiser to
1700 Extol me, for my attributes to praise
 My self is to condemn me. Therefore who
 In my companion sees my quality.
 And thereby sees me, never shall alight
 At my abode; for I do veil myself.
1705 Likewise through me to recollect my names
 Is waking vision; to remember me
 Through them, the dream of night light-slumbering.
 So he who through my actions knoweth me
 Knoweth me not, but he who knoweth them
1710 Through me possesseth knowledge of the
 truth.
 Accept thou then the knowledge of the signs
 Of these the attributes most principal
 (Attached to outward waymarks) from a soul
 Well versed in it; take the intelligence

Я достиг высоты, перед которой разум
 Отступает, и здесь было соединение,
1665 И единение моё — к самому себе из меня.
 Я светился радостью (ведь я нашёл себя),
 Наполненный уверенностью, что защищает
 От необходимости собирать багаж
 И седлать коня для пути. Я сам
1670 Вёл себя к самому себе (как сам я

Был целью моего поиска), и душа моя
 Показала мне путь с помощью моего же ‘я’.
 Когда я снял завесы савана чувств
 (И именно эти тайны предопределённости
1675 Опустили их),
 Я устранил преграду души от нее,
 Приподняв завесу, и она сама
 Ответила на мой поиск. Очищение зеркала
 Моей собственной сущности (удаление
 ржавчины
1680 Моих собственных атрибутов) совершил я
 сам,
 И лучи, обрамлявшие это зеркало,
 Также исходили от меня. Я сам
 Заставил себя увидеть себя, ибо не было
 Ничего кроме меня в моём бытии, чтобы
 нарушить
1685 Единство моего существа.
 И когда я назвал своё имя, мой голос
 Заставил меня его услышать; и душа моя,
 освободившись от чувств,
 Внимательно слушала и произносила моё имя.
 И я обнял себя, но не при помощи
1690 Рук, соединённых с ребрами; нет, я обнял
 Свою собственную сущность. Я заставил себя
 Постичь свой дух, и аромат
 Моего дыхания пропитал благоуханием
 Разбитую амбру. Всё моё существо
1695 Превзошло всякую связь с
 Качествами чувств, но при этом во мне
 Осталась моя трансцендентность, ибо я
 объединил
 Свою сущность: восхвалять мои атрибуты
 Из-за меня помогает хвалящему меня
1700 Превозносить меня, но хвалить мои
 атрибуты
 Как часть меня — значит порицать меня.
 Поэтому тот,
 Кто видит в моем спутнике мое качество
 И через него видит меня, никогда не достигнет
 Моего пристанища; ибо я сам скрываю себя.
1705 Так же, как вспоминать через меня мои
 имена —
 Это зрение наяву; помнить обо мне
 Через них — словно сон в полудреме.
 Тот, кто через мои деяния познает меня,
 Не знает меня, но тот, кто знает их
1710 Через меня, обладает знанием истины.
 Прими же знание о знаках
 Этих важнейших атрибутов
 (Привязанных к внешним путеводным меткам)
 души,
 Хорошо разбирающейся в этом; возьми разум

1715 Of those the names of the essence (that reside
 In the inward worlds) a spirit of Tereth
 That giveth indication of the same
 Thereby. As metaphorically said
 The manifesting of my attributes
1720 Out of my members' names (whereas my soul
 By true arbitrament is named thereby)
 Is marks of knowledges traced on the veils
 Of forms, illuminating what resides
 Beyond the sense-perception in the soul.
1725 Again, the manifesting of the names
 (Said actually) of my essence from
 My heart's ribs' attributes, for mysteries
 Whereby the spirit was rejoiced, is hints
 Of treasures shadowing the inward truths
1730 Of mystic reference, set all about
 By secrets hidden in the heart's profound.
 And their effects in all the world at large
 Together with their knowledge (and the things
 Existent by possession of the same
1735 Not independent are of those effects)
 Are item that there is a gathering
 Of fair renown through powers of control.
 Item the spectacle of reaping praise
 For favours universal. Theatres
1740 Are these for my displaying: I appeared
 In them (though never from myself was I
 Hidden) before the physical abode
 Of my epiphany. For be it speech
 (And all of me a tongue that tells of me),
1745 Or sight (and all of me in me an eye
 For observation meant), or ear (and all
 Of me an ear attentive to the call
 By vocative) (and all of me a hand
 Strong to repel destruction)—all these four
1750 Were inward meanings of such attributes
 Establishing what lies beyond the garb,
 Names of an essence that divulged abroad
 What sense reported. The control of these
 By one who guarded first the Covenant
1755 (That with a soul that watches over them
 With loyal love) is proved in carollers
 Of vaunting song, in necks outstretched to rouse
 From slumber, in signs manifest of joy.
 In rainclouds charged with hoped-for
 bounteousness.
1760 Their dedication by the one who last
 Tied firm the Compact, with a soul that scorned
 The arrogance of scorn, is brought to light
 By gems of information, radiances
 Of junction, outward tidings, vanquishers
1765 Of violence. Their outward making known
 From one who sought for prudence illustrates

1715 Из этих имен сущности (что обитают
 В мирах внутренних) - дух ол Терет,
 Который тем самым дает указание на то же.
 Как сказано метафорически,
 Проявление моих атрибутов
1720 Через имена моих членов (в то время как
 моя душа,
 По истинному суждению, названа ими),

Есть знаки знаний, начертанные на завесах
 Форм, освещающие то, что пребывает
 За пределами чувственного восприятия в душе.
1725 Далее, проявление имен
 (Сказанных в действительности) моей сущности
 Через атрибуты ребер моего сердца,
 Для тайн, которыми радуется дух, —
 Это намеки на сокровища, затеняющие
1730 Внутренние истины мистического смысла,
 Окруженные секретами, скрытыми в глубине
 сердца.
 Их влияния на весь мир в целом
 Вместе с их знаниями (а те вещи,
 Которые существуют благодаря этим
 воздействиям,
1735 Не независимы от них)
 Есть свидетельство того, что собирается
 Добрая слава через силы контроля.
 Это зрелище, когда пожинают хвалу
 За всеобщую благосклонность. Это — арены
1740 Для моего проявления: я являлся
 В них (хотя никогда не был скрыт от самого
 себя)
 Перед физическим жилищем
 Моего откровения. Ибо будь то речь
 (И вся моя сущность — язык, говорящий обо
 мне),
1745 Или зрение (и вся моя сущность — око,
 Предназначенное для наблюдения), или слух (и
 вся
 Моя сущность — слух, внимательный к
 призыву),
 Или рука (и вся моя сущность — рука,
 Мощная, чтобы противостоять разрушению) —
 все эти четыре
1750 Были внутренними значениями таких
 атрибутов,
 Утверждающими то, что лежит за покровом,
 Именами сущности, которые раскрыли
 То, что сообщили чувства. Власть над ними
 Того, кто первым охранял Завет
1755 (Того, кто с душой, хранящей тех, кто
 С преданной любовью), доказана в гимнах,
 Хвалебных песнях, в шеях, повернутых, чтобы
 пробудить
 Ото сна, в явных знаках радости.
 В дождевых облаках, заряженных долгожданной
 щедростью.
1760 Их преданность тому, кто последним
 Прочно укрепил Завет, с душой, презиращей
 Высокомерие презрения, раскрыта
 Драгоценными жемчужинами знания, лучами
 Соединения, внешними вестями, победителями
1765 Насилия. Их внешнее проявление,
 известное от
 Того, кто искал мудрости, иллюстрирует

The nature of a spirit generous
 With its own being: doubled litany.
 Meanings of true nobility, abodes
1770 Of deep enigmas, bases of a fact.
 Their exaltation inwardly by one
 Sincere of purpose proves the turning back
 Of a soul well-content to contemplate:
 Noblest of signs, marvels of purity,
1775 Most coveted of goals, battalions
 Of martial valour. To the garb of flesh
 From them (by virtue of attachment in
 The station of Islam arising from
 Islam's sage ordinances) there ensue
1780 Arrows of ordinances, subtleties
 Of wisdom, reinforcing verities,
 Diffusion's delicacies. To the sense
 From them (by virtue of true-proving in
 The station of true faith arising from
1785 Faith's active signs) are given cloistered cells
 For meditations, flashing lights of thought.
 Temples enshrining traces visible,
 Subduers of unthinking. To the soul
 From them (by virtue of assumption in
1790 The station of good deeds arising from
 Traditions of the Prophet) are vouchsafed
 Nice informations, bounties generous,
 All scrolls informative, successors to
 Godly regard. To the all-unity
1795 (From the beginning 'As if thou' unto
 The end 'If thou dost not' arising from
 The sign of visionhood) eventuate
 Showers of grace reactionary, troops
 Of high transcendence, unions' incidence,
1800 Lions of battle-order. Their resort
 In the world visible (that makes demand
 Upon the sense) is what the soul of me
 Perceives: as chapters of expressive speech.
 Receipt of greeting, taking in of hints,
1805 Roots of donation. In the world unseen
 Their rising-place is the repeated gifts
 Of bounty from myself unto myself
 I have discovered: joyous tidings of
 Confession, intuitions of regard,
1810 Secrets of outward traces, treasuries
 Of propaganda. In dominion's world
 Their locus is my being rapt by night
 Particularly (what no other was
 Of all my family): academies
1815 Of Holy Scripture, emulation's keeps.
 Seed-beds of exegesis, cavaliers
 Invincible. Their lighting area
 Uprising out of revelation's east

Природу духа, щедрого
 В его собственным бытие: удвоенная литания.
 Значения истинного благородства, обители
1770 Глубоких тайн, - основа факта.
 Их внутренний восторг тем,
 Кто искренен в намерениях, доказывает
 обращение
 Души, довольной созерцанием:

Высшие из знаков, чудеса чистоты,
1775 Самые желанные цели, батальоны
 Боевой доблести. Для оболочки плоти
 Через них (по причине связи
 С состоянием ислама, возникающим из
 Мудрых предписаний ислама) следуют
1780 Стрелы постановлений, утонченности
 Мудрости, утверждающие истины,
 Тонкости распространения. Для чувств
 Через них (по причине утверждения истины
 Состояние истинной веры, возникающее из
1785 Активных знаков веры, находит свои
 обители
 В уединенных кельях для размышлений,
 Сияющих огнями мысли. Храмы,
 Сохраняющие видимые следы, покоряющие
 невежество.
 Для души через них (благодаря принятию
1790 Положения добрых дел, основанных
 На традициях Пророка) даруются
 Точные сведения, щедрые дары,
 Священные свитки знаний, наследники
 Божественного внимания. Единству
1795 (От начала 'Как будто бы ты' до
 Конца 'Если ты не') в результате
 Знаков пророческого видения
 Проливаются потоки благодати,
 Воинства высокого трансцендентного духа,
1800 Единства и могущества, львы боевого
 порядка.
 Их прибежище в видимом мире
 (Который предъявляет требования к чувствам)
 Обнаруживается душой моей: как главы
 выразительной речи,
 Приветствия, восприятие намеков,
1805 Корни щедрости. В невидимом мире
 Их восходящее место — повторяющиеся дары
 Щедрости от меня к самому себе,
 Которые я открыл: радостные вести
 Исповеди, интуиции внимания,
1810 Тайны внешних следов, сокровищницы
 Проповеди. В мире господства
 Их местоположение — мое восхищение ночью,
 Особенное (чего никто другой из
 Моей семьи не испытывал): школы
1815 Священного Писания, хранилища
 подражания,
 Семена истолкования, непобедимые
 Рыцари. Их озаряющий свет,
 Восходящий с востока откровения

(A revelation dazzling to the sight)
1820 Within the world of high omnipotence
 Is thrones of Unitarian belief.
 Attainments of approximation, paths
 Of glory-crying, angels strong to aid.
 Their fountain-head of overflowing grace
1825 In every world, to fill a spirit's need
 Rich in recovery, is benefits
 Of inspiration, seekings after ease,
 Profits of benefaction, tables spread
 With generous abundance of good things.
1830 The whole of me performing what the Path
 Provideth, in the manner that the Truth
 Of me required, when I had joined the rift
 So that the cracks that split the unity
 (Through difference of attribute) (no more
1835 Dispersed) were closed, and naught remained
 (to cause
 Estrangement) as between myself and my
 Firm trust in love's familiarity,
 I realized that we in truth were one
 And the sobriety of unison
1840 Confirmed the blotting-out of scatteredness.
 My all: a tongue, an eye, an ear, a hand:
 To speak, to see, to hear, to seize withal.
 Mine eyes conversed, the while my tongue beheld.
 My hearing uttered, and my hand gave ear;
1845 My hearing was an eye considering
 Whate'er appeared, mine eyes an ear to heed
 Silently if the folk broke forth in song;
 Upon my benefits my tongue became
 A hand, as too my hand became a tongue
1850 For converse and for preaching; so my hand
 Became an eye, to see whate'er appeared.
 Mine eye a hand outspread wherewith to strike;
 Mine ear became a tongue in my address.
 My tongue an ear for silent listening;
1855 The smell too had its rules agreeable
 To general analogy as in
 The fusion of my attributes, or by
 Reversal of the case. No limb in me
 Was specialized as being singled out
1860 To the exclusion of the rest for one
 Description, as to wit a seeing eye:
 My every atom, notwithstanding its
 Own singularity, itself comprised
 The sum of all the organs' faculties,
1865 Whispering and attending, consequent
 On contemplation of one taking charge
 (By virtue of a hand omnipotent)
 Disposing of his whole totality
 In one brief moment. So it is I read
1870 The various knowledge of all learned men

(Откровения, ослепляющего зрение),
1820 В мире высокой всемогущей силы
 Является престолом Единой веры,
 Достижениями приближения, путями
 Славы, ангелами, сильными в помощи.
 Их источник изливающейся благодати
1825 Во всех мирах, чтобы восполнить нужды
 духа,

Богатого восстановлением, — это
 Блага вдохновения, стремления к покою,
 Прибыли благодеяния, столы, накрытые
 Щедрым изобилием добрых даров.
1830 Вся моя сущность, исполняя то, что Путь
 Предоставляет, так, как это требует
 Истина моей сущности, когда я соединил разрыв,
 Так что трещины, которые разделяли единство
 (Через различие атрибутов) (больше не
1835 Рассеивали), были закрыты, и не осталось
 ничего,
 Что могло бы вызвать отчуждение между мной и
 моей
 Твердой верой в близость любви.
 Я осознал, что мы были едины в истине,
 И трезвость единства
1840 Подтвердила устранение раздробленности.
 Все, что у меня есть: язык, глаз, ухо, рука:
 Чтобы говорить, видеть, слышать, хватать.
 Мои глаза беседовали, а язык созерцал.
 Мой слух говорил, а рука слышала;
1845 Мой слух был глазом, рассматривающим
 Что бы ни появилось, мои глаза становятся ухом,
 способным внимать
 Если народ начинает петь, я молчу;
 Благодаря моим благодеяниям мой язык стал
 Рукой, а моя рука - языком
1850 Для беседы и проповеди; так что моя рука
 Стал глазом, чтобы видеть все, что появляется;
 Мой глаз — это рука, протянутая для удара;
 Мое ухо стало языком, обращающимся ко мне.
 Мой язык — это ухо для безмолвного слушания;
1855 Обоняние также имело свои правила,
 Соответствующие общей закономерности, как в
 Слиянии моих атрибутов, так и в
 Противоположных случаях. Ни один из моих
 членов
 Не был специализирован как исключительный
1860 В отличие от остальных, например,
 Как видящий глаз: Каждый мой атом,
 несмотря на свою уникальность,
 содержал в себе
 Сумму всех функций органов,
1865 Шепотом и вниманием, следуя
 Созерцанию того, кто берет на себя
 ответственность
 (В силу всемогущей руки),
 Управляя всей своей сущностью
 В один короткий миг. Так я постигаю
1870 Разнообразные знания всех ученых

Summed in one word, and with a single glance
 Reveal to me all beings in the world:
 I hear the voices of all men at prayer.
 And every language, in a space of time
1875 Less than an instant's flash: I summon up
 Before me, what could scarcely be conveyed
 From its far distance, ere mine eye can wink:
 So in one inhalation I breathe in
 The perfumes of all gardens, and the scent
1880 Of every herb clutching the breezes' skirts:
 And I review all regions of the earth
 Before me in one thought, and with one bound
 Traverse the seven layers of the skies.
 Bodies of those in whom no more remains
1885 The barest remnant, unified with me.
 Become as light as spirits, being all
 Encompassed by that union; whose'er
 Is sovereign, or charitable, or
 Mighty in onslaught, only through my aid
1890 And subtle contact to that power attains;
 Nor walked he on the waters, neither flew
 In air, nor plunged his body in the flames.
 Save by my will possessing him; and he
 Whom I have aided of my very self,
1895 Through such a subtle contact, in a trice
 Disposes of his own totality.
 Thus, he who with his whole totality
 Followed my union, in an hour or less
 Recited the Koran a thousand times
1900 From end to end: had but a breath of grace
 From me possessed one dead, straightway his soul
 Would have been given back, restored to him.
 Such is the soul: if it throw off desire
 Its faculties are multiplied, and give
1905 To every atom its activity.
 Let union then suffice thee—not by way
 Of separation bi-dimensional.
Videlicet space measured, finite time.
 Thus Noah rode the tempest, and was saved
1910 With such his kinsmen as with him escaped
 In the Ark; for him the flooding waters sank
 Responsively, and he their billows clave
 To Mount al-Judi, where the vessel berthed.
 Thus Solomon with his two armies swept
1915 Above the face of earth, the wind's broad back
 Beneath his carpet; and before the eye
 Might quiver, Bilkis' throne from Sheba far
 Was wafted to his presence toillessly.
 Thus Abraham subdued his foeman's fire
1920 That by his radiance was transformed for him
 Into a flowering field of Paradise;
 And when he called the birds (and they had been

В одном слове, и одним взглядом
 Открываю себе всех существ в мире:
 Я слышу голоса всех людей в молитве
 И каждый язык, в мгновение, короче, чем
 вспышка;
1875 Призываю перед собой то, что едва могло
 бы
 Быть передано из далекого расстояния, прежде
 чем

Мой глаз успеет моргнуть:
 Так я за одно дыхание вдыхаю
 Ароматы всех садов и запах
1880 Каждого растения, ловящего порывы ветра:
 И я обзираю все регионы земли
 Передо мной в одной мысли и одним прыжком
 Преодолеваю семь уровней небес.
 Тела тех, в ком не осталось
1885 Даже малейшего остатка, едины со мной.
 Они становятся легкими, как духи, полностью
 Охваченные этим единством; кто бы ни был
 Властелином, щедрым или
 Могуущественным в нападении, - он достигает
 этой силы
1890 Только через мою помощь
 И тонкое соприкосновение с этой силой; он не
 ходил по водам, не летал
 В воздухе, не погружал свое тело в огонь,
 Кроме как по моей воле, обладая им; и тот,
 Кому я помог своей собственной сущностью,
1895 Через такое тонкое соприкосновение,
 мгновенно
 Управляет всей своей сущностью.
 Таким образом, тот, кто всей своей сущностью
 Следовал моему единству, за час или меньше
 Произнес бы Коран тысячу раз
1900 От начала до конца: если бы лишь дыхание
 благодати
 От меня коснулось умершего, его душа
 Тотчас бы вернулась, восстановленная для него.
 Такова душа: если она отбросит желание,
 Ее способности умножаются и дают
1905 Каждому атому его активность.
 Пусть единство будет достаточным для тебя —
 не путем
 Разделения в двух измерениях,
 А именно измеренным пространством, конечным
 временем.
 Так Ной плыл сквозь бурю и был спасен
1910 Со своими сородичами, которые с ним
 спаслись
 В Ковчеге; для него воды потопа отступили,
 И он рассек их волны, направляясь
 К горе Аль-Джуди, где причалило судно.
 Так Соломон со своими двумя отрядами
 пронесся
1915 Над землей, опираясь на широкую спину
 ветра
 Под своим ковром; и прежде, чем глаз мог
 моргнуть,
 Трон Билкис из далекой Шебы (Савы)
 Был без труда перенесен к нему.
 Так Авраам усмирив огонь своего врага,
1920 Который благодаря его сиянию
 превратился для него
 В цветущий сад рая.
 И когда он призвал птиц (которые были

Slaughtered) from every mountain-peak, they came
To him obediently. Thus Moses' rod

1925 Cast from his hand swallowed those terrors of
Enchantment that pressed hard upon his soul;
And at a blow therewith out of the rock
He made those fountains gush that watered all
Continuously flowing, to the sea

1930 Cleaving their course. Thus, when the
messenger

Cast Joseph's shirt upon old Jacob's face
Declaring he should come to him again.

He saw him with those eyes that sorely wept
(Ere his approach) in longing for his son

1935 Till they were blinded. Thus among the folk
Of Israel a table was sent down

From heaven (Jesus praying), and was spread;
He made the blind to see, and healing hands
Laid upon leprosy's contagion, and

1940 Turned with a breath the clay into a bird.

(The secret of that inward potency

To which reacted outward things is this
My fashioned words (permitted as by God)

Communicated to thy heedful ear.)

1945 And in the time when prophecy had failed
The secrets of all these another brought

To us revealing, and to be a seal
On them; nor any one of them, but called

His people by our Prophet's grace, and as

1950 Our Prophet's follower, unto the Truth.

Our doctor is a prophet such as they.

And he among us who his fellows calls

Unto the Truth in true apostleship

Labours: in this our time Ahmadian

1955 Our gnostic is as one of them, endued
With firmness, holding to God's ordinance.

And what in them was called a miracle

After our Prophet's age became a grace
Bestowed on his vicegerents and his saints.

1960 His family sufficed the race of man.
With his companions, and their followers

The leaders of the faith in after time,

So that they needed not new Messengers.

Their graces were a part of his bequest

1965 To them, exclusively, to be their share

In every excellence. Of such as rose
(After the Prophet's death) to the defence

Of true religion: Abu Bakr made war

Against that false Hanffa's family;

1970 And Sariya by Omar was besought

(Although the Dwelling was by no means nigh)

To refuge in the mountain; and Othman

Was not distracted from the Book he read

What though the people passed to him the cup

Убиты), они пришли к нему послушно с
вершины каждой горы.

Так жезл Мусы, выпавший из его руки,

1925 Проглотил те ужасы колдовства,

Которые угрожали его душе;

И одним ударом из скалы

Он сделал так, что фонтан забил, орошая всех

Непрерывно, прокладывая путь к морю.

1930 Так, когда посланник

Возложил рубашку Юсуфа на лицо старого
Якуба,

Обещая, что он снова его увидит,

Якуб увидел его теми глазами,

Которые до этого слепли от слез,

1935 Пролитых в тоске по сыну.

Так среди народа Израиля небесная трапеза была
ниспослана

С небес по молитве Исы и была накрыта для
всех;

Он сделал слепых зрячими, а исцеляющие руки

Наложил на прокаженных,

1940 И одним дыханием превратил глину в
птицу.

(Тайна той внутренней силы,

На которую реагировали внешние вещи,

заключается в том,

Что мои созданные слова (дарованные Богом)

Были переданы в твое внимательное ухо.)

1945 И в то время, когда пророчество

прекратилось,

Другой раскрыл нам тайны всего этого

И стал их печатью; и не было никого из них,

Кто не призывал бы свой народ к Истине

Благодаря милости нашего Пророка и как

1950 Последователь нашего Пророка.

Наш учитель — пророк, подобный им.

И тот среди нас, кто призывает своих товарищей

К Истине, как истинный апостол,

Трудится: в наше время Ахмадиан

1955 Наш гностик подобен одному из них,
наделен

Твердостью, следуя Божьему установлению.

И то, что у них называлось чудом,

После того, как возраст нашего Пророка стал
благодатью,

Дарованной его заместникам и святым.

1960 Его семьи было достаточно для рода
человеческого.

С его сподвижниками и их последователями —

Вожжами веры в последующие времена,

Так что им не было нужды в новых

Посланниках.

Их благословения были частью его наследия,

1965 Переданного им, исключительно, чтобы
они могли

Разделить всякое совершенство. Из тех, кто
встал

(После смерти Пророка) на защиту

Истинной религии: Абу Бакр воевал

Против семьи ложного Ханифы;

1970 И Сария был призван Омаром

(Хотя место было весьма далеко)

Найти убежище в горах; и Усман

Не отвлекался от книги, которую читал,

Даже когда народ поднес ему чашу

1975 Of death to drain; and Ali set out clear
 What texts were difficult to comprehend
 By exegesis, that in virtue of
 A knowledge won him as executor;
 And all the rest like stars, whoever chose
1980 To follow any of their guiding lights
 Was led to safety by his counsel wise.
 Saints who believed on him, although their eyes
 Never beheld him, are elect in true
 Affinity, as kin of brotherhood;
1985 Their spiritual nearness unto him
 Is as his yearning after them in form—
 Then marvel at a presence that prevails
 In absence! Those the people who received
 The Spirit, called the peoples in my name
1990 To tread my road, and thereby overcame
 All who derided and denied my proof:
 They all, dependent on my prior truth.
 Revolve upon my circle, or descend
 Along the pathway of my watering-place.
1995 And though in outward form I be a son
 Of Adam, yet within him is a truth
 Bearing me witness to my fatherhood.
 My spirit, being voided of the bar
 To showing forth in all maturity,
2000 Was nurtured in illumination's breast:
 My cradle-meditation was upon
The Prophets', while my elements were formed
 My tablet was Preserved, my favourite text
The Victory; ere I was weaned (and yet
2005 A little while and the religious dues
 Should bind my outward form) I set the seal
 On the expositors of every law
 Religious by my code—for they, and those
 Who held their doctrines, were upon my track
2010 Nor any way transgressed the path my steps
 Now trod: the blessedness of those who called
 The former generations unto me
 Lieth in my right hand, as in my left
 The ease of them who followed latterly.
2015 Think not the matter stands without me: none
 Ever attained to leadership of men
 Except he joined my service. But for me
 No being existential would have been
 Brought into being, none contemplative
2020 Existed, never loyal covenants
 Would have been known. None lives, except his life
 Derives from mine; and every willing soul
 Obeys my will. None speaks, except his tale
 Is fashioned of my words; none sees, except
2025 With my eyes' sight; none listens silently
 Except he heareth with my ears; none grasps

1975 Смерти; а Али разъяснил
 Тексты, трудные для понимания,
 Толкованием, которое он обрел в силу
 Знания, данного ему как исполнителю воли;
 И все остальные, как звезды, — кто бы ни
 выбрал
1980 Следовать за любым из их светочей,
 Был приведен к безопасности его мудрым
 советом.

Святые, веровавшие в него, хотя их глаза
 Никогда его не видели, избраны в истинном
 Родстве как братья по духу;
1985 Их духовная близость к нему
 Подобна его стремлению к ним в образе —
 Так удивляйся присутствию, что преобладает
 В отсутствии! Эти люди получили
 Дух, призванный народами во имя мое,
1990 Чтобы идти по моему пути, и тем самым
 победили
 Всех, кто насмеялся и отвергал мои
 свидетельства:
 Все они, зависимые от моей изначальной
 истины,
 Вращаются в моем круге или спускаются
 По пути к моему источнику.
1995 И хотя по внешней форме я сын
 Адама, внутри него есть истина,
 Свидетельствующая о моём отцовстве.
 Мой дух, очищенный от преграды,
 Мешавшей проявлению в полной зрелости,
2000 Был возвращён на груди озарения:
 Размышлением моим в колыбели были
 Пророки, пока мои элементы формировались.
 Моя скрижаль была сохранена, мой
 излюбленный текст —
 Победа; прежде чем я был отнят от груди (и всё
 же
2005 Незадолго до того, как религиозные
 обязательства
 Должны были связать мою внешнюю форму), я
 поставил печать
 На толкователях каждого закона,
 Религиозного по моему кодексу — ибо они, и те,
 Кто держался их доктрин, следовали по моему
 пути
2010 И ни в чём не уклонились от тропы, по
 которой ступали мои ноги:
 Блаженство тех, кто призывал
 Прошлые поколения ко мне,
 Лежит в моей правой руке, а в левой —
 Покой тех, кто последовал позже.
2015 Не думай, что дело обходится без меня:
 никто
 Никогда не достиг предводительства людьми,
 Если он не поступил на мою службу. Если бы не
 я,
 Ни одно существо не было бы
 Приведено в бытие, не существовало бы ни
 одного созерцающего,
2020 Никто бы не знал о верных заветах.
 Никто не живет, если его жизнь
 Не исходит от моей; и каждая преданная душа
 Повинуется моей воле. Никто не говорит, кроме
 тех, чья речь
 Состоит из моих слов; никто не видит, кроме
 тех, кто видит
2025 Моими глазами; никто не слушает в
 молчании,
 Если не слышит моими ушами; никто не
 схватывает,

Save with my strength and might. In all the world
 Created nothing speaks or sees or hears
 Save me alone. In this compounded realm
2030 I manifested a reality
 In every form, that thereby was adorned
 In beauty; and where my phenomena
 Revealed not such reality, therein
 I yet was imaged incorporeally;
2035 And what clairvoyantly the spirit sees
 Unveiled, there I was subtly hidden from
 The overburdened thought. In merciful
 Expansion I am all desire, whereby
 The hopes of all who dwell upon my earth
2040 Are wide-expanded; but in terrible
 Contraction I am reverential awe
 Entire, and wheresoe'er I turn mine eye
 All things revere me; yet where these twain states
 Unite, I am all nearness. Wherefore come,
2045 Draw nigh to these my bounteous qualities!
 And in that place where in is at an end
 I cease not to discover of myself
 Through the perfection of my natural
 Predisposition all the majesty
2050 Of my self-contemplation; in that place
 Where in is not I ever contemplate
 The beauty of my existential self
 Yet not with vision ocular. If thou
 Be mine, seek union with me, and blot out
2055 The separation of my fragmenting.
 Nor unto nature's darkness swerve aside.
 Receive the signs my wisdom hath inspired
 To shift from thee the vain imaginings
 Of sensual conjecture. Be thou free
2060 Of him who to metempsychosis holds
 (Albeit proving in his proper self
 Souls may migrate to occupy the flesh
 Of animals), and hold thyself aloof
 From his false theories; leave him to his claim
2065 That human spirits do inhabit plants—
 If it were true souls move to minerals,
 Such would be his appropriate habitat
 In every cycle everlastingly!
 Now this my coinage of parables
2070 Time and again, to illustrate my state
 For thee, a favour is I thee accord.
 Consider as-Saruji's picaresque
Makdmas; ponder well how he disguised
 Himself, and thou wilt surely find it good
2075 To take my counsel; thou wilt recognize
 Whatever outward shape or form the soul
 Assumes, the soul is inwardly disguised
 In sense. If as-Sariiji's author wrote

Кроме как моей силой и могуществом. Во всем
 мире
 Нет ни одного творения, которое говорит, видит
 или слышит,
 Кроме меня одного. В этом сложном мире
2030 Я явил реальность
 В каждой форме, которая тем самым украшена
 Красотой; и там, где мои феномены
 Не открывают такую реальность, там

Я все равно отображен бесформенно;
2035 И то, что ясновидящий дух ясно видит
 Без покровов, там я был тонко скрыт
 От обремененной мысли. В милосердном
 Расширении я — всё желание, благодаря
 которому
 Надежды всех, кто обитает на моей земле,
2040 Широко раскрываются; но в ужасном
 Сжатию я — полный благоговейный трепет,
 И куда бы я ни обратил свой взор,
 Все меня почитают; и все же там, где эти два
 состояния
 Соединяются, Я - абсолютная близость. Поэтому
 придите,
2045 Приблизьтесь к этим моим щедрым
 качествам!
 И в том месте, где в конце
 Я не прекращаю открывать себя
 Через совершенство моей природной
 Предрасположенности всю величественность
2050 Моего самосозерцания; в том месте,
 Где предела нет, я всегда созерцаю
 Красоту своего сущего Я,
 Но не зрением телесным. Если ты
 Принадлежишь мне, ищи единения со мной
2055 И сотри разобщённость моего
 раздробления.
 Не уклоняйся в сторону от природной тьмы.
 Прими знаки, внушенные моей мудростью,
 Чтобы отогнать от себя пустые фантазии
 Чувственных домыслов. Будь свободен
2060 От того, кто верит в переселение душ
 (Хотя даже в своем существе он доказывает,
 Что души могут переселяться, чтобы обитать в
 телах
 Животных), и держись подальше
 От его ложных теорий; оставь его с его
 утверждением,
2065 Что человеческие души обитают в
 растениях —
 Если бы это было правдой, что души
 переселяются в минералы,
 То такова была бы его подходящая среда
 обитания
 В каждом цикле, вечно!
 Вот моя подборка притч
2070 Снова и снова, чтобы проиллюстрировать
 мое состояние
 Для тебя — это благословление, который я тебе
 оказываю.
 Рассмотрю плутовские
 Макамы ас-Саруджи; хорошенько поразмысли,
 как он
 Себя замаскировал, и ты, несомненно, сочтешь
 это полезным
2075 Прислушайся к моему совету; ты поймешь,
 Что бы ни принимала душа — внешнюю форму
 или облик,
 Внутренне она остаётся скрытой в своём смысле.
 Если автор ас-Саруджи писал вымышленные
 истории,

Fictitiously, yet truth speaks parables
2080 Thereby, what though the soul be frivolous.
 Wherefore be understanding; justice do
 Unto thy soul, whilst with thy sense regard
 Thy acts phenomenal. If thou wouldst have
 Thy soul unveil itself, then contemplate
2085 What thou beholdest indisputably
 Shown in the burnished mirrors: is it else
 Than thou appears in them, or dost thou look
 Upon thyself through them, the visual rays
 Being reflected ? Listen how thy voice
2090 After it dies to silence is returned
 To thee anew by lofty castle-walls:
 Is it another that there talks to thee.
 Or hearest thou words from thy echo voiced?
 Tell me, who passed his learning unto thee
2095 The while thy senses had been lulled in sleep?
 Ere thy today, thou knewest not what chanced
 Upon thy yesterday, nor what shall hap
 Tomorrow; yet this morn thou art possessed
 Of knowledge what befell men long since gone
2100 And mysteries of others yet to come.
 And boastest of thy ken. Supposest thou
 It was another that conversed with thee
 In slumber's sleep upon the divers kinds
 Of noble knowledge ? Nay, 'twas but the soul
2105 Busied with her own world, oblivious
 To mortal being's theatre the while:
 Itself unveiled itself unto itself
 In the unseen: assumed a sage's guise
 Who guided it to comprehension of
2110 Ideas most wondrous. For the sciences
 Were graven on the soul, and it was taught
 Their names aforetime, and therewith inspired
 By ancient fatherhood: the soul was not
 Blessed by such knowledge as deriveth from
2115 Otherness' separation, but enjoyed
 The things itself dictated to itself.
 And if the soul ere sleeping had been stript
 Thou wouldst have contemplated it, like me,
 With a true eye: its normal stripping (first)
2120 Confirms its being (secondly) stript off,
 To wit, in the hereafter: so hold fast.
 Be not of those much study hath made mad.
 Sapping their reason, and unsettling it.
 For far beyond all lore traditional
2125 There lies a knowledge, that is far too fine
 For soundest understandings to attain
 In their remotest reach; which I myself
 Received from me, and from myself derived.
 My soul with my own gift supplying me.
2130 And be thou not all heedless of the play:

То через них истина говорит притчами,
2080 Хотя душа и может быть легкомысленной.
 Посему будь понимающим; поступиай
 справедливо
 Со своей душой, пока через чувства
 Ты созерцаешь свои явные деяния. Если хочешь,
 Чтобы твоя душа раскрылась, тогда размышляй
2085 Над тем, что ты видишь несомненно
 Отражённым в отполированных зеркалах:

Это не что иное, как ты сам являешься в них,
 Или ты смотришь на себя через них и
 Видимые лучи отражаются? Послушай, как
 голос твой
2090 После того, как утихнет, возвращается
 К тебе заново через высокие стены замка:
 Говорит ли там с тобой другой.
 Или ты слышишь слова от твоего эха?
 Скажи мне, кто передал тебе свое учение
2095 Пока твои чувства были убаюканы сном?
 До наступления твоего 'сегодня', ты не знал,
 Что произошло вчера, и что случится
 Завтра; но в это утро ты обладаешь
 Знанием того, что произошло с людьми, давно
 ушедшими,
2100 И тайнами тех, кто еще придет.
 И хвалишься своим пониманием.
 Думаешь ли ты, что это был кто-то другой, кто
 говорил с тобой
 Во сне о разнообразных видах благородных
 знаний?
 Нет, это была душа,
2105 Занятая своим собственным миром,
 забывшая
 На время о театре смертного бытия:
 Она сама открылась себе,
 Взяла на себя облик мудреца,
 Который вел её к пониманию
2110 Самых чудесных идей. Ведь науки
 Были начертаны на душе, и она была научена
 Их именам издревле, и вдохновлена
 Своим древним происхождением: душа не была
 Благословлена знанием, происходящим от
2115 Отделённости и чуждости, но наслаждалась
 Тем, что сама диктовала себе.
 И если бы душа, прежде чем уснуть, была
 обнажена,
 Ты бы созерцал её, как и я,
 Истинным взором: её обычное обнажение
 (сначала)
2120 Подтверждает её бытие (затем)
 обнаженной,
 Чтобы познать в грядущем: так держись крепко.
 Не будь из тех, кого чрезмерное учение
 Сделало безумными, разрушив их разум и лишив
 его устойчивости.
 Ибо далеко за пределами традиционных знаний
2125 Существует знание, слишком утончённое
 Для самых здравых разумов, чтобы они могли
 достичь его
 Даже в самых дальних своих стремлениях; это
 знание я
 Получил от самого себя и из себя извлёк.
 Моя душа снабжает меня своим собственным
 даром.
2130 И не будь ты беспечен к игре:

The sport of playthings is the earnestness
 Of a right earnest soul. Beware: turn not
 Thy back on every tinselled form or state
 Illogical: for in illusion's sleep
2135 The shadow-phantom's spectre brings to thee
 That the translucent curtains do reveal.
 Thou seest forms of things in every garb
 Displayed before thee from behind the veil
 Of ambiguity: the opposites
2140 In them united for a purpose wise:
 Their shapes appear in each and every guise:
 Silent, they utter speech: though still, they move:
 Themselves unluminous, they scatter light.
 Thou laughest gleefully, as the most gay
2145 Of men rejoices; weep'st like a bereaved
 And sorrowing mother, in profoundest grief;
 Mournest, if they do moan, upon the loss
 Of some great happiness; art jubilant.
 If they do sing, for such sweet melody.
2150 Thou seest how the birds among the boughs
 Delight thee with their cooing, when they chant
 Their mournful notes to win thy sympathy,
 And marvellest at their voices and their words
 Expressing uninterpretable speech.
2155 Then on the land the tawny camels race
 Benighted through the wilderness; at sea
 The tossed ships run amid the billowy deep.
 Thou gazest on twain armies—now on land,
 Anon at sea—in huge battalions
2160 Clad all in mail of steel for valour's sake
 And fenced about with points of swords and spears.
 The troops of the land-army—some are knights
 Upon their chargers, some stout infantry;
 The heroes of the sea-force—some bestride
2165 The decks of ships, some swarm the lance-like
 masts.
 Some violently smite with gleaming swords.
 Some thrust with spears strong, tawny, quivering;
 Some 'neath the arrows' volley drown in fire.
 Some burn in water of the flaming flares.
2170 This troop thou seest offering their lives
 In reckless onslaught, that with broken ranks
 Fleeing humiliated in the rout.
 And thou beholdest the great catapult
 Set up and fired, to smash the fortresses
2175 And stubborn strongholds. Likewise thou
 mayst gaze
 On phantom shapes with disembodied souls
 Cowering darkly in their dim domain.
 Apparelled in strange forms that disaccord
 Most wildly with the homely guise of men;
2180 For none would call the Jinnis homely folk.
 And fishermen cast in the stream their nets
 With busy hands, and swiftly bring forth fish;

Игрушки — это серьёзность
 Души истинно серьёзной. Берегись:
 Не отворачивайся от всякой блестящей формы
 Или нелогичного состояния. Ведь во сне
 иллюзии
2135 Призрачная тень приносит тебе
 То, что открывают прозрачные занавеси.

Ты видишь формы вещей в каждом одеянии,
 Проявленные перед тобой из-за завесы
 Неопределённости: противоположности
2140 В них соединены ради мудрой цели.
 Их образы предстают во всех видах:
 Молча, они произносят речь; стоя на месте,
 движутся;
 Сами не дающие света, они рассеивают свет.
 Ты смеёшься весело, как самый жизнерадостный
2145 Из людей радуется; плачешь, как мать,
 Потерявшая дитя, в глубочайшей скорби;
 Горюешь, когда они оплакивают утрату
 Какого-то великого счастья; ликуешь,
 Когда они поют, благодаря сладкой мелодии.
2150 Ты видишь, как птицы среди ветвей
 Радуют тебя своим воркованием, когда они
 Печально поют, стремясь вызвать твоё
 сочувствие,
 И удивляешься их голосам и словам,
 Выражающим непере译имую речь.
2155 Затем на земле рыжие верблюды мчатся
 Ночью через пустыню; в море
 Трясущиеся корабли плывут среди бурных волн.
 Ты созерцаешь две армии — одну на земле,
 Другую на море — в огромных батальонах,
2160 Одетых для доблести в броню
 И окружённых остриём мечей и копий.
 Войска наземной армии: некоторые рыцари
 На своих конях, другие — стойкие пехотинцы;
 Герои морских сил: одни стоят
2165 На палубах кораблей, другие у мачт,
 похожих на копыя.
 Некоторые яростно бьют сверкающими мечами.
 Другие вонзают крепкие, рыжевато-коричневые,
 дрожащие копыя;
 Некоторые гибнут под градом стрел, утопая в
 огне.
 Некоторые горят в воде от пламенных факелов.
2170 Эти воины, как ты видишь, жертвуют
 жизнями
 В безрассудной атаке, и, будучи разбиты,
 С позором бегут в отступлении.
 Ты видишь, как великая катапульта
 Установлена и стреляет, разбивая крепости
2175 И несгибаемые укрепления. Так же ты
 можешь взирать
 На призрачные формы с бесформенными
 душами,
 Тускло дрожащими в своём мрачном царстве.
 Одетые в странные обличья, которые резко
 Противоречат знакомому облику людей;
2180 Ведь никто не назвал бы джиннов
 знакомыми созданиями.
 Рыбаки закидывают свои сети в поток
 Усердными руками и быстро вытаскивают рыбу,

And cunning fowlers spread their gins, that birds
A-hunger may be trapped there by a grain.

2185 Ravening monsters of the ocean wreck
The fragile ships; the jungle-lions seize
Their slinking prey; birds swoop on other birds
Out of the heavens; in a wilderness
Beasts hunt for other beasts. And thou mayst
glimpse

2190 Still other shapes that I have overpassed
To mention, not relying save upon
The best exemplars. Take a single time
For thy consideration—no long while—

And thou shalt find all that appears to thee
2195 And whatsoever thou dost contemplate
The act of one alone, but in the veils

Of occultation wrapt: when he removes
The curtain, thou beholdest none but him.
And in the shapes confusion no more reigns.

2200 And thou dost realize when he reveals
That in thy darkness thou wast guided by
His light to view his actions. Even so
I too was letting down the curtain of

The spirit's obscuration in the light
2205 Of shadow as between myself and me.

That in my work creative now and now
Again I might appear by slow degrees
To my sensation, to accustom it;

Conjoining to my task the play thereof
2210 That to thy understanding I might so
Bring nigh the targets of my far-off aims.

A mutual resemblance links us twain
In our two theatres, although in truth
The showman's case resembles not my own.

2215 His figures are the media (with the screen)
Whereby his action is made manifest:

When he appears, they vanish and are naught.
So in its acts my soul resembles him;
My sense is like the figures; and my screen

2220 The body's vesture. So, when I removed
The curtain from myself, as he raised his.
So that my soul appeared to me unveiled—

And now already risen was the sun
Of the contemplative, and full of light
2225 The existential; now already loosed

By me the knots of my soul's tethering—
I slew that lad, the soul, whiles setting up
The wall to guard my laws, and staving in

My ship; I turned with my replenishment
2230 O'er all created life at every while
According to the actions then required.

But for my veiling in my attributes.
The things wherein my essence is displayed
Were burned to ashes in my glory's gleam.

А хитрые ловцы птиц расставляют силки, чтобы
птицы,

Алчущие пищи, были пойманы на зерно.

2185 Хищные чудовища океана разрушают
Хрупкие корабли; львы джунглей хватают
Крадущуюся добычу; птицы нападают на других
птиц

С небес; в пустыне

Звери охотятся на других зверей. И ты можешь
увидеть

2190 Ещё другие образы, которые я упустил
Упомянуть, полагаясь лишь на
Лучшие примеры. Выбери одно мгновение
Для размышления — ненадолго —

И ты найдёшь, что всё, что тебе представляется,
2195 И что ты созерцаешь,

Это деяние лишь одного, но скрытого
Под завесами сокрытия: когда Он убирает
Занавес, ты видишь лишь Его одного,
И в формах больше не правит хаос.

2200 И ты понимаешь, когда Он открывается,
Что в твоей тьме ты был ведом Его светом,
Чтобы узреть Его деяния.

Точно так же и я опускал занавес духа,
Заслоня себя светом

2205 Тени между собой и мною.
Так, чтобы в своём творении я мог
Постепенно проявляться к своему восприятию,
Привыкая к этому;

Соединяя свою задачу с игрой,
2210 Чтобы приблизить к твоему пониманию
Цели моих дальних стремлений.

Нас, как пару, связывает общее сходство,
В наших двух театрах, хотя, по правде говоря,
Дело кукловода не похоже на моё.

2215 Его фигуры (с экраном)— лишь средства,
С помощью которых проявляется его действие:
Когда он появляется, они исчезают и становятся
ничем.

Так в своих действиях моя душа напоминает его;
Мои чувства — как его фигуры; а моим экраном

2220 Служит одежда тела. И когда я снял
Занавес с себя, он поднял свой,
Моя душа предстала передо мной без покрова —
И вот уже взошло солнце

Созерцающего, и оно было полно света
2225 Существующего; теперь уже были
развязаны

Мной узлы, сдерживавшие мою душу.

Я убил этого парня, душу, пока воздвигал
Стену, охраняющую мои законы, и оставался на
Своем корабле; я обошёл со своим достатком

2230 Все сотворённые жизни, когда того
требовали действия.

Я обращался со своим достоянием
Ко всей тварной жизни в любое время
Согласно необходимым действиям.

Если бы не завеса моих атрибутов,

2235 The tongues of every being (if but thou
 Hast ears to hear) bear witness I am one
 In ceaseless eloquence. There hath come down
 (Touching my oneness) a Tradition sure
 In whose transmission by successive mouths
2240 No shadow of infirmity resides.
 Telling God loves His creatures, after they
 By labours supererogatory
 Or due performance of religious rite
 Draw nigh to Him; the point that reference
2245 Bids men observe is clear as noonday's sun
 In the Divine T am to him an ear'.
 I used all means to that uniting, till
 I found myself united; and indeed
 The intermediation of the means
2250 Was one among my guides; I unified
 Thereafter touching those the means, and so
 I lost them; and the link of unity
 Of all approaches did avail me best.
 And then I stripped my soul of both, and it
2255 Became a unit (that had never been
 In truth at any time aught else but one).
 I dived into the seas of union—nay
 I plunged in them, in all my loneliness.
 And brought to surface every peerless pearl,
2260 That I might hear my acts with seeing ears
 And look upon my words with listening eyes.
 So if the nightingale amid the grove
 Lamenteth, and the birds in every tree
 Warbling respond to her; if flautist play
2265 Upon the pipe harmonious to the strings
 Swept by the singing-girl, the while she chants
 Tenderest verses, and at every trill
 The spirits thrilled ascend to Paradise—
 Then I delight me in each masterpiece
2270 Of my creative art, declaring free
 My union and sweet intercourse from all
 Association with all otherness.
 The gathering of recollective praise
 Through me converteth to a reader's ear;
2275 For me the vintner's tavern gapeth still
 Open as a scout's eye; no hand but mine
 Tied virtually the girdle infidel.
 Or be it loosened in acknowledgement
 Of me, my hand performed the loosening.
2280 And if the mosque's *mihrd* be lighted up
 By the Koran, no church's massive pile
 Is wasted with the Gospel open there.
 No synagogue wherein the Torah's scrolls
 Moses delivered to his chosen folk
2285 Are nightly read by rabbis at their prayers.
 And if in idol-house the devotee

2235 Языки каждого существа (если только
 У тебя есть уши, чтобы слышать)
 свидетельствуют о том, что я — один,
 И делают это в непрерывном красноречии.
 Откровение, касающееся моего единства,
 Было передано с достоверностью, передавалось
 из уст в уста без
2240 Тени сомнения или слабости.

Оно гласит, что Бог любит свои создания, после
 того как они,
 Совершая труд сверх меры
 Или исполняя религиозные обряды,
 Приближаются к Нему; и этот момент,
2245 На который указывает людям откровение,
 ясен, как полуденное солнце:
 ‘Я для него — ухо’, — в Божественном.
 Я использовал все средства для того, чтобы
 достичь единства,
 Пока не нашёл себя в этом единении; и на самом
 деле
 Посредничество этих средств
2250 Было одним из моих проводников.
 А затем я объединил и сами средства,
 И тем самым потерял их; связь единства
 Всех подходов оказалась мне лучшей опорой.
 Тогда я освободил свою душу от всего этого,
2255 И она стала единым целым (что на самом
 деле
 Никогда не было чем-то иным, кроме единства).
 Я погрузился в моря единства — нет,
 Я бросился в них, во всём своём одиночестве.
 И поднял на поверхность каждую безупречную
 жемчужину,
2260 Чтобы я мог слышать свои деяния
 видящими ушами
 И смотреть на свои слова слушающими глазами.
 И если соловей среди рощи
 Плачет, а птицы на каждом дереве
 Перекликаются с ним; если флейтист играет
2265 На своей флейте, вторя гармонии струн,
 Натянутых певичей, пока она поёт
 Нежнейшие стихи, и с каждой её трелью
 Духи, трепеща, возносятся в рай —
 Тогда я наслаждаюсь каждым шедевром
2270 Моего творческого искусства, объявляя
 свободу
 Моего единения и сладкого общения
 От всякой связи с иным.
 Собрание хвалебной памяти
 Через меня обращается к слуху читателя;
2275 Для меня винный погреб всегда
 Открыт, как глаз разведчика; ни одна рука,
 кроме моей,
 Не завязывала пояс неверующего.
 А если он был развязан в знак признания
 Меня, моя рука совершила это развязывание.
2280 И если михраб мечети освещён
 Кораном, то тяжелые церковные здания
 Не пропадут зря, когда там открыто Евангелие,
 И ни одна синагога, где свитки Торы,
 Переданные Моисеем своему избранному
 народу,
2285 Не остаются нечитанными ночью, когда
 раввины
 Читают их в своих молитвах.

Bows down to stones, rush not in zealous rage
 Beyond the disavowal faith requires:
 Many a one unspotted by the shame
2290 Of polytheist idol-mongering
 In spirit worships Mammon. Every man
 With ears to hear, to him my warning voice
 Hath come; in me the pleas of every sect
 Are proved acceptable. *The eyes strayed not*
2295 In any faith, the thoughts ran devious
 In no denomination. Those who yearned
 Heedlessly for the sun lost not the way
 Seeing its shine deriveth from the light
 Of my unveiled effulgence. Or if fire
2300 The Magians worshipped (and, as tales report,
 Its flames were quenched not in a thousand years).
 They meant not aught but me, what though their
 quest
 Went other ways, and manifested not
 A vowed endeavour: they had once beheld
2305 The radiance of my light, and did suppose
 It was a fire, and so they went astray
 From the true guidance, following its rays.
 But for the veil that wraps existence round
 I would have said—But my observance of
2310 The laws that govern all phenomena
 Keepeth me silent. 'Tis *no idle sport*,
 The creatures were not made, *to wander off*
At random, though their actions go not straight;
 According to the branding of the names
2315 Run their affairs; the wisdom that bestowed
 Upon the essence divers attributes
 Drives them conformably to God's decree,
 T care not, and I care not'—by these words
 Disposed into two handfuls, one for bliss,
2320 The other unto misery consigned.
 So let the soul be known for what it is
 Or not: the clear discrimination in
 This issue is recited every morn.
 Indeed, the knowledge of the soul derives
2325 Out of itself: so did my soul dictate
 Unto my senses all I hoped to know.
 Had I declared all one, I would have swerved
 And sloughed my union's signs, my handiwork
 Associating equally with me.
2330 I am not blameworthy, if I proclaim
 My gifts, and on my followers bestow
 My grand endowment: that dispenser of
 The mystic union, when he greeted me
 At *Yea or nearer*, pointed me a bond
2335 Of spiritual kinship. From his light
 The lantern of my essence shone on me;
 My eve in me was radiant as my morn.
 And I was made to see myself, myself

И если в доме идолов поклонник преклоняется
 перед камнями,
 Не бросайся в ревностной ярости дальше, чем
 требует отрицание,
 Предписанное верой: многие, не запятнанные
 позором
2290 Идолопоклонства многобожников,
 В душе поклоняются Маммоне.

Каждый, кто имеет уши слышать, услышал мой
 предостерегающий голос;
 В себе я доказал приемлемость молитвы каждого
 учения.
 Глаза не блуждали в никакой вере,
2295 Мысли не уклонялись в учениях.
 Те, кто беспечно стремился к солнцу,
 Не сбились с пути, увидев, что его сияние
 Происходит от света моего откровения.
 Или если огонь,
2300 Которому поклонялись зороастрийцы (как
 рассказывают предания),
 Не угасал тысячу лет, —
 Они стремились не к чему иному, как ко мне,
 хотя их поиск
 Шёл иными путями и не проявлял
 Осознанного устремления: они однажды увидели
2305 Сияние моего света и посчитали,
 Что это был огонь, и потому сбились с пути,
 Следуя за его лучами.
 Если бы не завеса, окутывающая существование,
 Я бы сказал — но соблюдение мной
2310 Законов, управляющих всеми явлениями,
 Держит меня в молчании. Это не пустая игра,
 Существа не были созданы, чтобы блуждать
 Случайно, хотя их действия не всегда прямы;
 Их дела следуют по пути, отмеченному именами.
2315 Мудрость, даровавшая сущности
 Разнообразные атрибуты,
 Ведёт их в соответствии с Божьим указом.
 ‘Мне нет дела, и мне нет дела’, — этими
 словами
 Они были разделены на две группы: одна к
 блаженству,
2320 А другая обречена на страдание.
 Пусть душа будет познана такой, какова она
 есть,
 Или же не познана вовсе: ясное различие в этом
 Каждое утро провозглашается в молитве.
 На самом деле, знание о душе исходит
2325 Из неё самой: так моя душа диктовала
 Моим чувствам всё, что я надеялся узнать.
 Если бы я объявил всё единым, я бы сбился с
 пути
 И лишился знаков моего единства,
 Связывая своё творение наравне с самим собой.
2330 Я не виновен, если провозглашаю
 Свои дары и щедро наделяю ими
 Своих последователей: тот, кто дарует
 Мистическое единение, встретив меня
 На расстоянии ‘Да’ или ближе, указал мне
 связь
2335 Духовного родства. Из его света
 Засветился светильник моей сущности;
 Мой вечер был так же светел, как мой рассвет.
 И мне было дано увидеть себя, самого себя

Yet here; and I was he; and I beheld
2340 That he was I, that light my radiance.
In me the holy vale was sanctified,
Where I bestowed my putting off of shoes
On my companions, an unstinted gift.
And I beheld my beams, and was their guide_
2345 O wondrous soul, that shines upon that light!
I founded firm my Sinais, and there
Prayed to myself, and all my wants fulfilled:
My essence was my interlocutor.
My moon set not; my sun ne'er sank from sight;
2350 By me are guided all the shining stars
Upon their courses; all the planets swim
About my heavens as my will controls
All things I own; my angels prostrate fall
Before my sovereignty. And in the world
2355 Of recollection still the soul doth own
Its ancient knowledge my disciples pray
That I bestow on them. Haste then to my
Eternal union, wherein I have found
The greybeards of the tribe as little babes!
2360 For these my fellows living in my age
Drink but the dregs that I have left; and those
Ahead of me, the merits men in them
Applaud are but my superfluity.

Здесь; и я был им; и я узрел,
2340 Что он был мною, а этот свет — моим
сиянием.

Во мне была освящена священная долина,
Где я щедро одарил своих спутников,
Сняв обувь.
И я узрел свои лучи и стал их водителем.
2345 О, дивная душа, что сияет на этом свете!
Я основал свои Синайские горы, и там
Молился себе, и все мои желания исполнились:
Моя сущность была моим собеседником.
Моя луна не заходила; солнце никогда не
скрывалось от взора;
2350 Мною руководствуются все сверкающие
звёзды идя
По своим траекториям; все планеты плывут
В моих небесах, так как моя воля управляет
Всем, что я владею; мои ангелы падают ниц
Перед моим владычеством. И в мире
2355 Воспоминаний душа всё ещё владеет
Своими древними знаниями, о которых мои
ученики
Просят, чтобы я одарил их. Спешите тогда к
моему
Вечному единению, в котором я нашёл
Старейшин рода как малых детей!
2360 Ведь те, кто живут в мою эпоху,
Пьют лишь остатки того, что я оставил; а
достоинства тех,
Кто впереди меня, которыми восторгаются
люди, -
Не более, чем мой избыток.

Примечания

И когда твой Господь взял из чресл сынов Адама их потомство и заставил их свидетельствовать против самих себя: ‘Не Я ли ваш Господь?’ Они сказали: ‘Да, мы свидетельствуем...’ (Коран, сура 7, аят 171).

Для мусульманского мистика, согласно учению аль-Джунайда (ум. в 910 г.) и его более позднего современника аль-Халладжа (казнённого шариатскими законоведами в 922~г.) духовная жизнь человека начинается ещё до установления границ пространства и времени — в момент, когда Бог впервые вывел из Себя категорию бытия, внешнюю Ему, но существующую в Нем и через Него. Так суфии интерпретировали приведённые слова из Корана. В тот предвечный момент Человек заключил завет с Богом, признав Его своим единственным Господом и отвергнув всех других господ и покорность им.

Затем Бог создал Идею Мухаммада — суфийский аналог Первого Разума философов. Согласно одному преданию, Мухаммад существовал уже тогда, когда Адам был ещё ‘между водой и глиной’, то есть не был сформирован в физическом мире. Из Идеи Мухаммада, Реальности Реальностей, был создан весь материальный мир; в этой Идее все вещи, внешние по отношению к Богу, имеют свое бытие.

Великий поиск суфия заключается в том, чтобы в этом ограниченном мире и в этой жизни конечного бытия осознать своё единство с Духом Мухаммада. Когда этот поиск завершается, он неизбежно освобождается от своих тварных качеств и достигает полного признания Единства и Уникальности Бога. Этот момент завершает цикл его индивидуальной истории: он возвращается к ‘состоянию, в котором он был до своего бытия’. Однако он не уничтожается как личность; напротив, его индивидуальность трансформируется: если раньше она была временным атрибутом, то с этого момента она становится вечной, как и Атрибуты Бога. Здесь не идёт речь о том, что Бог пребывает в нём — такое мнение осудили бы как инкарнационизм; напротив, он пребывает в Боге и осознаёт, что существует только через Бога.

Это единение с Богом, однако, не остаётся с мистиком на протяжении всей его земной жизни как постоянное осознанное переживание; это мгновение славы, внезапная вспышка небесного блаженства, достигнутого в экстазе. Если бы тело могло погибнуть в этот момент, душа сразу же и навеки объединилась бы с Создателем. Но тело не умирает, и плоть снова обретает власть над обитающим в нём духом. Любящий вновь отделяется от Возлюбленного и проводит оставшиеся дни своей жизни в страстной тоске по обновлённому вечному союзу.

Такова вкратце предыстория первой сцены этой поэмы. Мистик, окружённый в медитации своими товарищами-суфиями, сосредотачивает мысли на несравненной красоте Возлюбленной. Его внутреннее созерцание, переплетение духовных ощущений, становится словно рукой, вливающей в душу пьянящее вино экстатической любви, а чаша, из которой льётся это вино, — это красота Возлюбленной. Он делится своими чувствами с друзьями, традиционно описанными как красивые юноши, надёжные хранители тайны его великой страсти. Но это не та красота, которую они понимают как физическую; его восторг вызван совершенной духовной красотой Мухаммада (строки 1–15).

Постепенно духовное опьянение овладевает его самоконтролем, страх отступает, и, забыв о присутствии спутников, он напрямую обращается к Возлюбленной. Однако он всё ещё не полностью освободился от осознания своей индивидуальности, которая порой вмешивается, мешая полному самопожертвованию (строки 16–28).

В этом состоянии бурного волнения он начинает свою беседу. Он умоляет Возлюбленную взглянуть на него хотя бы раз, чтобы увериться в её благосклонности до того, как будет уничтожен. Эта молитва перекликается с языком классических любовных

поэтов, которые опасались умереть от любви, так и не узнав, была ли она взаимной. Это напоминает ему похожую мольбу Моисея к Богу, который не увидел Творца, но был обрадован Его голосом: “Ты не увидишь Меня” (Коран 7:139), прежде чем ослепительный свет Божьего присутствия разрушил гору Синай (строки 29–40).

Поэт утверждает, что страдания его сердца могли бы сокрушить горы ещё до того, как их разрушило божественное откровение. Думая о своих слезах и обжигающих вздохах (образ, где элементы природы взаимно гасят разрушительные свойства друг друга), он сравнивает их с потопом Ноя и огнём, в который (согласно Корану 21:68) был брошен Ибрагим. В этом же настроении он сопоставляет свою скорбь с горем Якуба, лишившегося, как он думал, своего любимого Юсуфа (Коран 12:84), а свои мучения — с испытаниями Айюба и страданиями арабских любовников, погибших от безответной любви (строки 41–58).

Его страдания напоминают бедствие путников, оставленных караваном в пустыне. От страданий он так исхудал — классический образ поэтического преувеличения, — что даже глубочайшие тайники его сердца стали видны. В порыве горя он открывает тайну своей любви самому опасному врагу — Осведомителю (первый из традиционных персонажей любовной поэзии). Эта страсть, которую его верные друзья хранили в тайне (строки 13–15), становится известной всему племени. Поэт искусно описывает, как Осведомитель завладел его мыслями и как сама страсть предала его (строки 59–103).

Но дело зашло ещё дальше: любящий заявляет, что полностью исчез, так что даже смерть не смогла бы найти его, чтобы уничтожить. Он больше не желает вернуть себя самому себе и не в состоянии описать свои бесчисленные страдания. Традиционные Посетители, даже если бы они могли прочесть на небесной Скрижали Судьбы истину о его состоянии, нашли бы в нём лишь призрак (строки 104–137). В этом состоянии полного исчезновения он не может обнаружить даже в самых смелых фантазиях ни следа своей индивидуальной сущности в мире явлений. Он вернулся в то состояние, “в котором был до того, как был”, когда его дух уже существовал до сотворения физической вселенной и бренного тела (строки 138–146).

Поэт, используя череду излюбленных образов и фигур, оправдывает своё изложение страданий, выражая благодарность Возлюбленной за перенесённые испытания. Подарок Возлюбленной в виде страданий воспринимается любящим как величайшее благодеяние и изобилие милости (строки 147–173).

Вспоминая Завет, заключённый до начала времени (Коран 7:171), он испытывает благодарность за то, что стал мишенью злобы двух знакомых персонажей любовной драмы — Обличителя и Клеветника. Обличитель, притворяясь искренним другом, пытается отговорить его от страсти, тогда как Клеветник распространяет ложь о его искренности, движимый завистью. Поэт противостоит Обличителю, но притворяется согласным с Клеветником, чтобы другие не раскрыли его тайное счастье (строки 174–186).

Он терпит не ради похвал, а потому, что это необходимо для поклонения красоте Возлюбленной, которая снова названа причиной его драгоценных мучений (строки 187–200). Настоящий любящий должен быть готов умереть ради любви, отвергая все более низкие формы любви в полном самоотречении перед Возлюбленной (строки 201–225).

Как принято в эротической поэзии, на этом этапе поэт клянётся всем, что ему дорого, подтверждая искренность и правдивость своих признаний. Ибн аль-Фарид следует этой традиции, произнося серию торжественных клятв, в которых вновь вспоминает Предвечный Завет, а также “последний завет” как последователь открытой религии Ислама (строки 229–238). Он также клянётся тремя Божественными Атрибутами — Совершенства, Величия и Прекрасности, которые проявляются в феноменальном мире, а также Духовной Красотой, слишком утончённой для внешнего восприятия, что его Возлюбленная — его единственный и настоящий поиск (строки 239–261).

Он готов вытерпеть порицания людей, полностью отбросив сдержанность и последние остатки стыдливости (что характерно для страстного любовника в крайней степени страдания). Если менее пылкие любящие восхищаются только отдельными Атрибутами Возлюбленной (например, Атрибутом Милосердия, исключая Атрибут Гнева), он любит Её во всей Полноте. Она — единственная причина его смятения (строки 262–282).

Возлюбленная отвечает на это пылкое признание в духе любовных диалогов, характерных для эротической поэзии. Она насмешливо отвергает утверждение поэта о том, что он поклоняется исключительно Ей, обвиняя его в лживом притворстве. Так же вероятно, что его заблудший дух найдёт узкий путь к истинной любви, как и то, что человек, рождённый слепым, сможет увидеть далёкую звезду Алькор. Его притязания намного превышают его способности достичь желаемого (строки 283–305).

Возлюбленная утверждает, что любящий отказывается пожертвовать даже малой частью своего самолюбия. Используя язык алфавита, она говорит, что если бы он смирился настолько, чтобы стать, как тонкий штрих под точкой буквы ‘б’ (возможно, имеется в виду начало фразы ‘бисмилляхи’ — ‘Во имя Бога’, с которой начинается каждая сура Корана, кроме одной), этот акт самоуничтожения возвысил бы его гораздо больше, чем любые его притязания. Путь к достижению достаточно прям, но глаза людей ослеплены их эгоистичными желаниями (строки 306–327).

Претензия любящего на любовь к Возлюбленной оказывается ложной. Его хвалёная любовь сводится к любви к самому себе, что доказывается сохранением даже малейших остатков его индивидуальности. Истинное растворение в Возлюбленной проявляется через мистическое преображение, при котором любящий облекается исключительно в Атрибуты Возлюбленной. Поэт явно имеет в виду классическое определение духовного союза как ‘растворение человеческих атрибутов в Божественных Атрибутах’.

Возлюбленная призывает любящего оставить ложные притязания. Выбор перед ним прост: либо умереть для себя, войдя в ‘состояние более возвышенное’ (Коран 23:98), которое является единственным условием истинной любви, либо отказаться от своего стремления и больше не тревожить Возлюбленную (строки 328–342).

Любящий отвергает этот упрёк. Он умоляет Возлюбленную сразу забрать его душу, зная, что истинная любовь означает смерть для любящего. Его единственная цель — заслужить классическую эпитафию: ‘Он умер от любви’. Если ему не суждено достичь этой высшей чести, он согласен довольствоваться подозрением в любви к Ней. Ещё больше он будет рад умереть без почестей, даже без мученического венца (который, по апокрифическому преданию, полагается мистическому возлюбленному, умирающему от любви), лишь бы Возлюбленная знала, что причиной его смерти была его преданность.

Для него его жизнь слишком ничтожна, чтобы упоминать её как что-то, чем он готов пожертвовать ради союза с Возлюбленной. Если жизнь — это цена, которую нужно заплатить за высшую честь, о которой может мечтать любящий, то Возлюбленная тем самым лишь повышает его ценность (строки 343–376). Смерть не страшит его: он готов, чтобы Возлюбленная поступила с ним по Своей воле. Как говорили старые любовные поэты, такая угроза от Возлюбленной воспринимается любящим как обещание наивысшего блага.

В то время как другие люди боятся смерти, он приветствует её как врата к бессмертной жизни в единении с Возлюбленной (строки 377–385).

Диалог завершается. Поэт углубляется в темы, поднятые в обращении любящего к Возлюбленной. Многие до него из племени преданных мистиков, умерших, так и не удостоившись Её взгляда, становились жертвами Возлюбленной (сравните строку 31). Быть убитым Ею — вершина славы. Умерев, любя Её, он выиграет, потому что достигнет единства и восстановит жизнь своего духа (строки 386–402).

Его преданность Возлюбленной принесла ему презрение и насмешки со стороны окружающих, но он доволен своим унижением (строки 403–427). Любовь свела его с ума,

истощила и привела к тому, что его дух начал бояться ума, опасаясь, что ум, узнав его тайную страсть, выпустит слёзы, которые выдадут его другим. Дух настолько хорошо скрывал свои эмоции от сердца, что даже сознание не осознавало его волю к сокрытию (строки 428–446).

Эти страдания, вызванные Возлюбленной, сладки, даже несмотря на то, что Она делает его одновременно осознающим и неосознающим их. Поэт размышляет об этой утончённости: Возлюбленная настроила одну часть его существа против другой, чтобы сохранить его целостность ради Нее. Почтение борется с желанием; речь и слух состязаются друг с другом; смирение противостоит ревности (строки 447–476).

Наконец, его душа охвачена экстазом, хотя он всё ещё осознаёт желание, пробуждающееся внутри него. Он пребывает в состоянии непрерывного единения с Возлюбленной; всякий раз, когда упоминается Её имя или пробуждается воспоминание о Ней (даже через условного ‘призрака упрёка’, посещающего влюблённого, который ворочается без сна ночью), его дух охватывает радость и вдохновение. Когда он молится, он ведёт за собой всё человечество в молитве; Объект его молитвы находится внутри него, и имамы, ведущие верующих, обращаются к нему как к кибле, направлению молитвы; все шесть направлений, составляющих пространство, указывают на него. Именно ему (поскольку теперь он соединён с Возлюбленной) совершаются обряды большого и малого паломничества: на месте Авраама (возле Каабы в Мекке) он молился Возлюбленной, и Она молилась ему (477–505).

Поэт на мгновение приостанавливает этот поток сложных словесных изысканий и, оглядываясь назад (как он делает время от времени) к Предвечному Завету, провозглашает, что настало время разорвать вуаль, всё ещё разделяющую его с полным единением, ту частицу желания, которая всё ещё шевелится в нём (в строках 479–480) и которую он теперь признаёт даром, дарованным ему Возлюбленной до начала Времени, даже до того, как был заключён Завет, — предрасположенность сказать ‘Да’ на Божий вызывающий призыв (506–512). Его нынешняя верность — не ‘заслуга’ (термин, используемый суфийскими теоретиками для описания субъективных ‘стадий’ пути, на которых мистик всё ещё применяет свою волю), и не естественное ‘притяжение’ (как утверждали философы, говоря о причине любви), а та же самая страстная увлечённость, то опьянение Возлюбленной, которое владело им в Мире Повеления (нематериальной вселенной) до того, как возник Мир Творения (материальная вселенная) и он сам появился в ней. Любовь теперь уничтожила все созданные атрибуты в нём, которые не существовали в предвечном мире и, следовательно, не могли разделять его там с Возлюбленной (513–522). Эти атрибуты, будучи отвергнуты, преобразуются в Атрибуты Возлюбленной, которые и всегда на самом деле были атрибутами влюблённого: атрибуты скрывали от него осознание его идентичности с Возлюбленной, так же как Атрибуты скрывали от него осознание его собственной индивидуальности. Объект его любви всегда был Самим Собой; будучи смертным, он был отвлечён и не осознавал этой величественной истины, но в созерцании, присутствии его бессмертной души, он всегда был осведомлён об этом (523–534).

Поэт здесь делает паузу, как будто осознавая крайнюю сложность своих последних насыщенных выражений, и предлагает разъяснить их содержание более подробно, упрощая свою сложную аргументацию. Он вновь обращается к фигурам Клеветника и Осуждающего (сравните строки 176–183), которых теперь находит своими союзниками и, по сути, лишь аспектами единого отношения Возлюбленная–влюблённый. Теперь он оставил всякую корысть и эгоистичные желания; даже бедность — это атрибут, и потому он отбросил её наряду с богатством, вместе с мыслью о заслуге в этом поступке; таким образом, Возлюбленная стала его Наградой (535–568).

Преображение влюблённого в Возлюбленную наделило его правом и силой Возлюбленной направлять других влюблённых, которые сбились с истинного пути любви. Поэт блестяще использует этот момент, чтобы сделать традиционный переход: он

предлагает наставления, основанные на собственном опыте, некоему неназванному спутнику, вероятно, подразумевая любого ученика, который будет читать его поэму. Относительная простота этого отрывка становится приятной передышкой от длительного напряжения предыдущих сцен.

Новичку предлагается полностью подчиниться воле Возлюбленной; быть настоящему кающимся (первая стадия в суфийской схеме возрождения); не откладывать своё исправление на завтра, а решиться сегодня; и трудиться смело и неустанно. Ему не следует оправдываться слабостью или болезнью; гонка, если её пробежать быстро, сама по себе принесёт ему отдых (569–601). Таким образом, он рассматривает обычные темы, любимые суфийскими моралистами. Богатство не приносит благосклонности Возлюбленной, а бедность её не отнимает; бедность не должна служить оправданием для самовозвеличивания, и эту опасность можно избежать лишь полной искренностью в служении Возлюбленной. Ученик должен практиковать божественное молчание, поскольку все гностики признали, что величайшие тайны любви невыразимы словами; в то же время он должен остерегаться искать в молчании лишь то достоинство, которое молчание даровало немногим истинным мистикам, соблюдавшим его правила (602–634). Он должен стать пассивным инструментом в руках Возлюбленной: не видением, а зрением; не слухом, а ухом; не речью, а языком; видя, говоря и слыша не по своей воле, а так, как направляет эти способности Возлюбленная. Это прямой путь, ведущий к единению; следование капризам души ведёт к безнадёжному заблуждению (635–643).

После этой паузы поэт возвращается к повествованию о собственном пути. До сих пор его душа оставалась “упрекающей” (суфийский термин, заимствованный из Корана, 75:2, означающий состояние внутреннего конфликта, когда мистик борется со своими необузданными импульсами). Поэтому он приступил к обучению её суровой дисциплиной: поэт имеет в виду ту фазу мистического пути, которую теоретики называли рийадат ан-нафс, “укрощением плотской души”. Таким образом, он преобразовал свою душу из “упрекающей” в “умиротворённую” (ещё один суфийский термин, взятый из Корана, 89:27, обозначающий состояние, при котором все внутренние конфликты разрешены). Каждую “стоянку” мистического пути он превращал в аскетическое упражнение, выполняемое в абсолютном подчинении воле Возлюбленной, пока, наконец, не отказался от эгоистичной страсти искать Возлюбленную для себя и не обнаружил, что он сам больше не стремится, а становится объектом стремления (644–665).

Этот новый кульминационный момент подводит поэта к ещё одному длинному отрывку, посвящённому детальному изложению темы единения влюблённого с Возлюбленной и их идентичности. Хотя местами он отличается крайней тонкостью, следовать его рассуждениям не составляет большого труда, и он добавляет немного нового к тому, что уже было проанализировано ранее. Ибн аль-Фарид стремится чётко провести различие между “бытием” (индивидуальным существованием в феноменальном мире) и “созерцанием” (единственным существованием в духовном мире), нить размышлений, которая проходит через всю поэму (666–694).

Чувствуя необходимость в дальнейшем разъяснении этого утверждения, поэт предлагает привести два примера (один основан на ощущении слуха, другой — зрения), чтобы показать, как в определённых обстоятельствах дуальность оказывается иллюзией. Он излагает свою позицию, будто спорит с упрямым оппонентом, которого обвиняет в “тайном многобожии”.

Женщина в состоянии каталепсии произносит слова в трансе не по своей воле (хотя, безусловно, это её голосовые связки издадут звуки), но под воздействием и контролем сверхъестественного существа, овладевшего ею. Это первый пример (строки 721–750). Поэт признаёт, что раньше он находился в том же заблуждении, что и его оппонент, пребывая в состоянии чередующихся “утраты” и “обретения”, колеблясь между “бытием” и “созерцанием”. Он думал, что ощущение уничтожения, вызванное духовным опьянением, — это высшая точка, которой можно достичь на мистическом пути

(он использует аналогию с Вознесением Пророка, кратко упомянутым в Коране, 17:1; “граница дерева лоте” — это цитата из Корана, 53:9, отрывок, который суфии трактуют как описание мистического опыта). Но состояние трезвости после опьянения (то самое “двукратное отрезвление”, упомянутое в строке 38) позволило ему обрести свою трансформированную сущность, его единение с Возлюбленной стало истинным Единством (строки 751–770).

Это упоминание о единстве вновь побуждает поэта к страстному и тонкому рассуждению: когда он стоял (на горе Арафат во время паломничества), он стоял перед собой, а когда молился, он сам был своей Каабой. Он призывает своего оппонента отказаться от “заблуждения разделения”, следовать правильным путём суфиев, которые соревновались друг с другом в поиске “единства”, и смело провозглашать, что Красота абсолютна и не ограничена смертными элементами, в которых она время от времени проявляется. Каждый человек, охваченный страстью к другому, на самом деле жаждет Возлюбленную, которая одновременно раскрывается и скрывается в прекрасных образах, которые она временно воплощает.

В продолжительном и красноречивом отрывке поэт вновь и вновь подчёркивает эту мысль, приводя примеры поэтов-любовников, прославившихся в литературной истории за воспевание прекрасных дев, которых они обожали: возлюбленный и возлюбленная, рассматриваемые как сцены Божественного проявления, в каждом случае были идентичны с Возлюбленным и Возлюбленной, которые являются Одной Сущностью, самовлюблённой и самообожаемой (строки 771–854).

Почему же тогда, если возлюбленный осознал свою идентичность с Возлюбленной и понимал, что во всём мире не существует ничего, кроме Возлюбленной, он затем продолжал соблюдать церемонии и предписания формальной религии? Не из страха перед осуждением людей он пренебрегал своими обязанностями, и не из желания славы святого, но исключительно для того, чтобы спасти своих “помогающих друзей” (см. строки 13–14) от нападок хитрого противника, который пытался сбить их с пути на их более низкой ступени достижения, приводя в пример кажущееся нечестие самого возлюбленного (строки 855–892). Это была ещё одна причина той строгой самодисциплины, о которой он уже упоминал (в строках 644–665). Однако, несмотря на внешнее следование формальной ортодоксии, он никогда не отрекался от утверждения: “Я — Она” (строки 893–899).

При этом он никогда не совершал глупой ереси инкарнационизма, не утверждая, что Возлюбленная “вселилась в меня” (поэт использует технический термин для обозначения воплощения, осуждённой ортодоксальными теологами). Чтобы доказать это, он приводит второй пример, обещанный ранее (см. строки 724–725). Известно, что Гавриил, носитель Божьего вдохновения, несколько раз являлся Мухаммаду в образе определённого Дихьи; однако Пророк никогда не путал Дихью с Гавриилом — он видел ангела, тогда как другие свидетели видели человека. Священное Писание описывает это явление как “покров” (отсылка к Корану, 6:9) — термин, который поэт использует в других местах для обозначения той “двусмысленности”, благодаря которой феноменальный мир кажется наделённым духовными качествами (строки 899–926).

Упоминание явления Гавриила Мухаммаду вводит драматическое изменение в повествовании; поэт теперь говорит как Возлюбленная, явно идентифицируемая с самим Мухаммадом. Источник Садда (колодец, ставший пословицей за сладость своей воды) черпает из того же источника, что и его собственный изобильный поток — метафора Божественного вдохновения, противопоставляемая миражу интеллектуальных догадок. В то время как ранние пророки не осмеливались идти дальше берега, Мухаммад погрузился глубоко в океан полного и окончательного откровения, предназначенного только для него, “сироты” (отсылка к Корану, 93:6), чьё “сокровище” эзотерического знания разделял только “юноша” — Али, двоюродный брат и зять Пророка, который, по мнению суфиев, получил от него тайное мистическое учение (строки 927–942).

Возвращаясь к роли духовного наставника, поэт вновь обращается к неназванному ученику (см. строки 569–643), которого он призывает строго следовать его пути. Сам поэт превзошёл даже любовь как эмоцию, которую необходимо преодолеть в полном единении. Любовь, безусловно, является отправной точкой восхождения, которое ещё предстоит пройти; поэтому ученик может радоваться ей, поскольку она даёт ему превосходство над остальными слугами Бога — аскетами, теологами и философами. Родство, основанное на верности и любви, обеспечивает высочайшее из всех наследий — мистический гнозис, унаследованный от Пророка, который заботился о том, чтобы его Божественное знание принесло пользу человечеству (строки 943–972). Таким образом, восходя, ученик в конечном итоге может достичь цели возлюбленного — Единства, которое поэт вновь возвеличивает в красноречивой метафоре (строки 973–984).

Истинный возлюбленный может справедливо гордиться своим превосходством над трудолюбивым аскетом, который всё ещё подвластен надежде и страху. Благодаря этому тонкому переходу поэт переходит к обращению к не достигшему успеха страннику, которого он упрекает в том, что тот вышел за пределы своей сферы (воспоминание упрека, адресованного Возлюбленной возлюбленным в строках 286–302): пусть он останется там, где он есть, ибо дальнейший прогресс приведёт его к уничтожению (строки 985–1001). Только он (говоря как тот, кто достиг единения с Духом Мухаммада) достиг высшего ранга трезвости после единения: его слух подобен слуху Моисея (который слышал голос Бога), его зрение подобно зрению Мухаммада (который, согласно некоторым источникам, видел Бога в ночь своего Вознесения). В своём качестве Перворазума и Реальности из Реальностей его Дух является Духом всех духов (эта строка особенно сделала Ибн аль-Фарида мишенью для осуждения со стороны ортодоксов), его Красота — источником всей красоты. Он обладал прерогативой Божественного знания до того, как его собратья-пророки узнали о его существовании. Ни одно имя или эпитет не подходит для его обращения; ‘‘перемешивание именами’’ запрещено Священным Писанием (отсылка к Корану, 49:11). Даже его самый скромный последователь обладает степенью гнозиса, позволяющей отвечать на самые сложные вопросы с глубокой тонкостью (строки 1002–1034).

Даже термин ‘‘приближённые’’ (используемый в нескольких местах Корана для описания ангелов и благословенных в раю, см. 4:170; 56:87; 83:28) не применим к нему, поскольку само ‘‘приближение’’ подразумевает разделение; он превзошёл такие различия, как соединение и разделение, близость и удалённость, любовь и отвращение. Если его вообще можно упомянуть, то только в метафорических выражениях (строки 1035–1052). Он покорил высочайшую вершину Единства и вернулся из своего духовного Вознесения только для того, чтобы распространить таинства своей религии: отсылка к легенде о том, что Пророку в ночь Небесного Путешествия было указано, сколько раз в день его последователи должны молиться.

Он постиг принцип, изложенный в суре ‘‘Та-ха’’ (Коран, 20:7, где говорится: ‘‘Я — Бог, нет бога, кроме Меня, так поклоняйтесь Мне и совершайте молитву для Моего поминовения’’). Приветствуя Возлюбленную, он приветствует самого себя (строки 1053–1075).

Настроение снова меняется, и поэт вспоминает, как в начале своей истории любви он приветствовал Возлюбленную радостным гимном Любви, который он цитирует, пересказывая с ещё большей красноречивостью историю страданий влюбленного. Он виртуозно играет всем репертуаром своих тем и вариаций. Этот длинный отрывок, полный страсти, очаровательно контрастирует своей простотой с изысканной сложностью метафизических рассуждений, предшествующих и следующих за ним, и требует лишь небольших пояснений.

Можно лишь отметить, что ‘‘чудесная Ночь Могуущества’’ (строки 1144–1145), традиционно приходящаяся на 27-й день Рамадана, описывается в Коране (сура 97) как ночь, ‘‘лучше тысячи месяцев, когда ангелы и Дух нисходят по велению Господа’’.

Именно в эту ночь был ниспослан весь Коран. ‘‘Дальняя мечеть’’ (строка 1157, см. Коран, 17:1) — это Храм в Иерусалиме, куда Пророк был чудесным образом перенесён в ночь своего Вознесения. Упоминаются знакомые персонажи — Клеветник, Осуждающий и Шпион (строки 1169–1175). Юсуф (строка 1210) традиционно в мистической любовной поэзии символизирует высшее воплощение человеческой красоты. Интермедия достигает кульминации в утверждении, что страсть возлюбленного, как и красота Возлюбленной, универсальны (строки 1076–1229).

Поэт возвращается к размышлениям о тайне Единства. Клеветник и Осуждающий, упомянутые ранее (строки 542–546), на самом деле оказываются вернейшими союзниками возлюбленного, а не его врагами. В состоянии трезвости после единения ему были раскрыты такие тайны, которые невозможно выразить словами, хотя намёки на них будут поняты другими мистиками; более ясное определение подвергло бы поэта осуждению со стороны ортодоксов. Молчание о ‘‘великой тайне’’ высшего мистического опыта — распространённая тема суфийской литературы, особенно после казни аль-Халладжа.

В действительности четыре персонажа любовной игры — Возлюбленная, Влюблённый, Клеветник и Осуждающий — составляют одно целое: первые двое — это Единая Сущность, а последние двое — её атрибуты. Клеветник представляет Дух, стремящийся вернуть дух возлюбленного к его истоку, тогда как Осуждающий тянет душу обратно к материальному миру (строки 1230–1277).

На этом этапе поэт вновь говорит устами Пророка (см. строки 927–942). Универсальная Душа является источником всех форм материального существования, тогда как Универсальный Дух создаёт духи, населяющие нематериальный мир (строки 1278–1288). Затем влюблённый снова возвращается к своему личному рассказу: двойное притяжение Духа-Клеветника (к вечному) и Души-Осуждающего (к временному), характерное для мистического экстаза, проявляется во взаимодействии внешних и внутренних чувств человека. Прекрасные образы и звуки, воспринимаемые внешними глазами и ушами, заставляют внутренние глаза и уши постигать красоту Возлюбленной, вызывая состояние невыразимой радости. Этот тонкий момент развивается с богатством иллюстраций, когда поэт позволяет разгуляться своему воображению. Как всегда, когда он увлечён своей художественной фантазией, он пишет с поразительной простотой, и этот центральный отрывок, чрезвычайно красивый, не требует комментариев (строки 1289–1407).

Затем Ибн аль-Фарид усиливает напряжение своих мыслей, вновь размышляя о тайне Единства Влюблённого и Возлюбленной. Он сам вмещает в себе свой храм, содержащий Каабу его духовного поклонения; он обходит вокруг себя так же, как паломники в Мекке обходят Святой Дом; он бежит от своего внутреннего Сафа к своему внутреннему Марве (горы возле Мекки, между которыми паломники совершают состязание). Двойственность Влюблённого-Возлюбленной, сопровождающая его мистический сон (как Пророк был перенесён ‘‘между сном и бодрствованием’’ во время своего Вознесения), преобразуется в единую сущность в состоянии трезвости после единения (строки 1408–1441).

Хотя сейчас он облачён в атрибуты божественности, он (отождествляющий себя с Пророком) помнит о своих обязанностях перед феноменальным миром и о предписаниях своей религии (см. строки 1055–1058). В своём двойственном естестве — Божественном и человеческом — он изображает себя апостолом, посланным Самим Собой к себе до рождения Адама; с другой стороны, он предстает как воплощённое существо, созданное позже во времени, восходящее из себя к Самому Себе в обновлённом единстве личностей. Эта мысль разрабатывается через серию тонких образов (1442–1485).

‘‘Раскол’’ небес и земли (используя язык Корана, XXI:31, как отсылку к акту творения) теперь ‘‘закрыт’’. Категории пространства и времени исчезли, поскольку измерения предполагают ‘‘инаковость’’, а значит, многобожие. Творение Бога не имеет несоответствий (Коран, LXVII:3), потому что противоположности были разрешены. Он

единосущен с тем Адамом, которому ангелы поклонились по велению Бога (см. Коран, XV:28–30). Его собратья-мистики стремились найти истину на “ближнем горизонте” (первая ступень реальности, в отличие от “высшего горизонта” полного откровения, см. Коран, LIII:7), то есть в экстазе духовного опьянения, но истинное единство Единства доказывается лишь в трезвости после единения, во “втором разделении” (1486–1518). Он снова использует символику Моисея на Синае (Коран, VII:139), опыт, с которым он, как Дух Мухаммеда, был знаком задолго до рождения Моисея или его обращения к Богу.

Язык алфавита снова становится подходящим для выражения идеи стирания “инаковости” (индивидуального существования) в всеохватывающем Единстве высшего достижения: точка, отличающая букву *гъайн* (которая также является словом, означающим “облако”), стирается, превращая её в букву *айн* (слово, означающее “глаз” и “суть”), которая единственная сохраняется после стирания (1486–1536).

Единство превосходит все различия: это полное устранение всякой разобщённости. Мистик осознал тождество своего “существа” с “созерцанием”. Мухаммед упоминал своё превосходство над всеми пророками, когда спросил своих сподвижников (согласно одному хадису), не считают ли они его выше Ионы. Поэт использует язык Божьего вызова и человеческого ответа (Коран, VII:171), чтобы вновь подчеркнуть этот неизменно повторяемый момент (1537–1577). Согласно одному из хадисов, Бог утверждает: “Моя милость предшествовала Моему гневу”, что укрепляет мистика в уверенности в Рае; Ад скажет каждому истинному верующему (согласно другому хадису): “Твой свет погасил мой огонь”. Поэт объединяет эти две мысли в единой гармонии эзотерической интерпретации (1578–1586).

Используя терминологию суфиев, он утверждает, что является (как Дух Мухаммеда) Полюсом, вокруг которого вращаются небеса, Полюсом, который никогда не проходил через подчинённые ступени Замещения и Привязки, так как он не был преемником какого-либо предыдущего Полюса, а сам является Первым Полюсом (1587–1598).

Поэт в весьма изысканном языке описывает растерянность влюблённого при первом столкновении с Возлюбленным — колебание между бессознательностью себя и осознанием Самости. Он проходит через три степени уверенности (как их называют суфийские теоретики), пока не достигает полного Единства личностей, состояния, которое он иллюстрирует рядом образов, которые, по сути, не так уж и сложны для понимания (1599–1710).

Напряжение постепенно усиливается, когда поэт размышляет о глубоких тайнах Единства, пока, наконец, он не изливает серию строк, чрезвычайно изысканных и украшенных, почти полностью утопающих в чувственном экстазе (1711–1829). (К слову, упоминание в строках 1795–1796 связано с хадисом, где Бог говорит: “Поклоняйся Мне, как будто видишь Меня, ибо если ты Меня не видишь, то Я вижу тебя”.) Некоторое представление о сложной вербальной конструкции этого отрывка может быть передано через транскрипцию нескольких строк:

фа-марджи'уха лил-хисси фи 'алами с-саха
-дати л-муджтади ма н-нафсу минни ахассати
фусулу 'ибаратин усулу тахиятин
хусулу исаратин усулу 'атияти
ва-матла'уха фи 'алами л-гайби ма ваджад
-ту мин ниямин минни алайя стаджаддатф
басаиру икрарин басаиру ибратин
Сараиру Атарин Дахаиру Давати
ва-мауди'уха фи 'алами л-малакути ма
хусисту мина л-исра бихи дуна усрати
мадарису танзилин махарису гибтатин
магарису та'вилин фаварису ман'ати

ва-мауки'уха фи 'алами л-джабарути мин
Масарики Фатин Лил-Басаири Мубхити
араику таухидин мадарику зультатин
Масалику Тамджидин Малаику Нусрати
ва-манба'уха би-л-фаиди фи кулли 'аламин
ли-факати нафсин би-л-ифакати атрати
фаваиду ильхамин раваиду ниматин
'аваиду ин'амин маваиду на'мати

Продолжая в несколько более сдержанном тоне, поэт вновь обращается к “соединению разрыва” (ср. строки 1490–1491) и описывает воздействие высшего Единства на чувства, которые больше не сохраняют свои отдельные функции, но сливаются в гармонию тотального сознания (1830–1869).

Это явление приводится как объяснение различных чудес (1870–1908). Так, Ной был спасён, благополучно причалив к горе аль-Джуди (Арарат в Коране, XI:46); Соломон вместе с армией людей и духов был перенесён ветром (Коран, XXI:81–82), а трон царицы Савской Билкис был перенесён к нему (Коран, XXVII:40–42). Авраам был спасён от огня, в который его бросили враги (Коран, XXI:69), и собрал убитых и расчленённых птиц с дальних гор, оживив их (Коран, II:262). Посох Моисея поглотил змей чародеев фараона (Коран, X:80–81) и вызвал двенадцать источников воды из скалы (Коран, VII:160). Якуб излечился от слепоты, когда на его лицо положили рубашку Йусуфа (Коран, XII:96). По молитве Исы (Иисуса) небесный стол был ниспослан израильтянам (Коран, V:114–115), а он сам исцелял слепых и прокажённых и оживлял птицу из глины (Коран, III:43) (1909–1944).

Вся природная красота восхищает мистика, ибо в ней он созерцает совершенство Своего творческого искусства.

Все религии содержат указания на истину Единства; “глаза не уклонялись” (см. Коран 53:17) ни в одной из вер. Люди не были созданы “для пустой забавы” (Коран 23:117) или “чтобы блуждать без цели” (Коран 75:36). Во всех вещах исполняется вечная Воля Бога, как было сказано (согласно преданию) при создании Адама: “Эти (спасённые) — в Раю, и Мне всё равно; а эти (проклятые) — в Аду, и Мне всё равно”; это полностью подтверждается Кораном, который люди читают каждое утро. В этом учении об абсолютном Единстве нет места пантеизму (2254–2329).

Ибн аль-Фарид вступает в финальную сцену своей драмы, говоря голосом Мухаммада, ссылаясь на видение Духа, о котором упоминается в Писаниях (Коран 53:9), и на снятие обуви Моисеем в святой долине (Коран 20:12); его солнце и луна не заходят, как те небесные светила, которые Авраам отверг как объекты поклонения (Коран 6:76). Небеса находятся в его власти, и ангелы признают его господство. Вечная мудрость остаётся неизменной в мире Духа; это тайное знание, о котором молят суфии, но живущие ныне пьют лишь осадок чаши знаний (так поэт возвращается к образу, с которого начал), в то время как даже восхваляемая мудрость древних была лишь избытком его безграничной и бесконечной милости (2330–2363).

Библиография

- Diwan of Ibn al-Farid. Рукопись из коллекции А. Честера Битти. Без даты, ранее 1292 г.
Diwan of Ibn al-Farid. Литографированное издание. Бейрут, 1851 г.
Diwan of Ibn al-Farid. Печатное издание. Бейрут, 1899 г.

- Diwan of Ibn al-Farid. Отредактировано с краткими примечаниями Махмудом Тауфиком. Каир, ок. 1945 г.
- Jald' al-ghamid. Амина Хури. Текст Diwan Ибн аль-Фарида с аннотациями. Бейрут, 1910 г.
- Muntaha al-nazarik Саида ад-Дина аль-Фаргани. Подробный комментарий к Nazm as-suluk Ибн аль-Фарида. Каир (?), 1876 г.
- Kashf al-wujuh al-ghurr Абд ар-Раззака аль-Кашани. Комментарий к Nazm as-suluk Ибн аль-Фарида. Напечатано на полях Sharh Diwan Ibn al-Farid. Каир, 1901 г.
- J. von Hammer-Purgstall. Das arabische Hohe Lied der Liebe. Вена, 1854 г.
- S. I. Di Matteo. Ibn al-Farid: il gran poema mistica. Рим, 1917 г.
- R. A. Nicholson. ‘The Odes of Ibnu 'l-Farid’ в Studies in Islamic Mysticism, стр. 162–266. Кембридж, 1921 г.
- C. A. Nallino. ‘Il poema mistico arabo di Ibn al-Farid in una recente traduzione italiana’, ‘Ancora su Ibn al-Farid e sulla mistica musulmana’, ‘Frammento di traduzione dell’ at-Ta’iyyah al-kubra di Ibn al-Farid’ в Raccolta di scritti editi e inediti (отредактировано Марией Наллино), том II, стр. 191–386. Рим, 1940 г.